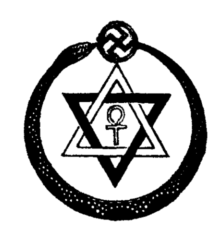

ВѢСТНИКЪ ТЕОСОФІИ

РЕЛИГІОЗНО-ФИЛОСОФСКО-
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

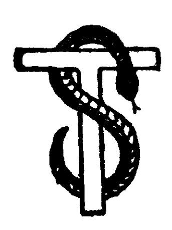
Satyât Nasti Paro Dharmah

(Нѣтъ религіи выше истины).

---

7 сентября.

№ 9.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1910

Спб. Городская Типографія, Садовая, 55. уголъ Вознесенскаго.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА

Религiозно-философско-научный журналъ

„ВѢСТНИКЪ ТЕОСОФIИ".

(ТРЕТIЙ ГОДЪ ИЗДАНIЯ).

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1) статьи какъ оригинальныя, такъ и переводныя по теософiи, по сравнительному изученiю религiй, оккультизму, изслѣдованiю психическихъ силъ, скрытыхъ въ природѣ и въ человѣкѣ, по психологiи и др. отраслямъ знанiя;

2) свѣдѣнiя о теософическомъ движенiи въ Россiи и за границей и о другихъ родственныхъ духовныхъ и общественныхъ движенiяхъ;

3) бiографiи выдающихся представителей теософическаго мiросозерцанiя и общественныхъ дѣятелей;

4) художественно-литературный отдѣлъ, какъ отраженiе въ искусствѣ теософическаго мiросозерцанiя;

5) отзывы о книгахъ, поступающихъ въ Редакцiю журнала по вопросамъ теософiи, психологiи и др.;

6) справочный отдѣлъ, вопросы и отвѣты на вопросы подписчиковъ.

Журналъ выходитъ 7-го числа каждаго мѣсяца, книжками въ форматѣ in 8° не менѣе пяти печатныхъ листовъ каждая, подъ редакцiей *А. А. Каменской,* при участiи **Анни Безантъ**, доктора **Рудольфа Штейнера**, *Alba, П. Н. Батюшкова, Н. К. Боянуса, Н. Броницкой, А. Ф. Вельцъ. В. Д. Гарднера, А. С. Гралевской, С. Н. Даль, Н. Гернетъ, М. Каменской, К. Кудрявцева, Е. М. Кузмина, М. Летрэ, Н. Лихачевой, И. Манджарли, Е. Писаревой (Е. П.), М. Станюковичъ, Д. Страндена, О. Д. Форшъ, Б. Ф., А. В. Унковской, П. Успенскаго, М. П.* и др. Въ теченiе двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ (iюнь и iюль) журналъ не выходитъ.

Въ теченiе года предполагается помѣстить нижеслѣдующiя крупныя статьи: „Три желанiя" и „Оккультныя науки" **Е. П. Блаватской;** „Дхарма" и „Проблема зла и страданiя" **А. Безантъ;** „Древняя мудрость на протяженiи вѣковъ" **Т. Паскаля;** „Мистики" **Р. Штейнера;** „Объ общенiи съ мiромъ духовъ" *Гартмана;* бiографическiе очерки Е. П. Блаватской, Г. Олькотта и Т. Паскаля и рядъ оригинальныхъ статей сотрудниковъ Редакцiи.

Цѣна **6** руб. въ годъ съ доставкой и пересылкой въ предѣлахъ Россiйской Имперiи. Допускается разсрочка: за 1/2 года—**3** р. **50** к., за 3 мѣсяца—**2** руб. Отдѣльный №—**75** к. За перемѣну адреса городского на городской—**20** к., городского на иногороднiй и обратно иногородняго на городской—**40** к. Цѣна за границу **10** руб. Разсрочка за границу не допускается.

Подписка для иногороднихъ **только черезъ Контору Редакцiи**.

Городская подписка принимается въ Конторѣ Редакцiи (СПБ., Ивановская, 22) ежедневно, кромѣ субботъ и праздничныхъ дней, отъ 1—4 час. дня и по воскресеньямъ отъ 11 — 12 час. дня, а также во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ. Годовая подписка въ разсрочку безъ повышенiя цѣны допускается только **до 1 января 1910 г.**

По дѣламъ Редакцiи издательница принимаетъ лично по пятницамъ отъ 4—5 часовъ дня.

От Редакціи „Вѣстника Теософіи“.

Вышелъ отдѣльнымъ изданіемъ полный переводъ книги Эдуарда Шюре „Великіе Посвященные“ (очеркъ эзотеризма религій) 410 стр. Цѣна **2** р. **25** к.

Статьи, присылаемыя для напечатанія въ „Вѣстникѣ Теософіи“, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и исправленіямъ. Рукописи должны быть написаны четко и на одной сторонѣ листа. Рукописи, не востребованныя въ теченіе трехмѣсячнаго срока, уничтожаются.

Во избѣжаніе недоразумѣній съ доставкою журнала, Редакція проситъ гг. подписчиковъ заблаговременно **сообщать ей о перемѣнѣ ихъ адресовъ.**

Заявленія о неполученіи очередного № должны быть дѣлаемы не позже полученія слѣдующей книжки журнала, такъ какъ жалобы, заявляемыя по истеченіи этого срока, экспедиція городского почтамта оставляетъ безъ разсмотрѣнія.

„Вѣстникъ Теософіи“ за 1909 годъ имѣется для продажи въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ. **Цѣна** съ пересылкой **5** рублей.

Редакція.

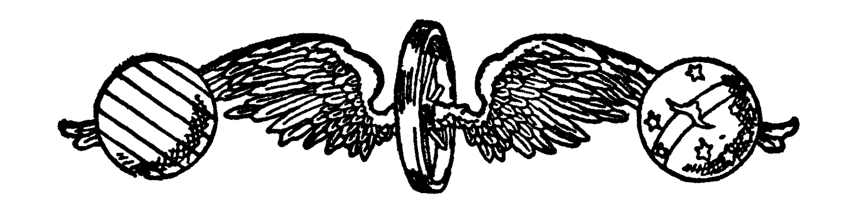
СОДЕРЖАНІЕ

сентябрьской книжки „Вѣстника Теософіи“.

Опечатки въ № 7—8 за іюль—августъ:

Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
На стр. 97 строка 5-я сверху: результатъ	регуляторъ
„ „ 98 „ 9-я „ весь міръ	земной міръ

SOMMAIRE.

Письмо Президента.

Адіаръ, 7 іюля 1910 года.

Дорогіе друзья.

Въ моемъ послѣднемъ письмѣ я писала „о необыкновенной интенсивности жизни, проявляющейся почти во всѣхъ частяхъ общества“. Въ настоящемъ письмѣ мнѣ-бы хотѣлось указать на мѣняющееся отношеніе внѣшняго міра къ намъ и на возрастающее уваженіе къ нашей литературѣ и къ нашей работѣ.

Поразительной иллюстраціей къ тому можетъ послужить лекція проф. химіи въ Политехникумѣ въ Миланѣ, д-ра Убалдо Антони, прочтенная передъ членами Итальянскаго общества химіи. Ученый профессоръ говорилъ о пониманіи атома въ древнія времена и въ наше время и замѣтилъ, что XIX вѣкъ такъ-таки не рѣшилъ этого вопроса и предоставилъ рѣшать его XX вѣку. Затѣмъ онъ высказалъ убѣжденіе, что добросовѣстный изслѣдователь не долженъ пренебрегать никакими новыми явленіями, фактами или идеями, кѣмъ-бы они не были найдены и внѣ „поля науки“, и сообщилъ своимъ слушателямъ о работѣ, сдѣланной г. Ледбитеромъ и мною, и напечатанной въ книгѣ „Оккультная химія“. Онъ сказалъ:

„Они предлагаютъ рѣшеніе трудной задачи. Намъ раскрывается, почти съ математической точностью, изъ какихъ частицъ создается атомъ, какимъ образомъ эти частицы соединяются, образуя нѣсколько элементовъ, намъ указываются различныя степени этого соединенія, словомъ, все, что можетъ быть названнымъ *desiderata,* что составляетъ необходимыя свѣдѣнія для химика.

Профессоръ, не признавая—какъ и слѣдовало ожидать—ясновидѣнья, комментируетъ цѣнность графическихъ знаковъ:

„Я вижу знаки, посредствомъ которыхъ составъ атомовъ представленъ схематически и образно и которые могутъ дать ключъ къ нѣкотораго рода рѣшенію той проблеммы, надъ которой тщательно бьются современные ученые и которыя долго еще будутъ тревожить ихъ; что касается внѣшней стороны, приложенные рисунки атомовъ, даже если бы они были и фантастичны, могутъ быть интересны сами по себѣ, помимо тѣхъ идей, развиваемыхъ авторами въ полномъ согласіи съ новѣйшими взглядами научными на строеніе матеріи, которыя придаютъ всему

произведенію нѣчто убѣдительное, дѣлающее чтеніе книги еще болѣе интереснымъ, несмотря на всю осторожность, съ которой приходится относиться къ ней".

Профессоръ Антони иллюстрировалъ свою лекцію рисунками, взятыми изъ книги, при помощи волшебнаго фонаря. Онъ подчеркнулъ свою мысль слѣдующими словами:

„Оставляя въ сторонѣ то, какимъ образомъ были видимы эти формы въ ихъ основномъ типѣ или въ видоизмѣненіяхъ этого типа, фактъ остается, что мы *впервые* имѣемъ передъ собой графическое изображеніе химическаго атома, которое соотвѣтствуетъ какъ новѣйшимъ теоріямъ о строеніи атомовъ, такъ и всему, относящемуся до различныхъ химическихъ свойствъ элементовъ въ области науки".

Несомнѣнно мы не можемъ ожидать, чтобы ученые приняли цѣликомъ какое нибудь изъ нашихъ утвержденій, разъ они добыты орудіями, которыя они не могутъ ни провѣрить, ни использовать. Самое большое, на что мы можемъ надѣяться, это—что наши свѣдѣнія будутъ приняты какъ разумныя гипотезы, которыя со временемъ, когда наука своимъ собственнымъ путемъ рѣшитъ этотъ вопросъ, могутъ быть провѣрены или же отброшены. „Оккультная химія" переводится на итальянскій и испанскій языки и, какъ мы слышали, д-ръ Штейнеръ переводитъ ее на нѣмецкій языкъ.

Другой признакъ дружескаго настроенія публики это — почетное мѣсто, которое отводится въ Бельгійской прессѣ центральному индусскому Колледжу. „Contemporary Review", говоря о моей просвѣтительной работѣ въ Индіи, употребляетъ выраженіе „сѣть вліятельныхъ обществъ, покрывшихъ всю страну" и т. д.

Продажа книгъ растетъ до поразительныхъ размѣровъ, а продажа моихъ собственныхъ книгъ удвоилась. Со всѣхъ сторонъ приходятъ запросы, а здѣсь, въ Адіарѣ, наше издательство „Васанто" перегружено до послѣдней степени и завѣдующій требуетъ вторую печатную машину, нефтяной двигатель и помѣщеніе для машины.

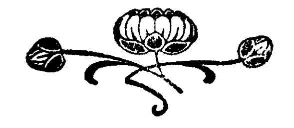
На мое суровое возраженіе, что я не могу тратить на это новыхъ суммъ, онъ кротко возражаетъ, что дѣло растетъ, а черезъ недѣлю снова является и возобновляетъ свою просьбу.

Я имѣю въ виду поставить двѣ просьбы: не постараются-ли члены Т. О. увеличить число подписчиковъ на „Theosophist"; мнѣ нужно 10.000 подписчиковъ, чтобы покрыть новую машину, и мнѣ думается, что нѣкоторыя старанія со стороны членовъ могли-бы осуществить мое желаніе. Мы имѣемъ очень мало подписчиковъ въ Америкѣ, хотя тамъ много нашихъ членовъ.

Вторая просьба касается болѣе важнаго вопроса. Весьма значительный долгъ, увеличивающійся ежегодно, скоплялся въ те-

ченіе многихъ лѣтъ на сельскихъ школахъ Цейлона, которыя всѣ возникли благодаря энергичной работѣ покойнаго президента Г. Олькотта. Правительство сдѣлало всеобщее образованіе обязательнымъ въ Индіи и выработало правила, которымъ всѣ школы должны подчиняться. Вслѣдствіе этого, буддійскія школы могутъ продолжать свое существованіе только при условіи покрытія лежащаго на нихъ долга; если это не будетъ сдѣлано, онѣ будутъ переданы другимъ учрежденіямъ, главнымъ образомъ миссіонерамъ, которые получаютъ изъ Америки и изъ Англіи обильную денежную поддержку, и тогда великое дѣло Генри Олькотта на пользу буддійскаго образованія должно будетъ погибнуть. Завѣдующимъ назначенъ г. Мооръ, а помощникомъ энергичный мѣстный дѣятель. Онъ будетъ хлопотать о сохраненіи школъ, если будетъ надежда на погашеніе долга. Требуется сумма въ 2500 фунт. стерл. Я ставлю вопросъ для всѣхъ членовъ: кто хочетъ помочь?

Ваша вѣрная слуга **А. Безантъ.** Пр. Т. О-ва.

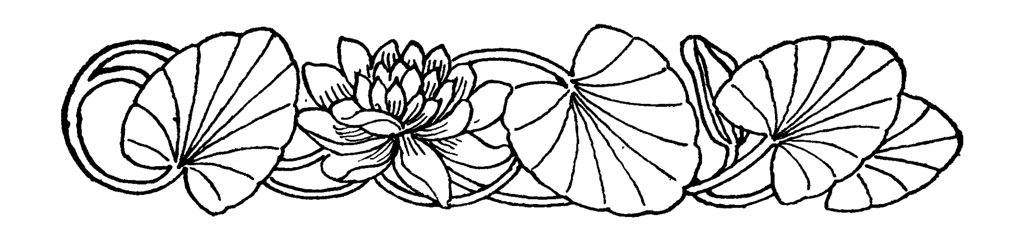
Изреченія изъ Св. Писаній Сикх'овъ *).

Ты еси я, я есмь Ты. Гдѣ же различіе? Во всемъ пребываетъ Единое.

Онъ Самъ есть Единое и множество. Онъ не умираетъ и не погибаетъ. Онъ не приходитъ и не уходитъ. Нанакъ сказалъ, что Единое пребываетъ во всемъ.

Омкара, истинное Имя, Творецъ, Духъ, безстрашный, неспособный желать зло, образованный внѣ временъ. Не рожденный ни въ какомъ лонѣ, существующій Самъ Собой, Высшее Благословленіе. Истинное ранѣе вѣковъ, истинное въ настоящемъ и истинное въ будущемъ, о Нанакъ.

*) Секта въ Индіи. Основатель ея, Гуру Нанакъ, стремился объединить Индусовъ и Мусульманъ.

Генрихъ Стиль Олькоттъ.

(Henry Steel Olcott).

(Біографическій очеркъ).

Генрихъ Стиль Олькоттъ, Президентъ—Основатель Теософическаго общества, положилъ 32 года своей жизни на дѣло Теософіи, которому служилъ всей душой и всѣми силами своими до самой смерти. Онъ является однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ дѣятелей прошлаго вѣка, яркой и оригинальной индивидуальностью и выдающимся піонеромъ-организаторомъ. Но задолго до того, какъ онъ, вмѣстѣ съ Е. П. Блаватской, основалъ Теософическое общество (1875 г.), онъ уже пользовался большой извѣстностью на своей родинѣ, въ Америкѣ.

Г. С. Олькоттъ происходилъ изъ древняго пуританскаго рода, давно переселившагося въ Америку. Онъ родился въ 1832 г. въ Нью-Джерси. Ему было всего 23 года, когда блестящій успѣхъ его образцовой фермы (model farm of scientific agriculture) обратилъ на него всеобщее вниманіе и греческое правительство предложило ему каѳедру по агрономіи въ Аѳинскомъ университетѣ. Отклонивъ это предложеніе, молодой Олькоттъ вскорѣ основалъ близъ Нью-Іорка Ветчерскую сельско-хозяйственную школу, давшую новое національное направленіе системѣ агрономическаго образованія. Заинтересовавшись культурой сорго, онъ написалъ свою первую книгу „Sorgho and imphee, the Chinese and African sugar-canes", выдержавшую 7 изданій. Вслѣдъ за этимъ ему было предложено мѣсто директора въ сельско-хозяйственномъ бюро Вашингтона, отъ котораго онъ отказался.

Въ 1858 году Г. С. Олькоттъ впервые посѣтилъ Европу съ цѣлью изучить усовершенствованные способы земледѣлія, и его отчетъ былъ напечатанъ въ американской энциклопедіи (Apple-

tin's American Cyclopoedia). Въ качествѣ спеціалиста-агронома, онъ сдѣлался корреспондентомъ извѣстнаго англійскаго журнала „Mark Lane Express". За это время онъ написалъ еще двѣ книги по земледѣлію.

Когда разразилась междоусобная американская война, преданный идеѣ свободы, Г. С. Олькоттъ былъ зачисленъ въ Сѣверную армію. Онъ провелъ всю кампанію подъ начальствомъ генерала Бэрнсайда. Заболѣвъ лихорадкой, онъ долженъ былъ слечь; по выздоровленіи, онъ сейчасъ же сталъ снова проситься въ армію, но правительство, знавшее его мужество и талантливость, поручило ему вести слѣдствіе по запутанному и опасному дѣлу, въ которомъ были замѣшаны крупные представители интендантства. Всѣ средства были пущены въ ходъ, чтобы помѣшать разслѣдованію дѣла, но ни подкупы, ни угрозы не могли остановить стойкаго офицера, и онъ блестяще закончилъ свою миссію. Въ теченіе четырехъ лѣтъ онъ твердо выдерживалъ бурю нападокъ и клеветы, не останавливаясь ни передъ какими затрудненіями. Ему удалось выяснить дѣло и привлечь къ отвѣтственности видныхъ дѣятелей; главный виновникъ растраты былъ присужденъ къ 10-лѣтнему тюремному заключенію. По этому случаю онъ получилъ рядъ восторженныхъ писемъ и поздравительную телеграмму отъ властей, выражавшую убѣжденіе, что „успѣхъ слѣдствія былъ не менѣе важенъ для народа, чѣмъ выигрышъ великаго сраженія".

Произведенный въ полковники, Г. С. Олькоттъ получилъ почетную и отвѣтственную должность при военномъ вѣдомствѣ. Черезъ два года ему было поручено произвести въ морскомъ вѣдомствѣ ревизію, обнаружившую рядъ злоупотребленій и хищеній. Морское вѣдомство торжественно высказало ему свою благодарность и преподнесло ему адресъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, отмѣчавшій его неподкупную честность, мужество, выдержку и силу характера.

Таковъ былъ человѣкъ, сдѣлавшійся товарищемъ Е. П. Блаватской и основавшій съ нею Теософическое общество. Безупречную репутацію общественнаго дѣятеля, талантливость, громадную трудоспособность, полное самоотреченіе — все это онъ внесъ въ свою новую дѣятельность.

Е. П. Блаватская встрѣтила его на фермѣ братьевъ Эдди, гдѣ происходили необыкновенныя спиритическія явленія. Полковникъ Олькоттъ былъ посланъ сюда газетами „New-York Sun" и New-York Graphic", чтобы изслѣдовать эти явленія. Его статьи

были напечатаны въ цѣломъ рядѣ изданій и облетѣли всю Америку.

Какъ извѣстно, полковникъ Олькоттъ, пріѣхавшій глубокимъ скептикомъ, не могъ обнаружить ни малѣйшаго обмана и предалъ гласности свои наблюденія. Встрѣтивъ Е. П. Блаватскую, онъ почувствовалъ къ ней безграничное довѣріе и дружбу. Съ этой минуты они соединились для дружной работы въ борьбѣ съ матеріализмомъ, и этотъ союзъ продлился до самой смерти Е. П. Блаватской (1891 г).

Въ тотъ моментъ, когда полковникъ Олькоттъ (уже въ отставкѣ) встрѣтился съ Е. П. Блаватской, онъ имѣлъ выгодныя занятія и большой заработокъ; но онъ бросилъ всѣ дѣла и всецѣло ушелъ въ новую работу, посвящая дѣлу своей жизни все свое время и всѣ свои силы. Въ 1875 г. онъ основалъ Теософическое общество, при которомъ остался навсегда президентомъ.

Въ 1876 г. Е. П. Блаватская и Генрихъ Олькоттъ поѣхали въ Индію и сперва остановились въ Бомбеѣ. Здѣсь Генрихъ Олькоттъ устроилъ первую выставку индусскихъ издѣлій. На первомъ Теософическомъ съѣздѣ впервые былъ провозглашенъ свадешизмъ (индусское движеніе въ пользу потребленія національныхъ товаровъ). Началась сильная пропаганда, на которую косилось правительство, но которая привѣтствовалась индусами и парсами.

Въ 1880 году, подъ вліяніемъ Г. Олькотта, началось громадное духовное движеніе, приведшее къ возрожденію буддизма на Цейлонѣ, гдѣ постепенно открылись 3 колледжа и 265 школъ національнаго типа. Въ настоящее время черезъ эти школы прошло уже 25.856 дѣтей. Большую услугу буддизму Генрихъ Олькоттъ оказалъ также своей поѣздкой въ Японію. Ему удалось установить тѣ 14 главныхъ положеній, которыя составляютъ почву единенія между сѣвернымъ и южнымъ буддизмомъ.

Въ 1882 г. основатели Теософическаго общества купили красивое помѣстье въ Адіарѣ, близъ Мадраса, гдѣ они основали главный Теософическій центръ. Чтобы судить о работѣ, совершенной тамъ съ 1875 г., укажемъ, что Президентомъ были разосланы 893 хартіи Теософическимъ центрамъ, „разсѣяннымъ по всему міру. Самый сѣверный центръ у Полярнаго круга, самый южный—въ Новой Зеландіи *)“.

*) Мы беремъ лишь періодъ президентства Г. Олькотта, длившійся до его смерти (1907 г.). За послѣдніе годы число центровъ еще сильно возросло.

За тридцать слишкомъ лѣтъ своей безкорыстной дѣятельности Генриху Олькотту пришлось встрѣтить не мало затрудненій и испытаній. Непониманіе, насмѣшки, клевета, — все то, что бываетъ удѣломъ смѣлыхъ піонеровъ, все это испыталъ Генрихъ Олькоттъ, но онъ все вынесъ твердо. Послѣ смерти своего друга и товарища Е. П. Блаватской, онъ еще 16 лѣтъ оставался на своемъ посту, продолжая работу вмѣстѣ съ любимой ученицей Е. П. Блаватской, Анни Безантъ. Въ іюнѣ 1906 г. онъ въ послѣдній разъ былъ въ Европѣ и предсѣдательствовалъ на Парижскомъ Теософическомъ конгрессѣ. На возвратномъ пути въ Индію онъ заболѣлъ, въ декабрѣ онъ слегъ. Но на Адіарскомъ Теософическомъ съѣздѣ (передъ Рождествомъ) онъ пожелалъ еще разъ присутствовать, и его внесли на креслѣ въ собраніе. Послѣ этого онъ уже больше не вставалъ; сердце его было очень слабо. Онъ зналъ о своей близкой смерти и ждалъ ее спокойно.

17 февраля 1907 г. онъ тихо скончался.

Умирая, Г. Олькоттъ оставилъ въ наслѣдіе Теософическому обществу прекрасную, сильную и гибкую организацію, въ предѣлахъ которой могутъ свободно развиваться автономныя секціи и національныя общества, и одну изъ богатѣйшихъ библіотекъ въ мірѣ, а также память рыцарски честнаго и чистаго человѣка, исполненнаго неутомимой энергіи, необычайной доброты и широкой терпимости. Ничто его такъ не радовало, какъ дружба и любовь людей разныхъ національностей, расъ и вѣроисповѣданій, и потому онъ больше всего всегда интересовался теософами дальнихъ странъ. Онъ сіялъ, когда въ Теософическое общество вступалъ негръ, малаецъ или парсъ; онъ радовался, какъ ребенокъ, вѣстямъ изъ далекой Россіи, Болгаріи или Турціи, гдѣ еще не было въ его время никакой организаціи. Его миссія — была истинная миссія объединенія; въ его сердцѣ никогда не потухало пламенное стремленіе къ братству. Это чувствовали всѣ, кто къ нему подходили, и потому нельзя было не любить его.

Среди многочисленныхъ его трудовъ, большое мѣсто занимало устройство Адіарской библіотеки, которую онъ создавалъ съ такою любовью и для которой ему удалось собрать 12.526 рукописей и 14.325 книгъ, не считая дубликатовъ. Незадолго до своей смерти ему удалось привлечь къ этому дѣлу нѣмецкаго ученаго, доктора филологіи, Отто Шрэдеръ, который и нынѣ состоитъ завѣдующимъ Адіарской библіотекой. Благодаря его трудамъ составленъ систематическій каталогъ и богатое наслѣдіе Г. Олькотта приведено въ стройный порядокъ. Въ Адіарской библіотекѣ со-

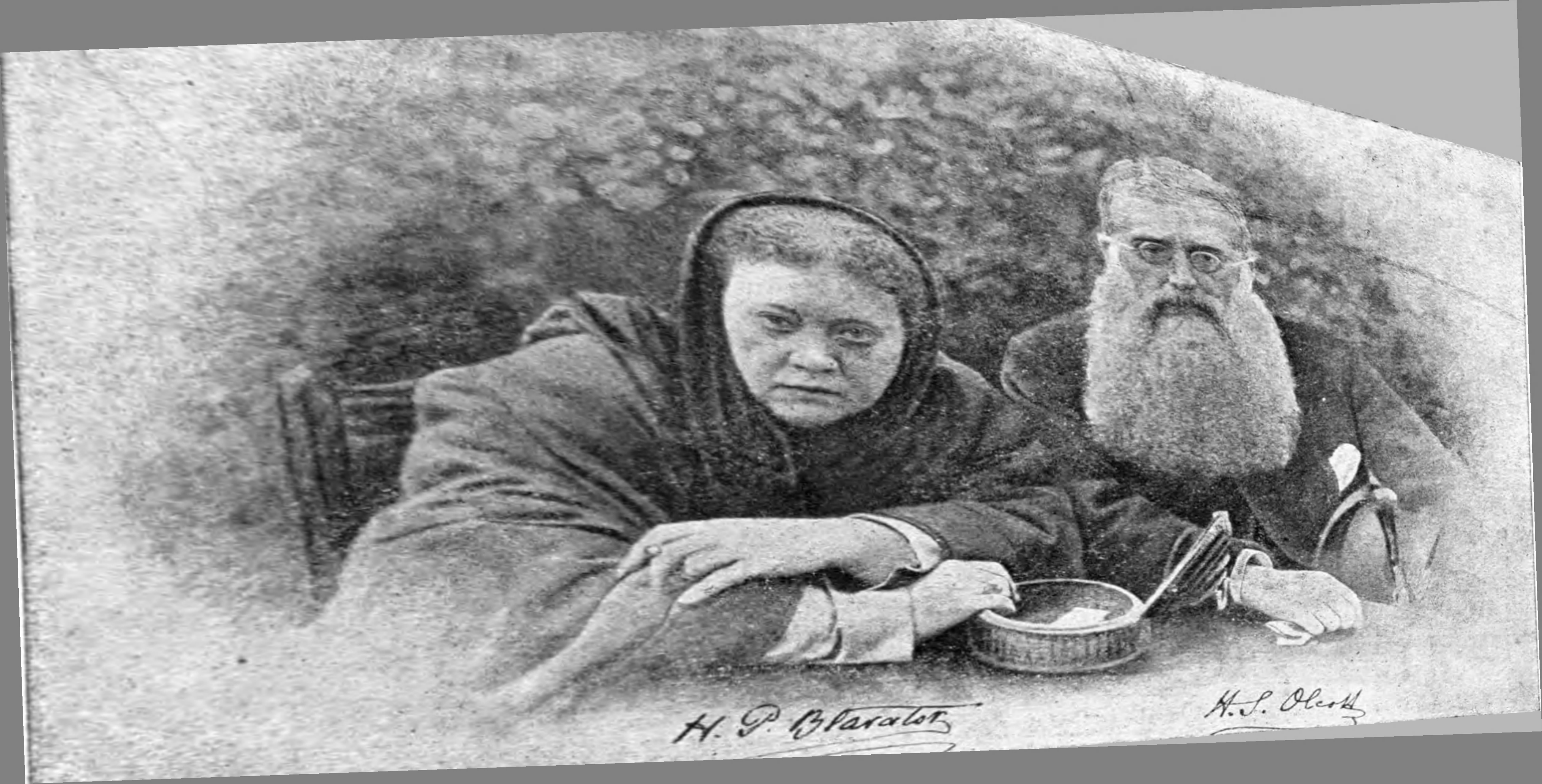
брано самое большое количество въ мірѣ рукописей Упанишадъ; нѣкоторыя изъ нихъ, необычайно цѣнныя, считались утерянными и существуютъ только въ Адіарѣ. Недавно изданный каталогъ обратилъ уже на себя вниманіе европейскихъ ученыхъ. Такое богатство рѣдкихъ рукописей объясняется тѣмъ, что благодарные индусы приносили въ даръ Теософическому обществу много изъ тѣхъ цѣнныхъ сокровищъ, которыя они тщательно скрываютъ отъ обыкновенныхъ оріенталистовъ.

Г. Олькоттъ писалъ не мало статей по Теософіи и былъ сотрудникомъ многихъ газетъ и журналовъ. Нѣкоторыя изъ его статей собраны въ отдѣльномъ сборникѣ подъ названіемъ: „Наука, Философія и Оккультизмъ“ *). Онъ велъ подробный дневникъ, въ который заносилъ все, что касалось Теософическаго движенія. Этотъ дневникъ изданъ подъ заглавіемъ: „Листки стараго дневника“ („Old diary leaves“). Въ немъ мы находимъ исторію знакомства Г. Олькотта съ Е. П. Блаватской, подробную повѣсть основанія и первыхъ лѣтъ дѣятельности Теософическаго общества, полную картину тѣхъ испытаній, которыя такъ мужественно вынесли на своихъ плечахъ славные піонеры движенія, и много любопытныхъ наблюденій и переживаній покойнаго Президента. Все, что онъ разсказываетъ, Г. Олькоттъ передаетъ тономъ неподдѣльной искренности и простоты, который придаетъ большую цѣнность его разсказу. Можно отнестись критически къ его характеристикѣ, выводамъ и разсужденіямъ, но нельзя не признать глубокой искренности писавшаго, несомнѣнно стремившагося къ возможно точному приближенію фотографическаго воспроизведенія объективной правды, какъ она ему въ то время рисовалась.

Еще болѣе значительна его просвѣтительная дѣятельность и его пропагандистская работа во имя единенія въ Индіи. Чтобы имѣть представленіе объ этой кипучей дѣятельности, достаточно прочитать статью H. Crawford „Путешествія Г. Олькотта на нивѣ Теософіи“. Покойный Президентъ совершилъ нѣсколько большихъ путешествій въ разные континенты, но, кромѣ того, онъ постоянно объѣзжалъ Индію, нѣсколько разъ бывалъ на о. Цейлонѣ. Онъ былъ вѣчно въ работѣ. Ему приходилось путешествовать въ мѣстностяхъ, гдѣ не было ни пароходовъ, ни желѣзныхъ дорогъ, въ жару, въ пыль и въ періодъ тропическихъ дождей. Онъ ѣздилъ въ самыхъ фантастическихъ повозкахъ и телѣгахъ или на слонахъ. Всюду его встрѣчало дружески на-

---

*) Мы надѣемся въ скоромъ времени дать одинъ изъ этихъ очерковъ въ „В. Т.“.

H. P. Blavatsky
H. S. Olcott

строенное населеніе, которое стекалось толпами его слушать. Онъ говорилъ вдохновенныя рѣчи, призывалъ индусовъ къ духовной работѣ, пробуждалъ ихъ вѣру въ возрожденіе и въ великое будущее Индіи, и всюду, гдѣ онъ говорилъ, открывались школы, зажигался интересъ къ Теософіи и основывались Теософическіе кружки. Тамъ, гдѣ его уже знали, его встрѣчали восторженныя оваціи и самое задушевное гостепріимство.

Въ Индіи въ то время шла борьба сектъ; вѣрующихъ раздѣляли нетерпимость и фанатизмъ, а сама религія находилась въ періодѣ упадка, отталкивая отъ себя наиболѣе развитые и широкіе умы образованнаго общества. Усиліями Е. П. Блаватской и Г. Олькотта было возстановлено знаніе древняго эзотеризма Индіи въ очистительномъ пламени Теософіи; ненужное и отжившее было отдѣлено отъ важнаго и живого, и это живое, свѣтъ индуизма и буддизма, снова засіяло яркимъ пламенемъ. У этого свѣта зажигались все новые и новые факелы, и духъ терпимости и любви постепенно гасилъ вѣковую племенную вражду народностей Индостана. Плоды этой удивительной работы піонеровъ Теософическаго общества мы только начинаемъ пожинать теперь, когда пресса всего міра заговорила о „возрожденіи Индіи".

Менѣе извѣстна дѣятельность Г. Олькотта, какъ цѣлителя. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ обладалъ цѣлительнымъ даромъ и наложеніемъ рукъ исцѣлялъ отъ многихъ болѣзней. Къ нему стекались нищіе, убогіе, больные и многіе получали отъ него утѣшеніе и исцѣленіе. О его „чудесахъ" заговорили въ газетахъ и, конечно, посыпались обвиненія въ шарлатанствѣ, хотя Г. Олькоттъ никогда ни одного гроша не бралъ за свои труды и жилъ чрезвычайно скромно. Самъ онъ съ обычной своей правдивостью удивляется появившемуся у него дару, скептически наблюдаетъ за собой, констатируетъ несомнѣнность цѣлительной своей способности, съ неподдѣльнымъ изумленіемъ разсказываетъ о творимыхъ имъ „чудесахъ" и приходитъ къ заключенію, что даръ этотъ ему былъ посланъ Свыше, какъ средство обратить вниманіе на то духовное движеніе, котораго онъ являлся представителемъ и которое должно спасти человѣчество отъ матеріализма. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ интенсивной цѣлительной дѣятельности Г. Олькоттъ потерялъ свой удивительный даръ и больше уже не могъ исцѣлять.

Съ трогательнымъ смиреніемъ относится Г. Олькоттъ къ своимъ испытаніямъ, благоговѣйно принимая ихъ, какъ посланныя Свыше, и беззавѣтно вѣря въ мудрость Учителей, руководя-

щихъ эволюцией человѣчества. Для него не существовало ни утомленiя, ни препятствiя, ни симпатiи или антипатiи, когда дѣло шло о благѣ Теософическаго общества. Онъ былъ всегда готовъ ѣхать, куда нужно было, и дѣлать то, что становилось на очередь, никогда не выбирая то, что ему лично больше нравилось, и не разсуждая о послѣдствiяхъ. Онъ вполнѣ довѣрялъ во всемъ своему другу и руководителю Е. П. Блаватской, въ которой видѣлъ посланницу Учителей. Въ своемъ сердцѣ онъ далъ обѣтъ служенiя Учителямъ Мудрости и Состраданiя и этому обѣту онъ оставался вѣренъ до самой своей смерти.

Alba.

Поклоняюсь Первому Единому, Омкара,
Сотворившему эту воду, эту землю и небо;
Первичный Духъ, непроявленный, вѣчный,
Свѣтъ Котораго освѣщаетъ всѣ 14 сферъ *);
Пребывающiй и въ муравьѣ, и въ слонѣ;
Для котораго равны хозяинъ и слуга;
Двойственный въ проявленiи, Духъ безъ аттрибута,
Мгновенно познающiй; сокровенный свидѣтель сердца.

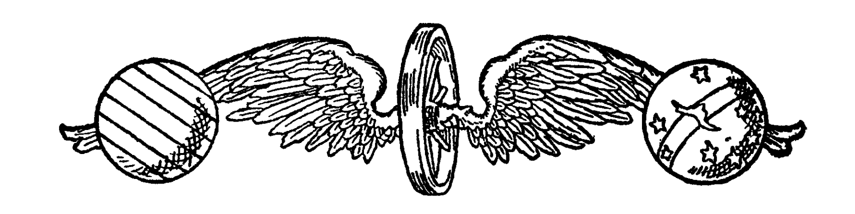
. . . .

Парабраманъ, Господь Владыка, не воплощается въ лонѣ,
Словомъ своимъ Ты создалъ творенiе и, создавъ его, Ты въ немъ пребываешь.
Твой образъ не можетъ быть видѣнъ, какъ я буду размышлять о Тебѣ?
Ты дѣйствуешь во всемъ, это показываетъ Твоя власть;
Твоя Любовь разсыпала неистощимыя сокровища;
Эти богатства безцѣнны.

. . . .

(Изъ Св. Писанiй Сикх'овъ; см. стр. 3).

*) Lokas.

Древняя мудрость на протяженіи вѣковъ.

*(Продолженіе *).*

Практическая Теософія (Путь).

Въ третьей лекціи я кратко изложилъ главнѣйшія основы древней Мудрости, которая преподавалась нѣкогда подъ именемъ „Религіи-Мудрости“, а въ наши дни получила названіе Теософіи. Я хочу попытаться выяснить сегодня практическую сторону Теософіи, которая не менѣе важна, чѣмъ сторона теоретическая. Мы будемъ говорить о томъ, что называется *Путемъ*.

Нормальный путь эволюціи можно сравнить съ широкой шоссейной дорогой, поднимающейся на вершину горы; она идетъ спиралью, незамѣтно поднимаясь кверху. Она широка, доступна всѣмъ, легка и безопасна, но длинна.

Сверхнормальный путь эволюціи можно сравнить съ проселочной дорогой. Этотъ путь ведетъ прямо къ цѣли съ небольшими остановками въ продолженіи всего крутого подъема; онъ приводитъ быстро къ цѣли, но труденъ, опасенъ и тяжелъ. И тѣмъ не менѣе встрѣчаются души, созданныя какъ разъ для него.

Въ сущности оба пути ведутъ къ одной цѣли; они отличаются только быстротою и трудностью прохожденія, но исходъ ихъ одинъ и тотъ же. Второй путь распадается на двѣ главныя части: первая, сравнительно легкая, куда многіе призваны — *путь испытанія*; другая—трудная, представляющая удѣлъ очень немногихъ, путь „совершенныхъ“, какъ говоритъ Св. Павелъ; его называютъ *Тропой ученика.* Какъ показываетъ само названіе, прокладывающіе эту тропу суть ученики Великаго Учителя, тѣ же, которые избрали путь испытанія—кандидаты въ ученики.

Я постараюсь обрисовать оба пути.

---

*) См. „Вѣстникъ Теософіи“ № 7—8, стр. 18.

Возьмемъ сначала путь испытанія.

Этотъ путь существовалъ во всѣ времена, во всѣхъ философскихъ школахъ, какъ напримѣръ, у Пиѳагора, и во всѣхъ великихъ религіяхъ, включая сюда и христіанскую. Мы всюду видимъ, что онъ состоялъ изъ четырехъ частей; такъ, въ Египтѣ были четыре предварительныя ступени: *Pastophore, Neocore, Melanophore* и *Kristophore;* равнымъ образомъ и у буддистовъ и у индусовъ; у Пиѳагорейцевъ—аудиторы, физики, математики и ученики Мистеріи. Эти четыре класса находятся и у первыхъ христіанъ, но къ сожалѣнію въ настоящее время они исчезли, и путь испытанія совсѣмъ утерянъ для Запада.

Почему онъ утерянъ? Потому, что священники перестали понимать посвященіе; духъ поглощенъ буквой и нѣтъ болѣе учителей, способныхъ вести на высоты духа; духовенство ограничивается преподаваніемъ обыденной морали и къ сожалѣнію жаждетъ гораздо болѣе могущества земнаго, чѣмъ духовныхъ стремленій; я это говорю безъ всякаго намѣренья критиковать, а упоминаю лишь какъ печальный фактъ, который не можетъ не подтвердить каждый безпристрастный наблюдатель. Если бы высшее духовенство, составлявшее въ древней Церкви орденъ „посвященныхъ", сохранило то глубокое познаніе, которое охватывало какъ міръ формъ (наука), такъ и область духа, оно могло бы—какъ и въ древности—вести души къ божественной жизни и удовлетворять духовнымъ запросамъ людей, вышедшихъ изъ періода юности, новыми болѣе глубокими ученьями; и государственныя власти были бы не въ состояніи брать на себя обязанности, по праву принадлежащія духовенству, а мірскіе люди не пробовали бы давать невѣрующимъ тотъ свѣтъ, по которомъ душа человѣческая тоскуетъ, какъ голодный по кускѣ хлѣба.

Въ моемъ изложеніи четырехъ классовъ учениковъ, находящихся на пути испытанія, я хочу взять за образецъ ступени христіанскаго пути. Путь этотъ заключалъ въ себѣ: *слушателей* (аудиторовъ), *достигшихъ познанія* (компетентные), *избранныхъ* и наконецъ, *избранниковъ изъ избранныхъ.*

Слушателями называли тѣхъ, кто имѣлъ доступъ во внутренній орденъ церкви, кто не способенъ былъ еще учить, а долженъ былъ слушать, пріобрѣтать и размышлять, прежде чѣмъ имѣть право высказываться о возвышенныхъ предметахъ религіи.

„Достигшіе познанія" могли уже излагать ученіе, такъ какъ они пріобрѣли предварительныя познанія. Далѣе шли „избранные"

и „избранные изъ избранныхъ“, находившіеся, какъ показываетъ ихъ названіе, на высшихъ ступеняхъ пути испытанія.

Какъ шло обученіе этихъ учениковъ на испытаніи?

Оно было трояко: духовное, нравственное и физическое.

Духовное обученіе заключалось въ упражненіяхъ, способствующихъ значительному развитію разума: ученикъ долженъ былъ изучать высшую науку, высшую философію и духъ религій, что возможно только при проницательномъ и тонкомъ умѣ. Требовалась также и высокая нравственность, — болѣе высокія добродѣтели, чѣмъ какія требуются отъ обыкновеннаго человѣка. Вмѣстѣ съ тѣмъ существовало практическое обученіе, измѣнявшееся сообразно каждой ступени, цѣлью котораго было развитіе извѣстныхъ свойствъ, во главѣ которыхъ стояла интуиція.

Цѣлью пути испытанія было приведеніе ученика къ такому совершенству и такой гармоніи, чтобы дверь, ведущая на „тропу ученика“, могла раскрыться для него.

Троичность человѣческой природы (Троица) состоитъ изъ разума, любви и силы, т. е. воли. Необходимо, чтобы свойства эти были и сильны, и уравновѣшены, прежде чѣмъ ученикъ вступитъ на высшій путь, такъ какъ путь этотъ по выраженію индусовъ „такъ же тонокъ, какъ лезвіе бритвы“. Это—узкій мостикъ, переброшенный черезъ бездну. Тотъ, кто хочетъ пройти по этому мостку, нуждается въ проницательномъ умѣ, праведномъ сердцѣ, могучей волѣ и полнѣйшемъ равновѣсіи.

Путь испытанія разсчитанъ такъ, чтобъ развить въ ученикѣ эти качества и это равновѣсіе и сдѣлать его впослѣдствіи обладателемъ слѣдующихъ свойствъ:

* * *

Прежде всего, онъ долженъ пріобрѣсти „*способность распознаванія*“.

Живой умъ необходимѣе всего во всѣхъ случаяхъ жизни; еще болѣе необходимъ онъ тому, кто желаетъ подняться на вершину тропы, окруженной пропастями. Надо имѣть очень проницательный взоръ, чтобъ проникнуть въ тайну религій, философій и наукъ, такъ какъ наука, философія и религія скрываютъ глубокую тайну: тайну бытія. Необходимо обладать свѣтлымъ разумомъ, чтобы разсѣять иллюзію жизни, иллюзію матеріи, скрывающей силу въ своихъ изгибахъ, скрывающую жизнь подъ формой, а духъ подъ буквой.

Разумъ необходимъ также для того, чтобы установить противовѣсъ для порывовъ сердца, чтобы вызвать къ жизни мудрость, безъ которой лучшія намѣренья превращаются порой въ сумасбродныя и преступныя. Взгляните на инквизиторовъ: искренняя вѣра привела ихъ къ чудовищнымъ поступкамъ; имъ не доставало *способности распознаванія*, сердце ихъ было безъ необходимаго руководителя; вотъ почему, мучая и сжигая, они вѣрили, что служатъ Богу.

Взгляните на мать, которая разоряется, чтобы не огорчать своего сына-мота, ведущаго безпорядочную жизнь. У нея есть сердце, но ей не достаетъ разума, ей не хватаетъ равновѣсія.

„Главная причина заблужденій", сказалъ Будда „есть невѣжество". Личность все закрываетъ, все колеблетъ, все раздѣляетъ, поэтому она мѣшаетъ ясно видѣть. Каждая ошибка имѣетъ въ своемъ корнѣ заблужденіе, и самое величайшее заблужденіе, дающее мѣсто всевозможной борьбѣ, всѣмъ печалямъ, всякимъ смутамъ, это — заблужденіе „обособленія", заставляющее насъ полагать, что мы отдѣльны и различны отъ другихъ. Когда это заблужденіе будетъ вырвано съ корнемъ, тогда людямъ легко будетъ примѣнить къ своей жизни солидарность.

Распознаваніе облегчаетъ познаніе и примѣненіе морали, оно заставляетъ брать ее съ практической стороны: нашъ собственный интересъ помогаетъ тогда нашему сердцу и нашей волѣ въ совершеніи долга, и если существуютъ люди, могущіе только одной своей волей совершать то, что они рѣшили, они способны на это только тогда, когда ихъ къ этому побуждаетъ сердце, а разумъ подтверждаетъ, что дѣйствуя иначе, они пойдутъ противъ собственной пользы.

Способность распознаванія есть первое изъ свойствъ, которое желающій идти путемъ испытанія долженъ пріобрѣсти.

* * *

Второе свойство трудно поддается названію, его называютъ иногда освобожденіемъ, иногда равнодушіемъ къ результатамъ своихъ дѣйствій. Я говорю здѣсь о высшемъ равнодушіи, о равнодушіи философа, которое можно опредѣлить также способностью исполнять всегда свой долгъ, во чтобы то ни стало, безразлично, гдѣ и когда. Это свойство очень важно, такъ какъ вторая изъ причинъ зла есть *желаніе*.

Но, можете вы сказать, желаніе есть не что иное, какъ стремленіе души къ счастью, и въ сущности всѣ желанья могутъ

быть объединены однимъ и тѣмъ же стремленіемъ. Что же можетъ быть вреднаго въ желаніи? Вредно наше невѣдѣнье.

Счастья ищутъ всюду: въ чувствахъ, въ разумѣ, въ сердцѣ.

Чувства не могутъ его дать; ихъ удовлетвореніе временно, они утомляютъ тѣло, тревожатъ духъ и не даютъ покоя.

Желаніе ненасытно.

Разумъ можетъ дать нѣкоторое удовлетвореніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ упирается въ непреодолимую стѣну, такъ какъ разумъ не можетъ проникнуть въ великую тайну бытія.

Болѣе догадливые ищутъ счастья въ сердцѣ, въ преданности, въ самопожертвованіи, и они одни находятъ удовлетвореніе. Почему? Да потому, что счастье можетъ заключаться въ исполненіи Закона, великой Силы, которая созидаетъ міры, управляетъ ими и творитъ прогрессъ,—той Силы, тому могучему приливу, которому ничто не можетъ противостоять. Тѣ, которые идутъ противъ Закона, разбиваются и благодаря страданію приходятъ къ пониманію, что его нельзя преодолѣть, что волею или неволею необходимо слѣдовать ему, и что счастье только въ единеніи съ нимъ, потому что Законъ осуществляетъ эволюцію и прогрессъ, и развиваетъ всѣ существа до полнаго выявленія ихъ божественности.

Къ какой иной цѣли ведетъ насъ этотъ Законъ?

При его посредствѣ, Богъ ведетъ насъ, иногда даже противъ нашей воли, къ себѣ, и это есть способъ Бога говорить съ нами и убѣждать насъ.

И когда люди поймутъ и повѣрятъ, что нѣтъ другого пути, кромѣ пути Закона, что нѣтъ другой цѣли, кромѣ той, къ которой направляетъ онъ, тогда они познаютъ, что нѣтъ внѣ его и счастья, и тогда они начнутъ исполнять свой долгъ, не заботясь о результатахъ, слѣдовательно и достигнутъ *равнодушія* и втораго свойства, которое можно выразить такъ: *„дѣлай, что обязанъ*, а затѣмъ—*пусть будетъ, что будетъ*".

* * *

Таково высшее равнодушіе мудреца, но достигнуть его очень трудно. Тысяча препятствій противодѣйствуютъ ему, вся низшая природа возмущается противъ него, и необходимы другія свойства, чтобы побѣда оказалась возможной.

Первое изъ этихъ свойствъ: *контроль надъ мыслью.*

Мало людей подозрѣваютъ важность мысли. Мысль есть могучая сила, дѣйствующая на значительномъ разстояніи, сила,

тѣмъ болѣе заразительная, чѣмъ менѣе люди подозрѣваютъ о ея существованіи. Мысль образуетъ умственную атмосферу индивидовъ такъ же, какъ страсть образуетъ ихъ нравственную атмосферу; совокупность всѣхъ индивидуальныхъ атмосферъ образуетъ національную атмосферу; отсюда вытекаютъ предразсудки: семейные, расовые и кастовые. Эта совокупность силы мысли вибрируетъ въ насъ и влечетъ насъ за собою. Если она представляетъ собою добрую силу, мы становимся, не давая даже въ томъ себѣ отчета, лучше и лучше; если же она представляетъ силу злую— и это въ наши дни бываетъ чаще,—мы становимся мало по малу хуже.

Судите же поэтому объ отвѣтственности мысли. Мы полагаемъ, что отвѣтственны только за наши дѣла и за наши слова. Это большое заблужденіе. Самая большая отвѣтственность есть оккультная, т. е. невидимая, и это есть отвѣтственность мысли; ибо можно защититься отъ поступковъ, можно побѣдить злодѣя, можно опровергнуть слово, но невозможно уничтожить невидимую силу мысли.

Къ тому же мысль человѣка — мать поступковъ. Начните думать о чемъ либо дурномъ или хорошемъ, и скоро вы почувствуете потребность сдѣлать это. Если же вы начнете думать о какой-либо страсти, то вы увидите, какъ она возьметъ надъ вами силу, и какъ вамъ будетъ трудно противиться ей.

Мысль дѣлаетъ хорошимъ или дурнымъ. „Мы дѣлаемся тѣмъ, о чемъ думаемъ", сказалъ индусскій мудрецъ. Вотъ почему важно вліяніе разговоровъ, зрѣлищъ и чтеній: все это дѣлаетъ насъ добрыми или злыми. Поэтому необходимо думать лишь о томъ, что хорошо, и немедленно прогонять дурную мысль; выполненіе этого правила необходимо для идущаго по пути испытанія: онъ долженъ постоянно думать о прекрасномъ, истинномъ и добромъ; онъ долженъ, какъ выражается г-жа Анни Безантъ, думать о Богѣ— Синтезѣ всякаго добра, всякаго могущества и всей мудрости.

Мысль освѣщаетъ и оживляетъ все, что она затрогиваетъ; и ученый, и литераторъ, и артистъ пользуются одинаково ея творческимъ могуществомъ и откровеніемъ: всѣ они сосредоточиваютъ силу своей мысли въ томъ центрѣ, который желаютъ развить, и этотъ центръ, дѣлаясь оплодотвореннымъ зародышемъ, развивается и увеличивается, пока не сдѣлается новой вѣтвью на древѣ человѣческихъ познаній.

Но это возможно совершить только могучей мыслью, мыслью подчиненной контролю, способной остановиться въ данной точкѣ,

такъ долго, какъ это необходимо для полученія упомянутаго оживотворяющаго результата.

Каковы же средства для полнаго управленія мыслью?

Воля и упражненіе. Пробуйте, пробуйте снова и снова—въ теченіе мѣсяцевъ, лѣтъ, иногда же въ теченіи нѣсколькихъ воплощеній.

Въ *Бхагавадъ-Гитѣ*, индусской поэмѣ величайшей красоты, ея герой Арджуна, говоря о трудности контроля надъ мыслью, обращается къ своему Учителю такъ: „Мысль, Учитель, такъ же трудно обуздать, какъ и вѣтеръ".

Дѣйствительно, трудность велика, но все же упражненіе, воля и упорное стараніе ведутъ къ успѣху, такъ какъ мы знаемъ, что внутренній человѣкъ растетъ и ежедневнымъ упражненіемъ пріобрѣтаетъ силы, и рано или поздно, благодаря контролю мысли, достигнетъ обузданія орудія, производящаго мысль.

* * *

Достигнувъ контроля надъ „тѣломъ мысли", надо пріобрѣсти контроль надъ физическимъ тѣломъ, т. е. надъ всѣми поступками. Дѣлать то, что мы желаемъ, а также не дѣлать того, чего мы не желаемъ, намъ мѣшаетъ съ одной стороны—сила мысли, противящаяся волѣ нашего высшаго „Я", а съ другой стороны — привычки нашего тѣла. Когда возникаетъ какая-либо страсть, не надо поддерживать ее мыслью, но надо ее удалить, исключить, забыть. Съ другой стороны, нужно съ помощью воли противодѣйствовать привычкамъ, автоматическимъ дѣйствіямъ тѣла, которыя становятся тѣмъ упорнѣе, чѣмъ долѣе тѣло было орудіемъ удовлетворенія страстей. Нужно также развить добрыя качества, противоположныя порокамъ, которые желательно искоренить, и въ то время, какъ въ человѣкѣ развивается постепенно новая сила, страсть его ослабѣваетъ, какъ бы атрофируется отъ бездѣйствія. И такъ, надъ поступками можно господствовать съ помощью воли, властью надъ мыслью и культурой добрыхъ свойствъ.

* * *

Среди другихъ качествъ, какими долженъ обладать стремящійся вступить на „путь", однимъ изъ самыхъ главныхъ является *терпимость*.

Безъ терпимости общая жизнь немыслима. Очень строгіе къ себѣ, чуткіе къ возможности ошибиться, мы должны быть чрезвычайно терпимыми къ другимъ.

Когда мы встрѣчаемъ грѣшника, мы должны вспоминать, что добродѣтель принадлежитъ высшей ступени эволюціи, и что заблужденія происходятъ отъ невѣжества и дѣтства человѣчества. Когда, пріобрѣтя опытъ путемъ многихъ воплощеній, душа выйдетъ изъ періода дѣтства, ея нравственность станетъ выше и стихійныя стороны ея природы исчезнутъ.

Необходимо также помнить, что не законами утверждается добродѣтель и не упреками уменьшается порокъ. Наказаніе заставляетъ упорствовать грѣшника и озлобляетъ его; одна только эволюція можетъ поднять человѣка, и мы можемъ успѣшно содѣйствовать ей только добротой и терпимостью. Будемъ искать причину заблужденія и паденія; когда мы ее поймемъ, намъ легче будетъ простить, болѣе того—даровать нашу симпатію и любовь падшему. Этимъ мы сдѣлаемъ для человѣка болѣе, чѣмъ всякимъ инымъ способомъ.

Въ каждомъ преступникѣ скрытъ божественный лучъ, который мы можемъ найти; преступникъ, если онъ только не сумасшедшій, есть дитя; къ тому же добродѣтели развиваются непрестанно изъ жизни въ жизнь, а пороки уменьшаются, и такимъ образомъ въ теченіе вѣковъ дикія расы цивилизуются и становятся гуманными.

Поможемъ же этому движенію прогресса: будемъ подражать Богу въ безграничномъ терпѣніи и слѣдовать христіанскому правилу: порокъ ненавидѣть, но грѣшника любить.

* * *

Затѣмъ идетъ *выносливость*.

Недостаточно быть терпимымъ къ заблужденіямъ другихъ, надо быть достаточно сильнымъ, чтобы кротко перенести зло, которое они могутъ сдѣлать намъ.

Несправедливость невозможна во вселенной. Когда мы страдаемъ, наше страданіе есть давленіе на насъ силы Закона, потому что мы пошли противъ его теченія. Всякое страданіе есть послѣдствіе заблужденія, принадлежало-ли оно къ прошлой или къ настоящей жизни, если только мы не допустимъ мысли, что Богъ недостаточно мудръ, недостаточно добръ или могуществен, чтобы препятствовать несправедливости. И такъ, если мы страдаемъ только отъ того, что заслужили страданіе, которое есть единственный показатель того, что мы идемъ противъ божественнаго Закона, слѣдовательно поступаемъ дурно, почему намъ не принять страданіе безъ ропота? Почему не быть выносливымъ,

такъ какъ безъ уроковъ страданія мы не разовьемъ ни нашего познанія, ни нашей силы, ни даже нашей любви?

Когда печаль постигаетъ насъ черезъ посредство человѣка, мы должны быть увѣрены, что высшая сила воспользовалась невѣжествомъ и дурными инстинктами этого человѣка, чтобы наказать насъ за зло, которое мы сами сдѣлали.

Я употребляю неохотно слово „наказать". Богъ никогда не наказываетъ — онъ наставляетъ; страданіе — великій воспитатель; легкая жизнь разслабляетъ и мѣшаетъ прогрессу, и тотъ, кто много страдалъ, кончаетъ тѣмъ, что благословляетъ страданіе. Развѣ не сказано, что Богъ наказуетъ того, кого любитъ? Это христіанское изреченіе имѣетъ глубокій смыслъ.

Такимъ образомъ, сознательное отношеніе къ жизни не оставляетъ мѣста для бунта, который только увеличиваетъ смуту и печаль міра.

Будда говоритъ: „ненависть побѣждается любовью", а Христосъ, черезъ 500 лѣтъ, прибавилъ: „если кто ударитъ тебя въ лѣвую щеку,—подставь и правую".

Чтобы уничтожить зло въ мірѣ, нѣтъ другого средства, какъ прощеніе любви.

* * *

Еще одно необходимое свойство, это—довѣріе.

Во-первыхъ, довѣріе къ Богу. Я только что говорилъ, что разумъ и любовь доказываютъ намъ, что Богъ, который есть безконечная Мудрость, безконечное Могущество и безконечная Любовь, не можетъ допустить малѣйшей несправедливости въ устройствѣ вселенной.

Тѣ, которые принадлежатъ къ высшей іерархіи, идущей отъ совершеннаго человѣка до Бога, суть вѣрныя орудія, исполняющія ввѣренныя имъ обязанности, непогрѣшимые сотрудники въ томъ отдѣлѣ вселенной, которымъ они управляютъ. Положимся на нихъ и на Бога, который бодрствуетъ надъ всѣмъ!

Будемъ развивать также и другой родъ довѣрія.

Душа есть божественный зародышъ, все увеличивающійся и все полнѣе уподобляющійся Богу. Ни одно усиліе не пропадаетъ, энергія сохраняется во всѣхъ мірахъ: сила и время приводятъ къ завершенію всего.

Будемъ же уповать на Бога, будемъ вѣрить въ непреодолимую силу эволюціи и довѣрять самимъ себѣ. Будемъ настойчивы

и поздно или рано мы достигнемъ и высшей мудрости, и высшей силы, и высшей любви!

* * *

Когда эти свойства достигнуты до извѣстной степени, тогда возникаетъ то, что люди называютъ *счастьемъ*, но что вѣрнѣе бы назвать *миромъ*.

Когда мы знаемъ, что все идетъ къ Великой Цѣли, что Божество печется обо всемъ, что страданіе — необходимый учитель, тогда все принимается радостно; и остается лишь заботиться о расширеніи знанія и объ исполненіи долга, а все остальное придетъ въ свое время. При этомъ условіи, что бы ни случилось, душевный миръ не покинетъ болѣе вступившаго на путь испытанія.

* * *

Въ теченіе подготовительнаго періода развивается очень важное настроеніе души: *желаніе освобожденія*.

Это не желаніе освобожденія отъ земныхъ печалей, а желаніе освободиться отъ послѣднихъ препятствій, которыя происходятъ отъ невѣдѣнья, желанье, чтобы пали послѣднія преграды, затрудняющія движеніе, желанье, чтобы уничтожилось безсиліе, мѣшающее любить и помогать нашимъ ближнимъ.

Вотъ что означаетъ на пути испытанія желаніе освобожденія.

Послѣ этого начинаетъ пріобрѣтаться то равновѣсіе, о которомъ я говорилъ въ началѣ, ибо проникновенный и утончившійся разумъ позволяетъ видѣть сквозь всѣ покровы.

Итакъ: изъ любви истекаетъ терпимость и преданность; мудрость порождаетъ вѣру и увѣренность въ благомъ смыслѣ всего совершающагося; пріобрѣтенная сила вызываетъ терпѣливую выносливость и способность къ самопожертвованію.

Мудрость направляетъ человѣка.

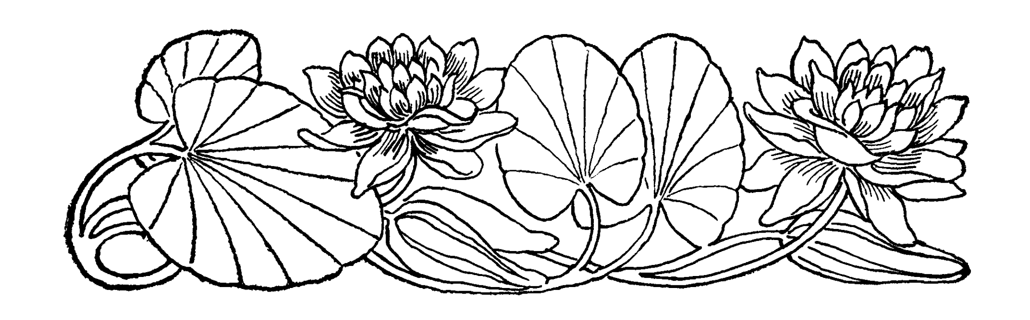
Любовь научаетъ его творить добро.

Сила дѣлаетъ его могущественнымъ.

И тогда человѣкъ бываетъ готовъ къ совершенію слѣдующаго шага; онъ можетъ ступить на высшую ступень эволюціи, на тропу святости, на узкій и трудный путь, ведущій къ Посвященію.

Пер. **А. Гралевская.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

Мистики.

Д-ра Штейнера.

*(Продолженіе *).*

Исходя изъ знанія, пріобрѣтаемаго въ отдѣльныхъ наукахъ, Николай Кузанскій переходитъ къ собственнымъ внутреннимъ переживаніямъ. Несомнѣнно, что превосходная логическая техника, выработанная схоластиками, на которой воспитывался Николай Кузанскій, является прекраснымъ средствомъ къ достиженію внутреннихъ опытовъ, хотя сами схоластики, благодаря позитивизму своей вѣры, и отошли отъ этого пути. Но понять до конца Николая Кузанскаго можно только въ связи съ его положеніемъ священника, которое привело его къ кардинальскому сану; это обстоятельство помѣшало его полному разрыву съ церковной вѣрой, которая въ его время выражалась въ схоластической теологіи. Въ сущности, его путь отходилъ отъ церковнаго такъ сильно, что каждый лишній шагъ могъ вызвать его разрывъ съ церковью, могъ легко вывести его изъ церкви. Поэтому наше пониманіе кардинала будетъ наиболѣе полное, если мы представимъ себѣ, что онъ сдѣлалъ этотъ лишній шагъ и затѣмъ, двигаясь въ обратномъ порядкѣ, освѣтимъ его внутреннюю жизнь.

Выдающимся понятіемъ въ духовной жизни Николая Кузанскаго можно считать идею „ученаго незнанія" **).

Онъ понимаетъ подъ этимъ познаваніе, превышающее обыкновенное знаніе. Знаніе въ обыкновенномъ смыслѣ есть воспріятіе предмета умомъ. Наиболѣе важный признакъ знанія состоитъ

---

*) „Вѣстникъ Теософіи" 1910 г., № 7—8.

**) Gelehrte Unwissenheit.

въ томъ, что оно выясняетъ нѣчто существующее внѣ разума, что оно разсматриваетъ нѣчто, отличное отъ разума.

Такимъ образомъ, въ наукѣ разумъ имѣетъ дѣло съ вещами внѣшняго міра. Но то, что разумъ вырабатываетъ внутри себя относительно этихъ вещей, это и есть *суть вещей.* Въ вещахъ заключено разумное начало. Но человѣкъ видитъ это начало лишь черезъ посредство чувственной оболочки. Все, остающееся внѣ разума, относится къ этой чувственной оболочкѣ, а самая суть вещей проникаетъ въ разумъ. И если затѣмъ разумъ обращается къ этой сути, однородной съ его собственной сутью,—тогда уже не можетъ быть рѣчи о знаніи, ибо разумъ взираетъ уже не на вещь, находящуюся внѣ его, онъ взираетъ на вещь составляющую часть его самого; видитъ слѣдовательно себя, а не то, что внѣ его. Онъ уже не знаетъ; онъ лишь смотритъ въ себя. Онъ имѣетъ дѣло не съ „знаніемъ", а съ не-знаніемъ. Онъ перестаетъ *понимать* нѣчто разумомъ; онъ „взираетъ безъ пониманія" на свою собственную жизнь. Эта высшая ступень познаванія является по отношенію къ низшимъ ступенямъ—„не-знаніемъ".

Изъ всего этого слѣдуетъ, что овладѣть сутью вещей возможно только на *этой* ступени познаванія.

И Николай Кузанскій обозначаетъ своимъ „ученымъ не-знаніемъ" ни что иное, какъ внутреннее переживаніе такого, *внутри* рождающагося знанія. Онъ самъ разсказываетъ, какимъ образомъ онъ подошелъ къ этому внутреннему переживанію. „Я дѣлалъ много попытокъ соединить мои мысли о Богѣ и о мірѣ, о Христѣ и о Церкви въ одной основной идеѣ, но ни одна изъ нихъ не удовлетворяла меня, пока однажды, возвращаясь изъ Греціи моремъ, я не испыталъ мгновеннаго просвѣтленія свыше, благодаря которому мой духъ поднялся на такую высоту, на которой Богъ предсталъ передо мною какъ Высочайшее Единство всѣхъ возможныхъ противорѣчій". Въ этомъ просвѣтлѣніи можно видѣть въ большей или меньшей степени вліяніе предшественниковъ Николая Кузанскаго. Въ его представленіяхъ возникаетъ своеобразное отраженіе тѣхъ воззрѣній, которыя встрѣчаются въ произведеніяхъ извѣстнаго Діонисія. Упомянутый уже Скотъ Эригена перевелъ эти произведенія на латинскій языкъ, причемъ онъ называетъ ихъ автора „великимъ и божественнымъ проводникомъ откровенія". Произведенія эти упоминаются впервые въ первой половинѣ VI столѣтія. Ихъ приписывали упоминаемому въ исторіи апостоловъ Діонисію Ареопагиту, который былъ обращенъ въ христіанство апостоломъ Павломъ. Содержаніе

этихъ произведеній имѣло такое же сильное вліяніе на Николая Кузанскаго, какъ на Скотъ, Эригена и какъ они въ свое время повліяли на міровоззрѣніе Экхарта и его современниковъ. „Ученое не-знаніе“ появляется въ этихъ сочиненіяхъ какъ бы въ своемъ первообразѣ. Основныя черты міропониманія въ этихъ произведеніяхъ слѣдующія: человѣкъ познаетъ прежде всего вещи чувственнаго міра. Онъ образуетъ понятія объ ихъ бытіи и дѣйствіи. Первопричина всѣхъ вещей должна пребывать выше, чѣмъ самыя вещи. Поэтому человѣкъ не можетъ схватить эту Первопричину посредствомъ тѣхъ же понятій, которыми онъ схватываетъ вещи. Приписывая Первопричинѣ (Богу) тѣ же свойства, которыя онъ научился познавать въ вещахъ, онъ дѣлаетъ это какъ вспомогательное средство для своего слабаго разума, который при этомъ совлекаетъ Первопричину къ себѣ, безъ чего она недоступна его пониманію. Въ дѣйствительности же ни одно изъ свойствъ земныхъ вещей не можетъ быть приписываемо Богу. Нельзя сказать даже и того, что Богъ существуетъ. Ибо и самое „существованіе“ есть представленіе, которое возникло у человѣка въ области земныхъ вещей. Богъ же выше „существованія“ и „несуществованія“. Такимъ образомъ Богъ, которому приписываются различныя свойства, не есть истинный Богъ. Мы подходимъ къ истинному Богу, когда начинаемъ мыслить *надъ* этимъ Богомъ, надѣленнымъ различными свойствами, Сверхбога. Объ этомъ Сверхбогѣ мы не можемъ познать ничего своимъ обычнымъ познаваніемъ. Чтобы подняться до него, „знаніе“ должно перейти въ „не-знаніе“.

Въ основѣ подобнаго воззрѣнія лежитъ, какъ мы видимъ, убѣжденіе, что человѣкъ способенъ изъ содержанія усвоенныхъ имъ наукъ развить вполнѣ естественнымъ способомъ высшее познаваніе, которое уже не будетъ *простымъ знаніемъ*. Воззрѣнія схоластиковъ объявляли, наоборотъ, полное безсиліе знанія подняться до подобной высшей ступени и на той точкѣ, гдѣ, по ихъ мнѣнію, знаніе прекращалось, они призывали на помощь вѣру, опирающуюся на внѣшнія откровенія.

Такимъ образомъ, Николай Кузанскій стоялъ на пути, на которомъ знаніе приводило къ ступенямъ развитія, недоступнымъ—по мнѣнію схоластиковъ—для человѣческаго сознанія.

Съ точки зрѣнія Николая Кузанскаго уже нельзя утверждать, что имѣется лишь *одинъ* способъ познаванія. Онъ уже совершенно ясно расчленяетъ познаваніе на такое, которое относится къ внѣшней сторонѣ вещей, и на такое, предметомъ кото-

раго является сама наблюдаемая вещь. Первое познаваніе господствуетъ въ наукахъ, которыя заключаютъ въ себѣ вещи и явленія физическаго міра; второе—находится въ насъ самихъ, когда мы начинаемъ *жить* въ познаваемомъ. Второй способъ познаванія развивается изъ перваго. Но міръ, къ которому относятся оба названные способа познаванія, остается все тѣмъ же міромъ; и одинъ и тотъ же человѣкъ познаетъ и первымъ и вторымъ способомъ. Но здѣсь возникаетъ вопросъ: *какъ* можетъ одинъ и тотъ же человѣкъ имѣть объ одномъ и томъ же мірѣ два рода познаванія? Какимъ образомъ слагается отвѣтъ на подобный вопросъ мы уже указывали въ главѣ объ Іоаннѣ Таулерѣ *). Знакомство съ Николаемъ Кузанскимъ даетъ возможность отвѣтить еще опредѣленнѣе на этотъ вопросъ. Человѣкъ живетъ вначалѣ какъ единичное индивидуальное существо среди другихъ единичныхъ существъ. Вліяніе, которое эти единичныя существа производятъ другъ на друга, воспринимается его низшимъ познаваніемъ. При посредствѣ своихъ органовъ чувствъ онъ получаетъ впечатлѣнія отъ этихъ другихъ существъ и перерабатываетъ эти впечатлѣнія при помощи своихъ духовныхъ силъ. Онъ отклоняетъ духовный взоръ отъ внѣшнихъ вещей и взираетъ на самого себя, на свою собственную дѣятельность. Отсюда происходитъ самопознаніе. Но пока онъ стоитъ на *этой* ступени самопознанія, онъ еще не видитъ себя самого въ истинномъ смыслѣ этого слова. Онъ все еще можетъ вѣрить, что въ немъ дѣйствуетъ какая то скрытая сущность, проявленія которой *кажутся ему его собственной дѣятельностью*. Но можетъ настать моментъ, когда человѣкъ путемъ неоспоримаго внутренняго опыта убѣдится, что въ его внутреннихъ переживаніяхъ онъ имѣетъ дѣло не съ *проявленіемъ* скрытой силы или скрытаго существа, а съ самимъ существомъ въ его существеннѣйшемъ образѣ. И тогда онъ имѣетъ право сказать себѣ, что ко всѣмъ вещамъ внѣ себя онъ можетъ прибавить нѣчто, что его духъ можетъ сказать о нихъ. Но это нѣчто, которое я могу прибавить изъ себя къ вещамъ, въ этомъ я живу самъ, это и есть самъ я; это моя собственная сущность. Но что же такое это прибавленное изъ меня самого къ вещамъ внѣ меня? Это—знаніе, которое я пріобрѣлъ о вещахъ. Но въ этомъ знаніи не выражается уже болѣе какое-либо воздѣйствіе извнѣ; въ немъ высказывается нѣчто, заключенное въ самомъ познающемъ. Въ *такомъ* знаніи міръ является во всей своей не-

---

*) См. стр. 5 въ 4 книгѣ „Вѣстника Теософіи" за 1910 г.

посредственности. Въ этомъ знаніи говоритъ моя собственная сущность и сущность всѣхъ вещей. Слѣдовательно, я высказываю уже не одну свою сущность, а воистину—сущность вещей. Мое „я“ есть только форма, органъ, черезъ который вещи высказываются о самихъ себѣ. Я пріобрѣлъ опытъ, который говоритъ мнѣ, что я переживаю въ себѣ мою собственную сущность; и къ этому опыту присоединяется другой, который убѣждаетъ меня, что во мнѣ и черезъ меня проявляется всеобщая Сущность или, иными словами, черезъ меня она познаетъ себя. И я не могу болѣе чувствовать себя вещью среди другихъ вещей; я могу отнынѣ чувствовать себя лишь формой, въ которой живетъ эта Сущность.

Поэтому естественно, что одинъ и тотъ же человѣкъ обладаетъ двумя способами познаванія. Съ точки зрѣнія чувственной дѣйствительности онъ есть вещь среди другихъ вещей, и какъ таковой, онъ пріобрѣтаетъ знанія о этихъ вещахъ; но въ любой моментъ онъ можетъ почувствовать себя формой, посредствомъ которой высшая Сущность познаетъ себя, и тогда онъ превратится для себя изъ вещи среди другихъ вещей въ проводника высшей Сущности и, вмѣстѣ съ этимъ, его знаніе вещей преобразится въ раскрытіе самой сути вещей. Но это преобразованіе можетъ произвести только самъ человѣкъ. Пока это высшее познаваніе еще не появилось, человѣкъ не можетъ стать такимъ проводникомъ. Лишь въ творчествѣ такого высшаго познаванія человѣкъ проявляетъ свою *суть*; и лишь благодаря высшему познаванію человѣка можетъ проявиться и сущность остальныхъ вещей. Изъ этого слѣдуетъ, что пока человѣкъ выражаетъ лишь то, что *извнѣ* принадлежитъ вещамъ, и ничего не прибавляетъ къ нимъ путемъ своего высшаго познаванія, до тѣхъ поръ для него невозможно никакое высшее познаваніе.

Тотъ фактъ, что человѣкъ по своему чувственному бытію является вещью среди другихъ вещей, и что онъ поднимается къ высшему познаванію только преобразовавъ себя самъ изъ чувственнаго существа въ высшую сущность,—этотъ фактъ доказываетъ, что онъ не можетъ замѣнять свое высшее познаваніе низшимъ своимъ познаваніемъ. Его духовная жизнь состоитъ изъ постояннаго передвиженія между обоими полюсами познаванія: между *знаніемъ* и *созерцаніемъ*. Если отнять отъ него созерцаніе, онъ не будетъ знать сути вещей; если же оставить его безъ чувственнаго познаванія, тогда изъ его поля зрѣнія уйдутъ всѣ вещи,—сущность которыхъ онъ хочетъ узнать. Это—однѣ и тѣ же вещи,

открывающіяся и низшему познаванію и высшему созерцанію; только въ первомъ случаѣ онѣ раскрываются своей внѣшней, феноменальной стороной; во второмъ случаѣ своей внутренней нуменальной сущностью.

Такимъ образомъ тотъ фактъ, что вещи появляются на опредѣленной ступени лишь внѣшними вещами зависитъ вовсе не отъ нихъ; это зависитъ отъ того, что самъ человѣкъ не достигъ еще ступени, на которой вещи перестаютъ являться лишь съ внѣшней стороны.

Исходя изъ этихъ разсужденій, воззрѣнія, выработанныя естественными науками въ XIX столѣтіи, являются въ своемъ истинномъ свѣтѣ. Представители этихъ воззрѣній говорятъ себѣ: мы слышимъ, видимъ и осязаемъ вещи физическаго міра посредствомъ нашихъ органовъ чувствъ. Такъ, глазъ доводитъ до насъ явленія свѣта, цвѣтъ. Мы говоримъ, что тѣло излучаетъ красный свѣтъ, когда при помощи глаза мы получаемъ впечатлѣніе „краснаго". Но глазъ приноситъ намъ то же ощущеніе и въ другихъ случаяхъ. Когда онъ подвергается удару, или когда его нажимаешь, или когда черезъ голову проходитъ электрическая искра, глазъ получаетъ такое же ощущеніе свѣта. Такимъ образомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда мы видимъ тѣло, окрашенное въ опредѣленный цвѣтъ, можетъ случиться, что въ самомъ тѣлѣ происходитъ нѣчто, не имѣющее ничего общаго съ цвѣтомъ. Все происходящее въ пространствѣ, способное производить впечатлѣніе на глазъ, вызываетъ въ сознаніи ощущеніе свѣта. Слѣдовательно то, что мы ощущаемъ, возникаетъ въ насъ самихъ благодаря тому, что мы обладаемъ органами, имѣющими опредѣленныя свойства. Все, происходящее въ пространствѣ, остается внѣ насъ; мы познаемъ лишь тѣ измѣненія, которыя внѣшнія явленія производятъ въ насъ. Гельмгольцъ придалъ этой мысли ясно очерченное выраженіе: „Наши ощущенія являются тѣми измѣненіями, которыя внѣшнія причины вызываютъ въ нашихъ органахъ; какимъ образомъ эти измѣненія или дѣйствія проявляются, зависитъ существенно отъ свойствъ того аппарата, который воспринимаетъ внѣшнія впечатлѣнія. Въ той мѣрѣ, въ какой качество нашего ощущенія даетъ намъ знать объ особенностяхъ того внѣшняго воздѣйствія, которое вызвало это ощущеніе, его можно принять какъ *знакъ*, но не какъ *изображеніе*. Ибо изображеніе должно отличаться сходствомъ съ предметомъ, статуя должна имѣть сходныя формы, рисунокъ—сохранять перспективную проэкцію въ полѣ зрѣнія, картина должна, кромѣ того, быть сходной и по

цвѣту. Тогда какъ отъ знака не требуется опредѣленнаго сходства съ тѣмъ, чему этотъ знакъ соотвѣтствуетъ. Взаимныя отношенія между первымъ и вторымъ должны ограничиваться тѣмъ, что одинъ и тотъ же объектъ, дѣйствуя на наши органы чувствъ при одинаковыхъ условіяхъ, вызываетъ всегда одинъ и тотъ же знакъ; такимъ образомъ различнымъ воздѣйствіямъ соотвѣтствуютъ и различные знаки... Когда извѣстная порода ягодъ вырабатываетъ—при созрѣваніи—красный пигментъ и сахаръ, въ нашихъ ощущеніяхъ *эти* ягоды будутъ всегда вызывать и красный цвѣтъ, и сладкій вкусъ" *).

Прослѣдимъ приведенную линію мысли шагъ за шагомъ. Внѣ меня, въ пространствѣ, предполагается опредѣленное явленіе. Это явленіе дѣйствуетъ на мой органъ чувствъ; моя нервная система доводитъ полученныя впечатлѣнія до мозгового центра. И тамъ происходитъ новое явленіе. Я ощущаю „красное". Изъ этого слѣдуетъ, что ощущеніе „краснаго" не *внѣ* меня, а *во* мнѣ. Такъ же и всѣ наши ощущенія лишь знаки внѣшнихъ фактовъ, объ истинномъ качествѣ которыхъ мы не знаемъ ничего. Мы въ сущности живемъ въ нашихъ ощущеніяхъ, не зная ничего объ источникѣ ихъ. Въ этомъ смыслѣ можно также сказать: если бы не было глаза, не было бы и цвѣта; не было бы и того, что переводитъ неизвѣстный намъ внѣшній фактъ въ ощущеніе „краснаго". Этотъ ходъ мысли имѣетъ въ себѣ нѣчто плѣнительное. А между тѣмъ, онъ основанъ на полномъ непризнаніи фактовъ, по поводу которыхъ дѣлаются эти мысленныя построенія. (Если бы многіе естествоиспытатели не были до такой степени увлечены приведеннымъ способомъ мысли, не стоило бы и упоминать объ этомъ. Но это ослѣпленіе подѣйствовало во многихъ отношеніяхъ губительно на современный способъ мышленія). Такъ какъ человѣкъ является вещью среди другихъ вещей, послѣднія естественно должны производить на него впечатлѣніе, если онъ хочетъ нѣчто узнать о нихъ. Явленія внѣ человѣка должны вызывать явленія въ самомъ человѣкѣ, если въ полѣ его зрѣнія должно выступить явленіе „краснаго". Но здѣсь появляется вопросъ: что же имѣется *внѣ* насъ, и что *внутри*? Внѣ насъ происходитъ явленіе во времени и пространствѣ. Но и внутри насъ происходитъ несомнѣнно сходное явленіе. Оно возникаетъ въ глазу и продолжается въ

---

*) Helmholtz, *Die Thatsachen der Wohrnehmung* S. 12. Характеристику приведенныхъ понятій можно найти въ моей *„Philosophie der Freiheit"*, Berlin 1894 и въ моей книгѣ *Welt unb Lebensanchaungen im XIX Jahrhundert*, B. 2.

мозгу, когда я воспринимаю „красное“. Явленія, происходящія „внутри“, я не могу воспринимать; совершенно такъ же, какъ не могу воспринимать происходящія внѣ меня волнообразныя движенія непосредственно, движенія, которыя физики соединяютъ съ явленіемъ „красное“. А между тѣмъ, только въ этомъ единственномъ смыслѣ можно говорить о *внутреннемъ* и *внѣшнемъ*. Лишь на ступени чувственнаго познаванія можетъ имѣть значеніе противоположность между внутреннимъ и внѣшнимъ. Это чувственное познаваніе приводитъ меня къ тому, чтобы принять „внѣ меня“ явленіе въ пространствѣ и времени, хотя *непосредственно* я его и не воспринимаю. И далѣе, то же чувственное познаваніе приводитъ меня къ тому, что я такое же явленіе признаю и въ себѣ, хотя и это послѣднее я не въ состояніи воспринимать непосредственно. Возьмемъ примѣръ: въ сосѣдней комнатѣ играютъ на роялѣ. Вслѣдствіи этого я полагаю, что у рояля сидитъ измѣряемое человѣческое существо и играетъ. И мое представленіе не мѣняется и тогда, когда я говорю о явленіяхъ *во* мнѣ, и о явленіяхъ *внѣ* меня. Я предполагаю заранѣе, что эти явленія обладаютъ аналогичными свойствами, хотя они при этомъ остаются *внѣ* моего непосредственнаго воспріятія. И если бы я вздумалъ лишить эти явленія всѣхъ качествъ, которыя даются моими чувствами въ области пространства и времени, то я былъ бы принужденъ мыслить нѣчто вродѣ знаменитаго ножа безъ ручки, у котораго не достаетъ лезвія. И поэтому я имѣю право сказать лишь то, что „внѣ меня“ происходятъ пространственно-временныя явленія; и что они обусловливаютъ пространственно-временныя явленія „внутри“ меня. Оба необходимы, если въ полѣ моего зрѣнія должно возникнуть „красное“. Это „красное“ напрасно искать внѣ пространства и времени, будемъ ли мы его искать внѣ или внутри себя. Въ томъ же смыслѣ, въ какомъ оно не можетъ быть „внѣ“, не можетъ его быть и „внутри“. Все содержаніе того, что представляетъ изъ себя чувственный міръ, признавать за внутренній міръ ощущеній, прибавляя къ послѣднему нѣчто „внѣшнее“, совершенно недопустимо. Мы не должны говорить, что „красное“, „сладкое“, „горячее“ лишь *знаки*, которые— какъ таковые—могутъ быть вызваны лишь внутри насъ, а что „внѣ насъ“ имъ соотвѣтствуетъ нѣчто совершенно иное. Если называть то, что возникаетъ внутри насъ, *знаками*, можно сказать слѣдующее: эти *знаки* выступаютъ внутри нашего организма, чтобы служить посредствующимъ звеномъ между нашимъ сознаніемъ и воспріятіями, которыя, какъ таковыя, существуютъ не-

посредственно не „внутри“ и не „внѣ“ насъ, а принадлежатъ скорѣе къ міровому цѣлому, относительно котораго мой *внѣшній* и мой *внутренній* міръ являются лишь частями.

Чтобы схватить это міровое цѣлое, необходимо подняться на высшую ступень познаванія, для котораго уже нѣтъ ни „внутренняго“, ни „внѣшняго“ *).

Николай Кузанскій высказываетъ по поводу затронутаго вопроса превосходныя мысли. Его отчетливое распознаваніе между низшимъ и высшимъ сознаніемъ даетъ ему возможность—съ одной стороны—ясно понимать, что внутри человѣка, какъ чувственнаго существа, могутъ возникать явленія, не сходныя съ вызвавшими ихъ внѣшними явленіями; а съ другой стороны, онъ остерегается отъ смѣшенія внутреннихъ явленій съ фактами, возникающими въ нашемъ полѣ воспріятія, и которыя по существу находятся не „внѣ“ и не „внутри“ насъ, а *надъ* этимъ противоположеніемъ.

Идти до конца по намѣченному пути мысли Николаю Кузанскому мѣшалъ его духовный санъ. Такъ мы видимъ, какъ онъ обрываетъ свои прекрасныя мысли по поводу „знанія“ и „не-знанія“, и въ то же время нельзя не замѣтить, что въ области того, что онъ называетъ „не-знаніемъ“, онъ даетъ то же самое теологическое ученіе, которое мы встрѣчаемъ и у схоластиковъ. Разница лишь въ томъ, что онъ развиваетъ его съ большимъ талантомъ. Относительно предопредѣленія, Христа, сотворенія міра, спасенія души и относительно нравственной жизни, онъ даетъ ученія, выдержанныя въ смыслѣ догматическаго христіанства. Его исходной точкѣ зрѣнія соотвѣтствовалъ бы такой выводъ: я довѣряю человѣческой природѣ, довѣряю, что углубившись въ научное познаніе вещей, она будетъ въ состояніи изнутри себя преобразовать это „знаніе“ въ „не-знаніе“, и тѣмъ принести удовлетвореніе высшему познаванію. Дойдя до такого вывода, онъ бы не могъ принять традиціонныя идеи о душѣ, безсмертіи, спасеніи, о Богѣ, о сотвореніи міра, о троичности и такъ далѣе, какъ онъ это сдѣлалъ; онъ замѣнилъ бы ихъ своими собственными, самостоятельно найденными идеями. Но Николай Кузанскій былъ такъ

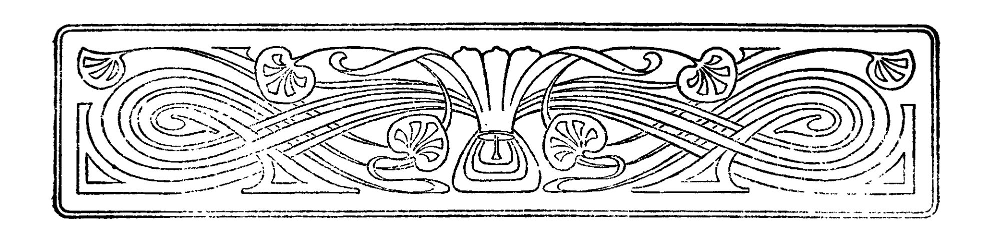
*) Я прекрасно знаю, что люди, признающіе что весь „міръ нашего опыта“ строится изъ ощущеній, источникъ которыхъ непознаваемъ, отнесутся съ высокомѣріемъ къ приведеннымъ линіямъ мыслей; такъ, въ книгѣ *Kant contra Heackel* д-ръ Эрихъ Адикесъ говоритъ: „люди, вродѣ Геккеля и ему подобныхъ, философствуютъ съ бодрымъ духомъ, не заботясь ни о теоріи познаванія, ни о критическомъ самоопредѣленіи“. Но такіе мыслители сами не подозрѣваютъ, до чего легковѣсны ихъ теоріи познаванія.

пропитанъ представленіями церковнаго христіанства, что онъ могъ эти самыя представленія принимать за пробужденіе своего собственнаго „не-знанія“. И въ то же время онъ стоялъ на роковомъ рубежѣ духовной жизни. *Онъ былъ человѣкомъ науки.* Ибо наука впервые удаляетъ насъ отъ невинной простоты, съ которой мы вначалѣ подходимъ къ міру. Въ этомъ наивномъ міропониманіи мы смутно чувствуемъ нашу связь съ міровымъ цѣлымъ. Мы чувствуемъ свое сходство съ другими существами, внѣдренными, какъ и мы, въ потокъ естественныхъ взаимодѣйствій.

Соприкосновеніе съ наукой вызываетъ въ насъ чувство отдѣльности отъ мірового цѣлаго. Мы начинаемъ создавать внутри себя духовный міръ. Этотъ міръ дѣлаетъ насъ одинокими по отношенію къ природѣ. Мы стали богаче, но богатство это—бремя, которое мы должны нести въ одиночку. Теперь мы должны собственными усиліями найти возвратъ къ природѣ. Мы должны придти къ сознанію, что это пріобрѣтенное нами богатство должно отнынѣ внѣдриться въ потокъ міровыхъ взаимодѣйствій, какъ, прежде наша бѣдность была внѣдрена въ стихійный потокъ природы. И именно на *этомъ* рубежѣ человѣка подстерегаютъ всевозможные злые демоны. Здѣсь его сила можетъ ослабѣть. Вмѣсто того, чтобы самому произвести это внѣдреніе, онъ легко можетъ, ослабѣвъ, искать прибѣжища въ приходящемъ извнѣ откровеніи, которое снова освободитъ его отъ его одиночества, знаніе же, которое стало для него тяжестью, вернетъ къ источнику бытія, къ Богу. И тогда онъ, подобно Николаю Кузанскому, будетъ воображать, что идетъ своимъ собственнымъ путемъ, тогда какъ въ дѣйствительности, онъ пойдетъ по пути, проложенномъ его предыдущимъ духовнымъ развитіемъ. Въ сущности, имѣется лишь три пути, когда человѣкъ приблизился къ рубежу, къ которому подошелъ Николай Кузанскій: первый — *положительная вѣра*, извнѣ нисходящая на насъ; второй—*отчаяніе:* человѣкъ стоитъ одинокій со своимъ бременемъ и начинаетъ чувствовать, какъ все колеблется вмѣстѣ съ нимъ; третій путь—развитіе глубоко скрытыхъ собственныхъ силъ человѣка. *Довѣріе* къ существующей вселенной должно быть однимъ изъ руководителей на этомъ третьемъ пути; другимъ руководителемъ должно быть *мужество*, чтобы послѣдовать за этимъ довѣріемъ, куда бы оно ни привело насъ.

Перев. Е. П.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Бхагавадъ-Гита.

*(Продолженіе *).*

Пѣснь VIII.

1.

Арджуна сказалъ:

Что можно назвать Вѣчнымъ [1]), что—Самопознаніемъ, что—Дѣйстіемъ, о Лучшій изъ Людей? [2]) Что объявлено знаніемъ Элементовъ, что названо знаніемъ Лучезарныхъ?

2.

Что такое знаніе Жертвы и какъ познается оно у воплощеннаго, о Мадхусудана? [3]) И какъ въ часъ кончины овладѣвшій собою познаетъ Тебя?

3.

Благословенный сказалъ:

Неразрушимый, Высочайшій есть Вѣчный; Суть Его именуется Самопознаніемъ; Эманація, которая есть причина рожденія существъ, именуется Дѣйствіемъ.

4.

Знаніе Элементовъ касается Моей преходящей природы, а знаніе Лучезарныхъ касается жизнедающей энергіи [4]); знаніе жертвы говоритъ обо Мнѣ, какъ о носителѣ тѣла, о лучшій изъ живущихъ.

---

*) „Вѣстникъ Теософіи" 1910 г., № 7 -8.

[1]) Брахманъ.

[2]) Лучшій изъ Людей, превышающій Собою всѣхъ людей: Пурушоттама.

[3]) Побѣждающій враговъ.

[4]) Пуруша.

5.

И тотъ, кто, сбрасывая съ себя тѣло, въ часъ кончины думаетъ лишь обо Мнѣ одномъ, тотъ безъ сомнѣнія приходитъ ко Мнѣ.

6.

Къ тому существу, о которомъ человѣкъ думаетъ въ часъ кончины, о сынъ Кунти [1]), къ нему онъ и идетъ, какъ къ сродному.

7.

Поэтому думай обо Мнѣ одномъ ежечасно и сражайся. Душой и разумомъ пребывая во Мнѣ, ты несомнѣнно придешь ко Мнѣ.

8.

Уравновѣшенный Іогой, съ мыслями не разбѣгающимися по сторонамъ, пребывая въ постоянномъ созерцаніи, о Партха [2]), человѣкъ доходитъ до высшаго, Божественнаго Духа.

9.

Кто думаетъ о Древнемъ, Всевѣдующемъ, Владыкѣ міра, о Томъ, что меньше малаго, объ Опорѣ всего, Невообразимомъ по формѣ, подобно солнцу сіяющему за мракомъ;

10.

Кто въ часъ кончины съ непоколебимымъ разумомъ и утвердившись въ преданности погружается въ созерцаніе, сосредоточивъ жизненное дыханіе [3]) въ средостѣніи между бровями,—тотъ достигаетъ Этого высшаго, Божественнаго Духа.

11.

Путь, который знатоками Веды объявленъ нерушимымъ, на который вступаютъ достигшіе самообладанія и освободившіеся отъ страсти, стремленіе къ которому ведетъ къ праведности [5]), этотъ Путь объясню тебѣ вкратцѣ.

---

[1]) Каунтея.

[2]) Сынъ Притхы.

[3]) Пріемъ концентраціи въ Іогѣ. Такія же указанія даются нашими православными подвижниками.

[5]) Т. е. къ Пути подвижничества, Брахмачарія.

12.

Замкнувъ всѣ врата [1]), разумомъ сойдя въ сердце [2]), сосредоточивъ жизненное дыханіе въ головѣ, погрузившись въ Іогу.

13.

Повторяя односложное Божественное слово „Аумъ“, думая обо Мнѣ, кто такимъ образомъ покидаетъ свое тѣло, достигаетъ высшаго пути [3]).

14.

Кто постоянно думаетъ обо Мнѣ, не мысля ни о чемъ другомъ, тотъ уравновѣшенный іогъ, о Партха, легко достигаетъ Меня.

15.

Придя ко Мнѣ, эти великія души [4]) больше не возвращаются къ рожденію въ обители скорби, не—вѣчной; они достигли высшаго совершенства.

16.

Міры, начиная съ міра Брахмы [5]), являются и исчезаютъ, о Арджуна; но тотъ, кто пришелъ ко Мнѣ, о сынъ Кунти, тотъ болѣе не знаетъ рожденія.

17.

Кто знаетъ день Брахмы, длящійся тысячу вѣковъ, и ночь Яго, завершающуюся въ тысячу вѣковъ, тотъ знаетъ день и ночь.

18.

Изъ непроявленнаго рождается все проявленное при зачинаніи дня; при наступленіи ночи все растворяется въ непроявленномъ, имя которому То.

19.

Это множество существъ, снова и снова проявлявшихся, исчезаютъ при наступленіи ночи; съ наступленіемъ дня они, помимо своей воли, являются, о Партха!

---

[1]) Врата тѣла—органы чувствъ.

[2]) У епископа Феофана встрѣчается буквально то же выраженіе („Очищеніе Сердца“).

[3]) Это слово означаетъ также Цѣль.

[4]) Магатма—великая душа. Такъ называютъ на Востокѣ Учителей и ихъ ближайшихъ учениковъ.

[5]) Всѣ міры проявленные, даже высочайшій изъ всѣхъ, имѣютъ лишь временное бытіе.

20.

Воистину, превыше этого непроявленнаго есть другое непроявленное, вѣчное и нерушимое, въ то время какъ все сущее распадается.

21.

Это непроявленное именуется „Нерушимое“. И Оно называется Высшимъ Путемъ. Достигшіе его больше не возвращаются. Это моя высочайшая обитель.

22.

Онъ высочайшій Духъ, о Партха, достигается непоколебимой преданностью тому Единому, въ Которомъ пребываютъ всѣ существа, и черезъ котораго все Это [1]) проявилось.

23.

Тѣ сроки, умирая въ которыхъ Іоги больше не возвращаются, а также тѣ сроки, умирая въ которыхъ Іоги возвращаются, ихъ Я объявлю тебѣ, о князь Бхаратъ!

24.

Умирая при огнѣ, при свѣтѣ дня, во время пребывающаго мѣсяца, въ теченіе шести мѣсяцевъ лѣтняго солнцестоянія [2]), іоги, которые знаютъ Брахму, идутъ къ Брахмѣ.

25.

Умирая въ дыму, въ ночное время, при ущербѣ мѣсяца, при зимнемъ солнцестояніи [3]), іоги обрѣтаютъ лунный свѣтъ [4]) и возвращаются.

26.

Свѣту и Мраку уподобляются два вѣчныхъ пути міра; по одному идетъ тотъ, кто не возвращается, по другому шествуетъ тотъ, кто возвращается вновь.

---

[1]) „Это“—вселенная, въ противоположность „Тому“, Источнику всего.

[2]) Эти мѣсяцы именуются „сѣвернымъ путемъ“.

[3]) Эти мѣсяцы именуются „южнымъ путемъ“.

[4]) Т. е. лунное или астральное тѣло. Получивъ его, человѣкъ непремѣнно рождается вновь.

27.

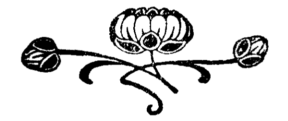
Зная эти два пути, о Партха, іогъ не впадаетъ въ смущеніе. Будь же всегда твердъ въ іогѣ, о Арджуна!

28.

Всѣ плоды заслугъ, которые Веды связываютъ съ жертвоприношеніями, подвигами, а также милостынью, надъ всѣмъ этимъ поднимается іогъ, владѣющій достигшимъ познаніемъ. Онъ идетъ къ высочайшей и древнѣйшей Обители.

Такъ гласитъ VIII бесѣда славной Бхагавадъ-Гиты, именуемая Іога неразрушимаго Высочайшаго, Вѣчнаго.

Перев. И. М. и Alba.

Единый не имѣетъ ни формы, ни цвѣта, ни очертанія; Его можно опредѣлить Словомъ Истины.

Онъ несравнимъ, выше самаго высокаго, Свѣтъ всего, Брама скрытый во всѣхъ сердцахъ, Его свѣтъ наполняетъ каждый проводникъ.

Ученіемъ Гуру раскрылись алмазные ворота и взоръ въ нихъ устремился твердо и безстрашно.

Служа Гуру обрѣтается истинное богатство; исполняя его слово, обрѣтается истинная свобода.

. . . .

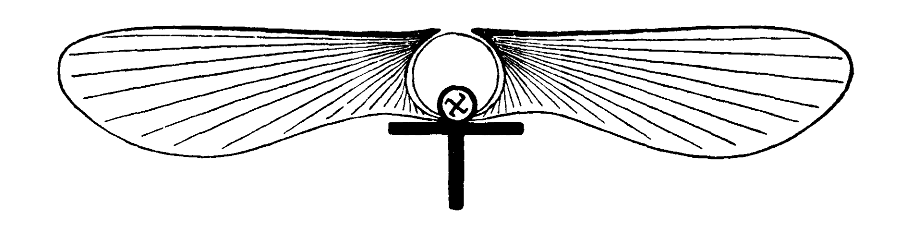
Въ чистомъ воспріемникѣ (сердцѣ) можетъ жить только Правда. Рѣдки чистые.

Всякая суть претворяется въ Божественной Сути.

Неизмѣнный, нерожденный, несотворенный, Самосущій, неограниченный, неуклонный, да буду я отданъ въ жертву этой Чистой Истинѣ!

. . . .

(Изъ Св. Писаній Сикх'овъ: см. стр. 3).

Мелкія тревоги.

Ч. Ледбитеръ.

Астральное тѣло средняго человѣка представляетъ изъ себя грустный видъ для ясновидящаго. Рисунокъ въ статьѣ „Видимый и невидимый человѣкъ“, стр. 131, указываетъ, что астральное тѣло должно бы быть лишь отраженіемъ красокъ ментальнаго,—признакъ того, что человѣкъ позволяетъ себѣ чувствовать только то, что ему разрѣшаетъ его разумъ. Если же этого нельзя еще требовать при настоящей стадіи эволюціи, то рисунокъ на страницѣ 102 даетъ намъ подборъ цвѣтовъ, изображающій астральное тѣло средняго человѣка въ состояніи сравнительнаго покоя: въ немъ мы найдемъ много оттѣнковъ, указывающихъ на нежелательныя свойства, отъ которыхъ возможно скорѣе слѣдуетъ избавиться. Но все это уже мною разобрано въ моемъ трудѣ, а теперь я хотѣлъ бы обратить вниманіе читателя на другую сторону этого вопроса.

Я сказалъ, что рисунокъ показываетъ намъ видъ обычнаго не вполнѣ развитого астральнаго тѣла въ состояніи сравнительнаго покоя, но одно изъ многочисленныхъ золъ того, что мы условились называть цивилизаціей,—это то, что рѣдко какое либо изъ астральныхъ тѣлъ бываетъ въ состояніи даже и сравнительнаго покоя. Само собой разумѣется, что матерія астральнаго тѣла находится въ непрестанной вибраціи и каждый изъ цвѣтовъ рисунка указываетъ на различную степень быстроты вибраціи, но въ этомъ движеніи необходимъ извѣстный порядокъ и извѣстныя границы. Болѣе развитой человѣкъ (стр. 131) имѣетъ 5 степеней быстроты вибраціи, тогда какъ обыкновенный имѣетъ ихъ не менѣе девяти съ примѣсью вдобавокъ измѣняющихся оттѣнковъ. Ясно, что это уже не такъ хорошо. Но у большинства людей За-

пада дѣло обстоитъ значительно хуже. Имѣть 9 вибрацій одновременной скорости—уже достаточно плохо, но въ астральномъ тѣлѣ многихъ мужчинъ и женщинъ можно легко прослѣдить до (50) пятидесяти и даже до ста (100) вибрацій. Астральное тѣло должно бы было имѣть нѣсколько опредѣленныхъ подраздѣленій, каждое со своимъ нормальнымъ движеніемъ, тогда какъ оно разбивается на множество мелкихъ водоворотовъ и обратныхъ теченій, борющихся другъ съ другомъ въ безумномъ безпорядкѣ. Все это послѣдствія мелкихъ, ненужныхъ волненій и тревогъ, и средній человѣкъ Запада состоитъ изъ сплошной массы вихрей: онъ взволнованъ однимъ, онъ раздосадованъ другимъ, онъ опасается третьяго, и такъ далѣе; вся его жизнь наполнена пошлыми, маленькими треволненіями, и вся его сила размѣнивается на эти мелочи. Дѣйствительное большое волненіе—доброе ли, дурное ли,—охватываетъ все астральное тѣло и на время приводитъ его всецѣло къ однородной вибраціи. Но мелкія тревоги производятъ мелкіе вихри или центры мѣстныхъ волненій, долго длящихся. Астральное тѣло, имѣющее по 50 вибрацій одновременно, представляетъ изъ себя пятно на кругозорѣ и нарушаетъ покой окружающихъ его; это предметъ не только не красивый, но онъ представляетъ собой положительно нѣчто чрезвычайно непріятное. Можно сравнить такое астральное тѣло съ физическимъ, страдающимъ особенно тяжелой формой Виттовой пляски, при которой всѣ мышцы дергаются одновременно въ различныхъ направленіяхъ. Чтобы сдѣлать это сравненіе хоть отчасти пригоднымъ, мы должны добавить, что болѣзнь эта заразительна, и что каждаго видящаго ея несчастныя послѣдствія охватываетъ неудержимое стремленіе подражанія. Безпорядочный видъ этого ужасающаго хаоса производитъ тяжелое и разстраивающее впечатлѣніе на всѣхъ приближающихся къ нему чувствительныхъ людей и заражаетъ ихъ астральныя тѣла, передавая имъ болѣзненныя ощущенія тревоги и безпокойства. Пока еще лишь немногіе выработали способность видѣть такія явленія; большая часть смутно ощущаютъ что-то непріятное при приближеніи своемъ къ кому нибудь изъ такихъ суетливыхъ и тревожныхъ субъектовъ. Возможно, что большинство не чувствуетъ ничего опредѣленнаго въ моментъ встрѣчи, но нѣкоторое время спустя они вѣроятно будутъ удивлены, чувствуя необъяснимую усталость. Замѣтно ли это сразу или впослѣдствіи—это все равно. Результатъ на лицо—вредъ нанесенъ. Лица достаточно безразсудныя, чтобы позволить себѣ стать въ такія условія, приносятъ большой вредъ многимъ, но больше всего—

лично себѣ. Очень часто постоянный астральный разладъ реагируетъ посредствомъ эфира на плотный физическій проводникъ и производитъ всевозможные нервные безпорядки. Почти всѣ нервныя болѣзни являются прямыми послѣдствіями ненужныхъ тревогъ и волненій; онѣ исчезли бы быстро, если бы больной умѣлъ держать въ покоѣ свои проводники и обладалъ бы душевнымъ миромъ. Но даже и въ томъ случаѣ, когда сильное физическое тѣло имѣетъ способность сопротивляться этому постоянному раздраженію астральнаго,—вліяніе послѣдняго въ его сферѣ не менѣе пагубно. Эти крошечные центры воспаленія, которые такимъ образомъ покрываютъ все астральное тѣло, представляютъ для послѣдняго то же, что чиріи для физическаго. Не только они сами—причины остраго недомоганія, болѣзненныя мѣста, малѣйшее прикосновеніе къ которымъ производитъ сильнѣйшую боль,—но они вмѣстѣ съ тѣмъ и слабыя мѣста, чрезъ которыя жизненные соки истекаютъ и черезъ которые всевозможныя отравы попадаютъ въ кровь. Человѣкъ, астральное тѣло котораго находится въ такихъ условіяхъ, не имѣетъ возможности противостоять никакому встрѣчному дурному вліянію, и вмѣстѣ съ тѣмъ неспособенъ къ воспріятію благотворнаго. Силы вытекаютъ черезъ эти открытыя язвы, въ то же время всевозможныя болѣзнетворныя начала находятъ себѣ черезъ нихъ доступъ. Человѣкъ не пользуется своимъ астральнымъ тѣломъ, какъ чѣмъ то цѣлымъ, не властвуетъ надъ нимъ, но позволяетъ этому тѣлу распадаться на множество отдѣльныхъ центровъ и подпадаетъ подъ его власть. Его мелкія тревоги и досады внѣдряются и устанавливаютъ надъ нимъ свое господство до тѣхъ поръ, пока не превращаются въ полчище демоновъ, которые завладѣваютъ человѣкомъ настолько, что онъ уже не можетъ отъ нихъ избавиться. Это грустное состояніе. Какъ человѣку, попавшему въ такое положеніе, избѣжать его, какъ ему выйти изъ него? На оба вопроса одинъ отвѣтъ: пускай онъ научится не тревожиться, не бояться и не досадовать. Пускай онъ съ умѣетъ убѣдить себя въ ничтожности всѣхъ этихъ личныхъ причинъ, которыя затмили такимъ огромнымъ миражемъ его горизонтъ. Пускай онъ обдумаетъ: чѣмъ окажутся онѣ, если онъ оглянется на нихъ изъ своей будущей жизни, или хотя бы только лѣтъ 20 спустя. Пускай человѣкъ прочувствуетъ всѣмъ своимъ сердцемъ слова мудрости: „Ничто не стоитъ слишкомъ много, а многое не стоитъ ничего". То, что самъ человѣкъ дѣлаетъ, говоритъ или думаетъ, важно для него, такъ какъ вырабатываетъ его будущее. То, что говорятъ, дѣлаютъ или думаютъ другіе,—не

имѣетъ для него рѣшительно никакого значенія. Пускай человѣкъ отвлечетъ себя отъ всѣхъ этихъ мелкихъ ежедневныхъ болѣзненныхъ уколовъ и просто откажется тревожиться изъ за нихъ. Сначала на это потребуется много твердой рѣшимости, такъ какъ необходимо усиліе, чтобы побѣдить прочно укоренившуюся дурную привычку. Окажется, что умъ будетъ то и дѣло нашептывать: „М-съ Х. дурно обо мнѣ говорила, можетъ быть и сейчасъ она это дѣлаетъ, можетъ быть другіе повѣрятъ этому, это можетъ мнѣ повредить", и такъ далѣе до безконечности. Но онъ долженъ отвѣтить: „Мнѣ все равно, что говоритъ Х., хотя мнѣ грустно, что несчастная создаетъ себѣ такую плохую Карму. Я положительно отказываюсь думать о ней и вообще обо всемъ этомъ; мнѣ нужно дѣлать свое дѣло и некогда разстраиваться на пустыя сплетни". Случается, что предчувствія грядущихъ бѣдъ постоянно врываются въ его мысли: „Быть можетъ въ будущемъ году я потеряю свое положеніе, быть можетъ я буду въ нуждѣ, быть можетъ я буду несостоятельнымъ, быть можетъ потеряю расположеніе кого либо изъ моихъ друзей". Все это должно быть встрѣчено съ твердостью. Быть можетъ все это и случится, а можетъ быть и нѣтъ, безполезно пытаться перейти черезъ мостъ раньше, чѣмъ дойдешь до него. Я долженъ принять всѣ необходимыя предосторожности, а затѣмъ отказаться дальше объ этомъ думать. Безпокойство не предотвратитъ того, что должно случиться, но отниметъ силу для встрѣчи бѣды. Поэтому я отказываюсь безпокоиться и отворачиваюсь отъ всего этого.

Другая, очень распространенная форма тревоги, ведущая къ очень серьезнымъ послѣдствіямъ,—это безуміе, заставляющее насъ обижаться на поступки или слова другихъ лицъ. Казалось бы, что самый обыкновенный здравый смыслъ долженъ бы былъ спасать человѣка отъ такой ошибки, а между тѣмъ число тѣхъ, которые ее дѣйствительно избѣгаютъ,—очень не велико. Достаточно намъ взглянуть безпристрастно на дѣло и мы поймемъ, что то, что другой сказалъ или сдѣлалъ, въ сущности не можетъ имѣть для насъ значенія. Если онъ сказалъ что нибудь оскорбительное, то въ девяти случаяхъ изъ десяти онъ не хотѣлъ насъ обидѣть. Зачѣмъ же мы позволили себѣ быть разстроенными по этому поводу? Даже въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда замѣчаніе было умышленно грубо и злобно, когда человѣкъ сказалъ обдуманно что нибудь такое, чтобы оскорбить другого, будетъ въ высшей степени неразумнымъ огорчаться этимъ. Если человѣкъ имѣлъ дурное намѣреніе въ томъ, что онъ говорилъ, онъ достоинъ со-

жалѣнія, такъ какъ мы знаемъ, что по закону Божественной справедливости онъ конечно пострадаетъ за свое неразуміе. То, что онъ сказалъ, не должно никакимъ образомъ насъ затрагивать, ибо все это не имѣетъ никакихъ послѣдствій.

Раздраженное слово не можетъ оскорбить насъ иначе, какъ если мы сами захотимъ принять его и сами оскорбимъ себя, раздумывая надъ нимъ и позволяя себѣ испытывать болѣзненныя ощущенія. Что значатъ для насъ слова другого, какъ могутъ они нарушить нашъ покой? Вѣдь это просто вибрація атмосферы; если бы мы ихъ не слышали, или бы о нихъ не узнали, то развѣ бы они могли насъ огорчить? Конечно нѣтъ,—слѣдовательно не слова насъ огорчили, а тотъ фактъ, что мы ихъ услыхали. Поэтому, если мы позволяемъ себѣ заботиться о произнесенныхъ человѣкомъ словахъ, то мы сами отвѣтственны за безпокойство, произведенное въ нашихъ астральныхъ тѣлахъ. Человѣкъ не причинилъ намъ и не можетъ причинить вреда; если мы чувствуемъ зло и оскорбленіе, которыя несутъ намъ съ собою множество мученій,—мы должны за это благодарить самихъ себя. Если безпокойство нашего астральнаго тѣла произошло подъ вліяніемъ словъ, кѣмъ-либо произнесенныхъ, то это только потому, что мы до сихъ поръ не имѣемъ власти надъ этими тѣлами. Мы до сихъ поръ еще не выработали того спокойствія, которое дѣлаетъ насъ способными смотрѣть на все съ высоты Духа, итти своимъ путемъ и заниматься своимъ дѣломъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на вздорныя или завистливыя замѣчанія, дѣлаемыя на нашъ счетъ другими людьми.

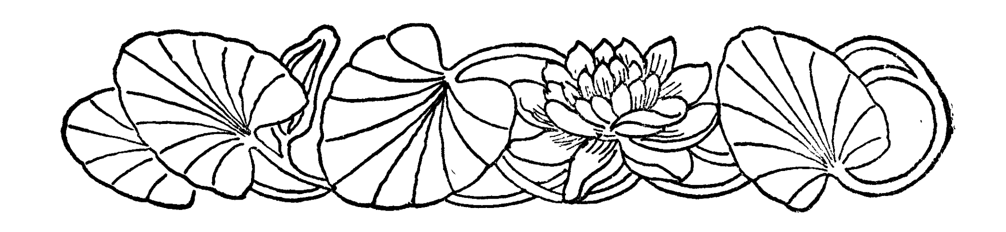
Иная причина страданія менѣе зависитъ отъ личной инициативы и потому менѣе предосудительна, но за то не менѣе вредна для прогресса,—это привычка безпокоиться о пустякахъ, слишкомъ много обращать вниманія на мелочи, будь то на службѣ, или въ домашнемъ хозяйствѣ. Конечно мелочи требуютъ вниманія. Необходимо, чтобы всякое дѣло, всякое хозяйство велось въ порядкѣ, чтобы все дѣлалось пунктуально и аккуратно, но средствомъ къ достиженію такого порядка является созданіе въ душѣ своей высокаго идеала и постоянное къ нему стремленіе, а не раздраженіе всѣхъ окружающихъ безпрестанными ненужными замѣчаніями. Несчастный человѣкъ, страдающій такой наклонностью, обязанъ немедленно начать борьбу съ собою, такъ какъ иначе, до тѣхъ поръ пока онъ не одержитъ побѣды,—онъ будетъ всюду силой, несущей съ собою разъединеніе, а не миръ, и такимъ образомъ работа его будетъ плохой помощью на землѣ. Симптомы

этой болѣзни нѣсколько иные, чѣмъ симптомы болѣзни, вызванной личнымъ мучительствомъ. Въ послѣднемъ случаѣ на астральномъ тѣлѣ менѣе карбункулярныхъ чиріевъ, но безпрестанное дрожаніе; безпокойство такого астральнаго тѣла также нарушаютъ гармонію всѣхъ окружающихъ, также мѣшаютъ счастью и самосовершенствованію суетливой личности.

Человѣкъ долженъ научиться быть господиномъ своего ума и своихъ чувствъ и долженъ старательно отбрасывать всѣ мысли и ощущенія, которыя его „высшее Я“ не одобряетъ. Хаосъ мелкихъ чувствъ не достоинъ разумнаго существа. Въ высшей степени безразсудно, если человѣкъ—лучъ Божественнаго свѣта, позволяетъ себѣ подпадать подъ вліянія своихъ элементальныхъ желаній, которыя не прошли даже еще и минеральнаго царства. Я уже сказалъ, что такой астральный безпорядокъ часто вреденъ для физическаго здоровья, но онъ болѣе чѣмъ вреденъ—онъ пагубенъ для прогресса, для движенія по Пути. Одинъ изъ первыхъ уроковъ, который необходимо выучить, вступая на Путь,—это полнѣйшее самообладаніе, и первымъ шагомъ къ нему является достиженіе полнаго отсутствія тревоги. Сначала по привычкѣ матерія астральнаго тѣла будетъ еще продолжать образовывать ненужные вихри, но человѣкъ долженъ настойчиво стараться овладѣть ими и установить ту правильность и ритмичность вибрацій, которую онъ, какъ духовное Ego, долженъ обрѣсти. Человѣкъ долженъ всецѣло быть исполненъ Божественной Любовью, которая должна излучаться изъ него по всѣмъ направленіямъ и проявлять себя въ любви къ ближнимъ. И тогда не останется болѣе мѣста для нежелательныхъ вибрацій; у него не останется времени на личныя заботы. Вся его жизнь будетъ заполнена служеніемъ Логосу, стремленіемъ помочь эволюціи міра. Для того, чтобы достигнуть настоящаго совершенства, сдѣлать настоящее дѣло, человѣкъ долженъ отвернуться отъ всего мелкаго и стараться достигнуть Высшаго; онъ долженъ мысленно уйти изъ нашего міра въ иной міръ, онъ долженъ уйти изъ міра волненій въ міръ покоя и полнаго самосознанія.

Перев. **Эссель.**

Общеніе съ міромъ духовъ.

Д-ръ Францъ Гартманъ.

Переводъ съ нѣмецкаго Д. Страндена.

I.

Теорія и опытъ.

„Человѣкъ, не забывай, что у твоей души есть крылья".

Законы, дѣйствіе которыхъ мы наблюдаемъ во внѣшней видимой природѣ, коренятся въ мірѣ духовномъ и производятъ какъ въ этомъ мірѣ, такъ и въ природѣ, дѣйствія аналогичныя. Подобно тому, какъ маятникъ, закончивши колебаніе въ одну сторону, затѣмъ уклоняется въ противоположную, пока въ концѣ концовъ не остановится, занявши среднее положеніе, точно такъ, же и человѣчество постоянно колеблется между невѣріемъ и суевѣріемъ; и оно не успокоится до тѣхъ поръ, пока через самопознаніе не достигнетъ познанія истины. Господство грубаго суевѣрія въ средніе вѣка, ознаменовавшееся процессами противъ колдуній и кострами инквизиціи, смѣнилось періодомъ повальнаго отрицанія, слѣпого матеріализма; а когда этотъ послѣдній достигъ своего зенита, на смѣну ему излился на землю потокъ спиритизма, въ извѣстномъ отношеніи несущій съ собой нравственную заразу. Спиритизмъ доразвился уже до степени науки, которая, однако, еще не обладаетъ основой всякаго истиннаго знанія, а именно, познаніемъ тѣхъ причинъ, изъ которыхъ проистекаютъ спиритическія явленія, поскольку они неподдѣльны. А пока не познаны непосредственно эти причины, сущность спиритическихъ явленій не будетъ вполнѣ ясна, и будетъ оставаться мѣсто сомнѣніямъ, сколько бы ни строили догадокъ на основаніи чисто внѣшняго наблюденія этихъ явленій.

Мы ни мало не оспариваемъ законности существованія спиритизма. Онъ—ничто иное, какъ естественная наука, изученіе которой доступно тѣмъ, кто обладаетъ необходимой подготовкой и опытомъ. Но для людей неподготовленныхъ онъ таитъ въ себѣ большія опасности, о чемъ свидѣтельствуетъ множество погибшихъ благодаря занятіямъ спиритизмомъ людей, слабовольныхъ медіумовъ, лицъ, сдѣлавшихся преступниками и одержимыми. Когда человѣкъ, изучившій химію и знающій свойства тѣхъ веществъ, съ которыми ему приходится имѣть дѣло, производитъ опыты въ своей лабораторіи, то онъ не подвергается особой опасности; но когда человѣкъ несвѣдущій оперируетъ наугадъ со взрывчатыми веществами, то онъ можетъ надѣлать немало вреда и себѣ и другимъ. Точно такъ же обстоитъ дѣло и со спиритическими экспериментами. Тотъ, кто знаетъ силы, вліяніе которыхъ при этомъ проявляется, и обладаетъ властью надъ этими силами, тотъ будетъ знать, какъ ему надо поступать въ тѣхъ или иныхъ случаяхъ, если только онъ вообще найдетъ, что стоитъ заниматься подобными экспериментами. Но несвѣдущему диллетанту въ этой области угрожаютъ опасности еще гораздо болѣе серьезныя, чѣмъ при химическихъ опытахъ. При послѣднихъ ставится на карту лишь физическая жизнь; тогда какъ при занятіяхъ спиритизмомъ неосторожному экспериментатору угрожаетъ потеря разсудка и свободы воли или нѣчто еще худшее: ужасная перспектива вступленія на путь „черной магіи". Ибо скотскія и бѣсовскія вліянія астральнаго міра стоятъ гораздо ближе къ среднему человѣку, чѣмъ вліянія, исходящія отъ обитателей міра небеснаго; а тотъ, кто открываетъ доступъ такимъ дурнымъ силамъ, не будучи въ состояніи подчинить ихъ себѣ, тотъ въ концѣ концовъ, самъ подпадаетъ ихъ господству. Ему тогда уже не избавиться отъ вызванныхъ имъ духовъ.

Назначеніе человѣка, какъ царя мірозданія,—правда,—въ томъ, чтобы пріобрѣсти познаніе всего творенья и всѣхъ сферъ космоса. Но когда онъ пускается въ область невидимаго, онъ долженъ умѣть владѣть собой и не поддаваться неизвѣстно откуда исходящимъ вліяніямъ, а тѣмъ болѣе не позволять имъ вполнѣ овладѣть собой, хотя бы такіе духи и являлись подъ маской ангеловъ и держали благочестивыя рѣчи—что способенъ продѣлывать вѣдь и любой комедіантъ. Ближайшая къ намъ область „сверхчувственнаго міра"—царство сновъ и фантазіи, самообмана и лжи, и она посѣщается всего чаще мечтателями, фантазерами и лжецами, которыхъ съ распростертыми объятіями встрѣчаютъ родственныя

имъ по духу существа, обитающія въ этой области. Подобно тому, какъ солнце, оставаясь неподвижнымъ на небѣ, изливаетъ во всѣ стороны свои свѣтоносные лучи, проникающіе всюду, даже въ мрачныя пропасти земли, такъ и человѣкъ долженъ былъ бы незыблемо утвердиться въ мудрости, простирая въ то же время свои духовныя способности воспріятія и въ высоты небесъ и въ преисподнюю земли, чтобы постигнуть тайны Божества и природы.

Лишь тотъ, кто позналъ свой собственный духъ и овладѣлъ его силами, можетъ познать и подчинить себѣ другихъ духовъ. Самопознаніе и искусство владѣть собой идутъ здѣсь рука объ руку. Они взаимно обусловливаютъ другъ друга; одно вытекаетъ изъ другого. Лишь тотъ, кто самъ поднимается на вершину горы, можетъ дышать чистымъ горнымъ воздухомъ и наслаждаться открывающимся передъ его взорами видомъ. Чѣмъ выше онъ поднимается и чѣмъ прочнѣе онъ обосновывается на этой горной высотѣ, тѣмъ болѣе онъ чувствуетъ себя тамъ, какъ дома, тѣмъ болѣе онъ господствуетъ надъ всѣмъ, что лежитъ ниже его. Тотъ же, кто остается среди толкотни мятущейся толпы, тотъ самъ представляетъ собой часть этой толпы, и она будетъ тѣснить его. Лишь свободный человѣкъ обладаетъ преимуществомъ наслаждаться свободнымъ кругозоромъ, какъ въ мірѣ духовномъ, такъ и въ мірѣ матеріальномъ; но большинство людей связаны своими себялюбивыми желаніями и потому несвободны.

„Крайности сходятся", какъ гласитъ старинная пословица. Нерѣдко самый мелочной, черствый эгоизмъ уживается рядомъ съ разнузданнымъ фантазерствомъ въ области религіозной. Величайшую порочность и алчность нерѣдко можно встрѣтить у тѣхъ, чья фантазія усиленно занята сверчувственными предметами. Изъ болѣзненныхъ состояній души проистекаютъ нездоровыя духовныя теченія и всяческія уродливыя явленія. Многихъ гонятъ въ объятія нездороваго мистицизма неспокойная совѣсть и страхъ передъ смертью. Нравственно изувѣченные, мучимые дурными страстями, люди ищутъ спасенья у духовъ, надувающихъ ихъ, и такимъ образомъ становятся добычей злыхъ силъ. Противоестественное и сверхъестественное близко соприкасаются другъ съ другомъ. Тотъ, кто не остался вѣрнымъ своей истинной человѣческой природѣ и въ то же время ищетъ того, что выше его природы, легко уклоняется въ сторону противоестественнаго. Онъ подобенъ ослѣпнувшей птицѣ, которая въ поискахъ своего гнѣзда летаетъ то надъ нимъ, то ниже его, и въ концѣ концовъ, истощенная, летитъ

стремглавъ въ пропасть. Человѣкъ, покинувшій незыблемую скалу духовной вѣры, не можетъ найти въ себѣ никакой иной прочной точки опоры. Такіе люди ищутъ утѣшенія во внѣшнихъ вещахъ, обращаются къ „духамъ", которые дурачатъ ихъ. Всякія внѣшнія утѣшенія—лишь способы одурманивать себя; они могутъ на мгновеніе притупить чувствительность, но не излѣчиваютъ болѣзни, а скорѣе лишь еще болѣе ослабляютъ того, кто прибѣгаетъ къ нимъ.

Многихъ завлекаетъ въ темный лабиринтъ спиритизма и оккультизма непреодолимое стремленіе удовлетворить свое любопытство. Но такіе люди бываютъ не въ состояніи выбраться изъ этого лабиринта, потому что въ этомъ мірѣ сновъ и иллюзій имъ не свѣтитъ путеводная звѣзда истины. Они стараются освѣтить тайны Божества тусклымъ свѣтомъ человѣческаго разсудка, этого порожденія земли, забывая, что лишь духъ Божій въ человѣкѣ можетъ „проницать глубины Божія". Не можетъ быть познанія истины, тамъ гдѣ нѣтъ Духа истины, святого Духа, который есть Духъ истиннаго самопознанія и свободенъ отъ всякой алчности и тщеславія. Поденщикъ, который, не думая о самомъ себѣ, исполняетъ свои обязанности чисто изъ любви къ дѣлу, порученному ему, стоитъ ближе къ истинному познанію, чѣмъ исполненный горделиваго самомнѣнія „философъ", который поглощенъ всецѣло желаніемъ увеличить свою эрудицію или стремленіемъ добиться извѣстности. До тѣхъ поръ, пока святой духъ безкорыстной любви не оживетъ къ нашемъ сердцѣ и не просвѣтитъ нашъ умъ, мы не можемъ подняться къ высшей области духовнаго міра, гдѣ обитаютъ чистые духи, тогда какъ преисподняя*) населена лишь нечистыми существами, обитателями ночной области заблужденій и лжи.

Многіе предаются тому, что они называютъ „религіей", словно спорту или развлеченію и потому не могутъ достигнуть истиннаго познанія; ибо мудрость желаетъ быть единственнымъ властелиномъ въ сердцѣ человѣка. Софисты, торгаши и фарисеи должны быть изгнаны изъ святилища человѣческой души, чтобы въ немъ могъ вспыхнуть свѣтъ истины. Въ Писаніи сказано, что удобнѣе верблюду пройти сквозь игольное ушко, нежели богатому**) войти въ Царство Божіе. „Гдѣ будетъ трупъ, тамъ соберутся орлы".

*) Подробности объ этихъ областяхъ читатель найдетъ въ сочиненіи Артура Вебера „Die Bewusstseinsreiche im Weltall".

**) Т. е. человѣку, вслѣдствіе своей алчности привязанному къ своему личному имуществу.

Куда человѣка влекутъ его страстныя желанья, тамъ и живетъ его сердце. Къ чему онъ стремится, къ тому онъ и привязанъ. Тотъ, кто желаетъ подняться на вершины духа и познакомиться съ ихъ обитателями, тотъ долженъ освободиться отъ тяжестей, мѣшающихъ ему, и сбросить съ себя цѣпи, приковывающія его ко всему низменному. Что толку въ томъ, что мы будемъ проявлять большую эрудицію, разсуждая о небесномъ, когда мы еще не высвободились изъ болота чувственности и матеріальности, въ которомъ мы погрязли. Наши теоріи не принесутъ намъ особой пользы послѣ нашей смерти. Въ настоящую минуты, пока день нашей жизни еще не пришелъ къ концу, жизнь даетъ намъ силу, нужную для нашего подъема.

Подъемъ этотъ заключается не въ горделивомъ самомнѣніи, заставляющемъ вообразить себя сверхчеловѣкомъ и ставить себя выше другихъ людей, а въ переростаніи себялюбія и самомнѣнія, ставящаго выше всего личный интересъ,—въ духовномъ ростѣ, при которомъ человѣкъ ни на минуту не покидаетъ твердой почвы своихъ земныхъ обязанностей. Дубъ коренится въ землѣ и изъ нея извлекаетъ свою силу. Благодаря этому онъ растетъ и простираетъ свои вѣтви къ нему. Фантазеръ же, ищущій своего спасенія подъ облаками или въ пустопорожнемъ мірѣ, живетъ какъ бы во снѣ. Онъ теряетъ твердую почву подъ ногами, а вмѣстѣ съ тѣмъ утрачиваетъ и свои силы. Изъ этого рода людей рекрутируется множество спиритовъ, живущихъ и умирающихъ въ райскихъ садахъ ихъ собственной фантазіи, которые могутъ удовлетворять лишь людей неразумныхъ. Это люди, которые, потерявши ту твердую почву, которая обрѣтается въ насъ самихъ, думаютъ найти опору въ царствѣ духовъ и цѣпляются за всякую соломинку, которую имъ протягиваетъ шаловливый бѣсенокъ. Не въ томъ заключается духовный прогрессъ, что человѣкъ бросаетъ все матеріальное и витаетъ своей фантазіей въ идеальномъ, а въ томъ, что онъ находитъ свое истинное *я*, оставаясь въ мірѣ матеріи, развивается въ этомъ мірѣ и осуществляетъ идеальное въ самомъ себѣ.

Первымъ средствомъ для достиженія этого служитъ истинное ученіе, но, помимо осуществленія въ жизни, оно не имѣетъ никакого практическаго значенія и даже можетъ повлечь за собой большія опасности; ибо вмѣстѣ съ ростомъ знанія растетъ и отвѣтственность человѣка. Если онъ знаетъ, въ чемъ добро, и въ то же время все-таки не желаетъ оставить зла, то онъ вступаетъ на путь, ведущій въ адъ. Тогда уже нельзя болѣе сказать: „Отче!

прости имъ, ибо не знаютъ, что дѣлаютъ". Тогда это злое, что человѣкъ посѣялъ, ему придется самому пожать. Въ одномъ голомъ знаніи еще мало толка. Знаніе безъ любви не дастъ удовлетворенія. Чуждый любви разсудокъ—порожденіе міра матеріальнаго; онъ тяготѣетъ къ нему и увлекаетъ душу человѣка внизъ, къ вещественному. Истинное же познаніе не отдѣлено отъ Бога; оно исходитъ отъ Бога и возвращаетъ насъ къ Нему.

Ученія, переданныя намъ Е. П. Блаватской, разсѣяли немало заблужденій и сдѣлали болѣе доступными для разсудочнаго пониманія многія духовныя истины. Они позволяютъ намъ пріобрѣсти нѣкоторое теоретическое понятіе о различныхъ областяхъ духовнаго міра и объ ихъ обитателяхъ. Въ ученіяхъ этихъ содержится величественнѣйшая философія, когда-либо возвѣщавшаяся міру, философія обладающая силой просвѣтить и облагородить людей. Но преждевременное обнародованіе тайнъ эзотерическаго ученія, предназначавшихся лишь для посвященныхъ, т. е. для людей, обладающихъ достаточной чистотой настроенія и духовной зрѣлостью, чтобы надлежащимъ образомъ усвоить эти ученія, подало поводъ къ цѣлому ряду недоразумѣній и открыло ворота не только суевѣрію, но и черной магіи.

Когда дождь падаетъ на невоздѣланную ниву, то на ней выростаютъ однѣ лишь сорныя травы. Свѣтъ истины самъ по себѣ никому не приноситъ вреда; но этотъ послѣдній проистекаетъ изъ невѣрнаго пониманія истины. Какъ изогнутое зеркало отражаетъ все въ искаженномъ, карикатурномъ видѣ, такъ и истина искажается, отражаясь въ извращенной душѣ. Лѣкарство можетъ подѣйствовать какъ ядъ, если оно неразумно примѣняется. Есть немало людей, стремящихся овладѣть божественными силами, съ той цѣлью, чтобы использовать ихъ для достиженія низменныхъ цѣлей. Подобныя попытки таятъ въ себѣ величайшую опасность; ибо тотъ, кто, не будучи способенъ возвыситься до божественнаго, пытается низвести его до своего низменнаго уровня, тотъ оскверняетъ святыню и тѣмъ самымъ принижаетъ самого себя. Тотъ, кто пріобрѣтаетъ магическія силы и пользуется ими во зло, тотъ самъ обрекаетъ себя на погибель.

Такъ какъ человѣкъ можетъ общаться съ духами лишь духовно, то для такого общенія ему необходимо самому одухотвориться, а первымъ шагомъ въ этомъ направленіи является очищеніе, т. е. преодолѣніе всѣхъ своихъ злыхъ наклонностей и вожделѣній. Какъ можетъ человѣкъ господствовать надъ духами, обитающими въ иныхъ сферахъ, если онъ не въ состояніи еще

овладѣть и тѣми духами, которые обитаютъ въ немъ самомъ? Только тотъ настоящій спиритъ, кто владѣетъ самимъ собой и господствуетъ надъ духами, а не тотъ, кто является лишь безвольной куклой и игралищемъ въ рукахъ этихъ духовъ. Таковъ уже законъ, господствующій во всей природѣ, что лишь путемъ преодолѣнія низшаго можно достигнуть высшаго. Цвѣтокъ лотоса подымается надъ водой, чтобы наслаждаться солнечнымъ свѣтомъ и свѣжестью воздуха; точно такъ же и тотъ, кто хочетъ дышать эфиромъ небесъ, долженъ возвыситься надъ болотомъ всякой низменной обыденщины. Для того, кто сознаетъ себя гражданиномъ царства небеснаго, общеніе съ высшими духами не только мыслимо и возможно, но и является повседневнымъ фактомъ.

II.

Духовное общеніе между живыми.

„Двѣ души—и одна лишь мысль; два сердца—но бьются они въ унисонъ".

Всякое общеніе между людьми имѣетъ духовную основу; внѣшнія средства служатъ лишь для облегченія духовнаго общенія. Духъ есть сознаніе. Помимо духа не могло бы доходить до нашего сознанія никакое сближеніе съ тѣмъ, что внѣ насъ. Мы живемъ въ объективномъ мірѣ и окружены предметами, о которыхъ мы знаемъ лишь то, что доходитъ до нашего сознанія. Слѣдовательно извѣстный намъ міръ есть въ дѣйствительности міръ субъективный—или созданный нами самими, или непроизвольно возникнувшій въ нашемъ воображеніи. При помощи нашего разсудка, функціонирующаго черезъ посредство мозга, мы не можемъ узнать ничего о духовной жизни даже нашихъ наиболѣе близкихъ знакомыхъ и друзей; мы знаемъ лишь впечатлѣнія, доходящія до насъ, при помощи нашихъ органовъ чувствъ и воспринимаемыя нами. Изъ этихъ впечатлѣній мы составляемъ себѣ представленіе о томъ или иномъ лицѣ и о его качествахъ—представленіе, часто совершенно не соотвѣтствующее дѣйствительности. Въ этомъ не разъ приходилось убѣждаться всякому, кому случалось разочароваться въ своихъ ожиданіяхъ, благодаря тому, что онъ составилъ себѣ о комъ-нибудь черезчуръ идеализированное представленіе. Мы говорили: „Эта особа красива". Выражаясь болѣе философски, слѣдовало бы сказать: „Впечатлѣніе, которое

я получаю отъ этой особы, красиво". Въ сущности говоря, мы любимъ не самое данное лицо, а образъ его, живущій въ нашей душѣ, и мы переносимъ свою любовь и на внѣшній намъ объектъ, на самую данную личность.

Все внѣшнее есть лишь видимость; представленіе отдѣляетъ отъ насъ объектъ, любовь же проникаетъ и соединяетъ. Не тѣлесное сближеніе, а душевная гармонія связываетъ людей и приводитъ ихъ другъ къ другу. Физическое разстояніе при этомъ не играетъ никакой роли. Часто можно болѣе любить человѣка, когда онъ далеко отъ насъ, чѣмъ когда мы съ нимъ видимся; потому что, когда мы разлучены съ нимъ, мы имѣемъ о немъ лишь идеальное представленіе, тогда какъ при физическомъ сближеніи съ нимъ могутъ получиться впечатлѣнія, нарушающія чистоту и силу нашего чувства. Мы не думаемъ о недостаткахъ отсутствующаго лица, которое мы любимъ; но когда мы находимся въ его обществѣ, то его недостатки сами навязываются на то, чтобы мы обратили на нихъ вниманіе. Два человѣка могутъ быть пространственно отдѣлены другъ отъ друга тысячами миль, и все же у нихъ можетъ быть одно сердце и одна душа, такъ тѣсно будутъ они связаны другъ съ другомъ духовно; другіе же могутъ быть мужемъ и женой и все же быть безконечно далекими и чуждыми другъ другу. Чисто внѣшнія связи не имѣютъ длящейся цѣнности; но тѣ, кто связаны другъ съ другомъ душевной связью, тѣ соединены Богомъ навѣки, и сама смерть не въ силахъ разлучить ихъ.

Бездушное общеніе между людьми напоминаетъ пляску мертвецовъ. Блестящіе балы и вечера, на которыхъ все расчитано лишь для видимости, не доставляютъ мыслящему человѣку длящагося удовлетворенія. Пустая болтовня не привлекаетъ его, а, наоборотъ, отталкиваетъ. Способность рѣчи дана людямъ для того, чтобы они могли достигнуть взаимнаго пониманія. Но тамъ, гдѣ нѣтъ духовной гармоніи, тамъ не можетъ быть достигнуто взаимное пониманіе хотя бы и при помощи множества словъ; тамъ же, гдѣ царитъ полное единомысліе, можетъ и вовсе не быть надобности въ словахъ: тамъ бываетъ иногда достаточно одного лишь взгляда, пожатья руки и даже одной лишь мысли. Внѣшняя рѣчь есть лишь вспомогательное средство для установленія мысленнаго согласія. Со временемъ, когда мы будемъ болѣе одухотворены, внѣшняя рѣчь уже не будетъ столь необходима какъ теперь.

Въ настоящее время въ научныхъ кругахъ часто можно—бываетъ—слышать разговоры о передачѣ мыслей на разстояніе или телепатіи, причемъ объ этомъ разсуждаютъ какъ о чемъ то совер-

шенно новомъ, чудесномъ и невѣроятномъ. На самомъ же дѣлѣ приходится изумляться тому, что ученые только въ наше время заинтересовались этими явленіями, которыя уже давнымъ давно были извѣстны даже дѣтямъ. Человѣкъ, вполнѣ лишенный интуиціи, который не могъ бы совершенно угадывать чужихъ мыслей, былъ бы подобенъ чурбану, который надо толкнуть, для того чтобы онъ сдвинулся съ мѣста. Даже собаки, кошки, лошади и многія другія животныя часто понимаютъ невысказанную мысль своего хозяина, даже безъ того, чтобы ему при этомъ приходилось прибѣгать къ мимикѣ. Животныя вѣдь также обладаютъ душой, о чемъ свидѣтельствуетъ уже самое латинское слово, означающее „животное",—*animal* (отъ *anima*—душа); но у людей, лишенныхъ душевной жизни, потому что все ихъ существо, такъ сказать, растворилось безъ остатка во внѣшней, чувственной дѣятельности,—у такихъ людей отсутствуетъ интуиція. Общеніе между такими бездушными существами можетъ быть только внѣшнее; общеніе же между душами бываетъ внутреннимъ, духовнымъ, и при немъ все внѣшнее имѣетъ лишь второстепенное значеніе.

Когда гармонически сливаются два музыкальные тона, звучащіе въ унисонъ, то изъ нихъ образуется одинъ тонъ, хотя бы источники, изъ которыхъ они оба исходятъ, и находились на очень большомъ разстояніи другъ отъ друга. Точно также и двѣ одинаково настроенныя души взаимно понимаютъ другъ друга и разстояніе при этомъ не играетъ никакой роли. Мысль уносится вдаль быстрѣе электричества и паритъ хотя бы до самыхъ звѣздъ. Дѣйствіе мысли на разстояніи извѣстно всякому, у кого пробудилась внутренняя жизнь, и каждый можетъ убѣдиться въ дѣйствительности этого путемъ опыта, если только онъ обладаетъ чуткой душой. Приведемъ самый обыденный примѣръ: кому не случалось вдругъ, ни съ того ни съ сего, начать думать о какомъ-нибудь далеко уѣхавшемъ знакомомъ, о которомъ до того уже давно не приходилось вспоминать? И вотъ оказывается, что вскорѣ послѣ этого получается письмо отъ этого знакомаго, написанное именно тогда, когда мы объ немъ думали. Болѣе того, иногда уже заранѣе бываешь увѣренъ въ томъ, что отъ него получишь письмо и даже предвидишь, каково будетъ его содержаніе. Что бываютъ предчувствія—это столь же несомнѣнно, какъ и то, что существуетъ интуиція. То, что предчувствія иногда вводятъ въ заблужденіе, доказываетъ лишь, что мы несовершенно воспринимаемъ доходящія до насъ вибраціи. Человѣкъ, отрицающій это, поступаетъ столь же неразумно, какъ тотъ, кто вздумалъ бы от-

рицать существованіе какого-нибудь языка на томъ основаніи, что онъ его плохо понимаетъ.

Все существующее субстанціально; нѣчто, лишенное субстанціи, не могло бы обладать и существованіемъ и было бы немыслимо. И мысли также субстанціальны, хотя онѣ и состоятъ изъ вещества, болѣе утонченнаго, чѣмъ то, съ которымъ мы обыкновенно имѣемъ дѣло. Мы говоримъ о вибраціяхъ, о колебаніяхъ, но не можетъ быть колебаній безъ чего-нибудь, что колеблется. Вся вселенная есть субстанція, и безъ этой послѣдней міръ обратился бы въ ничто. Мы не создаемъ сами звѣздъ, сіяющихъ на небѣ, мы лишь видимъ ихъ. Мы не создаемъ и идей, а лишь воспринимаемъ ихъ и отливаемъ ихъ въ новыя формы. Мысли „приходятъ на умъ", и мы не знаемъ, откуда онѣ являются. Часто онѣ оказываются непрошенными гостями, отъ которыхъ не знаешь какъ бы отдѣлаться. Мы не знаемъ точно также и того, куда уносятся мысли, посылаемыя нами вдаль, и кому онѣ „придутъ на умъ". Такъ одинъ человѣкъ живетъ въ мысляхъ другого, получаетъ отъ него мысли и самъ передаетъ свои мысли другимъ, хотя бы онъ не зналъ ничего о дѣйствіи мысли на разстояніи.

Слѣпой, къ которому обратится на улицѣ незнакомый ему человѣкъ, не знаетъ, кто съ нимъ разговариваетъ и кому онъ отвѣчаетъ; но если съ нимъ заговоритъ знакомый, то онъ можетъ узнать его по звуку его голоса. Точно такъ же, пока мы слѣпы духовно, намъ трудно бываетъ опредѣлить, изъ какого источника исходятъ доносящіяся до насъ издалека волны мысли и чувства, вліяющія на насъ; но иногда наше чувство можетъ подсказать намъ, гдѣ надо искать этотъ источникъ. Ибо всякая мысль, доходящая до насъ, представляетъ собой какъ бы часть той личности, отъ которой она исходитъ, и носитъ на себѣ отпечатокъ характера этого лица. Вліяющая на насъ издалека мысль друга вызываетъ въ насъ воспоминаніе о немъ, а вмѣстѣ съ этимъ воспоминаніемъ въ нашемъ воображеніи возстаетъ и образъ друга. Это вліяніе можетъ быть настолько сильно, что мы увидимъ того, кто интенсивно думаетъ объ насъ, какъ бы въ дѣйствительности, тѣлесно стоящимъ передъ нами. Въ подобныхъ случаяхъ видимый нами образъ есть созданіе нашей собственной силы представленія, возбужденной полученнымъ нами впечатлѣніемъ, и мы видимъ являющееся намъ лицо именно такимъ, каковъ сохранившійся въ нашей памяти образъ его.

Впрочемъ въ иныхъ случаяхъ видимый нами образъ можетъ соотвѣтствовать и дѣйствительному облику нашего друга, каковъ

онъ въ данное время, а не тому образу его, который мы хранимъ въ памяти; потому что, какъ сказано, мысль, оживотворенная волей даннаго лица, есть какъ бы часть его самого со всѣми его характерными качествами, и эти послѣднія выражаются въ формахъ, соотвѣтствующихъ характеру даннаго лица. Пока у человѣка не пробудилось духовное самосознаніе и, соотвѣтственно этому, не развились и способности духовнаго воспріятія, ему не всегда будетъ легко при такихъ фантазмахъ провести различіе между продуктами активнаго и пассивнаго представленія; но и въ этихъ случаяхъ чувство оказывается гораздо болѣе надежнымъ руководителемъ, чѣмъ зрѣніе. Ощущаемыя нами психическія вліянія, исходящія отъ людей со злой волей, ложатся на нашу душу какъ бы тяжелымъ бременемъ; наоборотъ, вліянія, исходящія отъ людей благороднаго настроенія и исполненныхъ чувства любви, вызываютъ въ насъ душевный подъемъ, а душевное соприкосновеніе съ лицомъ духовно просвѣтленнымъ вліяетъ подобно солнечному свѣту и нерѣдко оставляетъ за собой на цѣлые дни чувство счастья и блаженства.

Точно также и въ томъ случаѣ, когда мы желаемъ установить духовное общеніе съ другомъ, находящимся въ разлукѣ съ нами, чтобы имѣть возможность обмѣниваться съ нимъ мыслями, гораздо болѣе важную роль играетъ чувство, чѣмъ представленіе.

Черезъ любовь два человѣка какъ бы соединяются такимъ образомъ, что одинъ принимаетъ участіе въ ощущеніяхъ и представленіяхъ другого. Какъ сказано въ Бхагавадъ-Гитѣ: „Тотъ, кто любитъ какое-либо существо всѣмъ своимъ сердцемъ и думаетъ о немъ, тотъ проникаетъ въ природу этого существа, каково бы оно ни было“. Черезъ эту силу любви совершается и воплощеніе Бога въ человѣкѣ, и черезъ нее человѣкъ можетъ соединиться со своимъ внутреннимъ Богомъ. Тѣмъ болѣе понятно, что черезъ посредство силы любви можетъ осуществляться общеніе съ людьми, съ которыми мы разлучены пространствомъ.

Въ наше намѣреніе не входитъ испещрять эти страницы длинными цитатами. Вся такъ называемая „метафизическая“ *) и спиритическая литература полна примѣрами явленій двойниковъ живыхъ людей, куда относятся также и случаи видѣнія двойниковъ лицъ, являвшихся въ моментъ своей смерти находившимся вдали отъ

*) На нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ это слово часто употребляется въ особомъ значеніи, почти какъ синонимъ термина „оккультическій“.

Прим. перев.

нихъ друзьямъ или родственникамъ. Въ біографіи Е. П. Блаватской описываются подобные случаи явленія двойниковъ живыхъ адептовъ, а Э. Герней, Майерсъ и др. научно изслѣдовали явленія „фантазмовъ живыхъ людей“ и т. п. факты. Да впрочемъ едва ли найдется много мыслящихъ людей, въ семьяхъ которыхъ не было бы случаевъ подобныхъ явленій.

Общеніе съ духами живыхъ людей или, точнѣе выражаясь, душевное общеніе между людьми такимъ образомъ не только не представляетъ собой чего то невѣроятнаго, а является повседневнымъ фактомъ. Всюду душа говоритъ съ душой, хотя языкъ ея и не всегда понимается; между всѣми мыслящими существами происходитъ непосредственный обмѣнъ мыслями, будь то сознательно или безсознательно. Изъ чувства возникаетъ мысль, а изъ мысли, доходящей до нашего сердца, образуется слово. Двое или болѣе лицъ, сильно охваченныхъ однимъ и тѣмъ же чувствомъ, бываютъ вмѣстѣ съ тѣмъ проникнуты и одной и той же мыслью, которую всѣ они и выражаютъ приблизительно одинаково. Отсюда дружные взрывы аплодисментовъ въ театрѣ, воинственные клики при нападеніи на враговъ и т. п. Хорошій ораторъ вліяетъ на слушателей гораздо болѣе силой тѣхъ чувствъ, которыя онъ въ нихъ пробуждаетъ, чѣмъ посредствомъ хорошо обдуманныхъ аргументовъ, которые все равно оказываются совершенно безсильными, когда противъ нихъ возмущается чувство. Въ подобныхъ случаяхъ одинъ духъ вліяетъ на другого, одна душа говоритъ съ другой, и потому ораторъ прежде всего самъ долженъ обладать духомъ и душой. Разсудочные аргументы не проникаютъ дальше мозга. То же, что сказано отъ души, отъ всего сердца, то доходитъ до сердца. Ораторъ, которому приходится заучивать свою рѣчь наизустъ или обдумывать то, что ему надо сказать, будетъ имѣть мало успѣха. То истинное, что чувствуетъ ораторъ, высказывается само собой, безъ долгихъ предварительныхъ размышленій; ложь же узнается по тому, что выраженіе ея носитъ характеръ дѣланности, вымученности.

Одна душа соединяется съ другой чрезъ посредство чувства; одинъ духъ входитъ въ общеніе съ другимъ чрезъ посредство разсудка. Хорошій актеръ своей мыслью и чувствомъ входитъ въ ту роль, которую онъ играетъ; онъ чувствуетъ себя тѣмъ лицомъ, которое онъ изображаетъ. Если я способенъ вполнѣ проникнуть въ духъ, ощущенія и образъ мыслей другого человѣка, будь то живого или умершаго, то я буду въ состояніи и чувствовать, и думать точно такъ же, какъ онъ. Если я, такимъ образомъ, какъ

бы вселяюся въ духъ другого человѣка, то, наоборотъ, и его духъ вселяется въ меня, и я могу въ этомъ духѣ—или, что то же, этотъ духъ можетъ черезъ меня—писать или говорить точно такъ, какъ это дѣлало бы данное лицо; и я буду олицетворять этого человѣка тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ болѣе я проникнутъ его духомъ. Но духъ этотъ вовсе не есть какое то привидѣніе, и онъ не имѣетъ ничего общаго съ тѣлесной природой этого человѣка; вся суть здѣсь лишь въ ощущеніяхъ и мысляхъ, сходныхъ съ ощущеніями и мыслями этого лица и являющими собой характеръ, созданный этимъ самымъ лицомъ; но само данное лицо не сознаетъ при этомъ ничего изъ всего происходящаго. Это можно уподобить тому, какъ одно пламя зажигается отъ другого: свѣтъ, исходящій отъ второго пламени, такой же, какой исходитъ и отъ перваго, но самое пламя все же отлично отъ перваго. Такимъ образомъ духъ одного человѣка можетъ быть одержимъ духомъ другого безъ того, чтобы этотъ послѣдній желалъ этого или сознавалъ это; ибо этотъ одержащій духъ не есть само данное лицо, а лишь его созданіе, подобно тому какъ свѣтъ, исходящій отъ свѣчи, не есть еще сама эта свѣча. *)

Душу можно уподобить пламени, любовь—огню, духъ—свѣту. Въ этомъ послѣднемъ волнуется океанъ мыслей, и въ немъ во всѣхъ направленіяхъ струятся мысленныя теченія. Всякая мысль, посылаемая человѣкомъ, подобна свѣтовому лучу,—исходящему изъ источника свѣта и порой снова возвращающемуся къ нему; и притомъ всякая мысль носитъ на себѣ окраску и характеръ того лица, отъ котораго она исходитъ. То, что мы вообще еще нуждаемся во внѣшнихъ органахъ чувствъ для того, чтобы вступать въ общеніе другъ съ другомъ, есть лишь слѣдствіе нашего несовершенства, лишь слѣдствіе того, что мы еще слѣпы и глухи и черезчуръ нечувствительны къ духовнымъ вліяніямъ и что мы живемъ въ своемъ грубо-матеріальномъ тѣлѣ какъ бы въ какомъ-то полусонномъ состояніи. Когда же наступитъ для насъ часъ духовнаго пробужденія, то въ насъ проявится и дѣятельность высшихъ способностей воспріятія.

---

*) Оккультистамъ извѣстны случаи одержимости въ еще болѣе буквальномъ и, если можно такъ выразиться, матеріалистическомъ значеніи этого слова, и существованія подобныхъ фактовъ, навѣрно, не сталъ бы отрицать и самъ авторъ этой брошюры. Но, къ счастью, подобныя явленіяна столько рѣдки и исключительны, что все сказанное здѣсь авторомъ вполнѣ сохраняетъ значеніе, какъ покрывающее большинство доступныхъ наблюденію фактовъ.

Прим. перев.

Но хотя мы теперь еще плохо различаемъ вліянія, доходящія до насъ изъ духовнаго міра, тѣмъ не менѣе вліянія эти оказываютъ на насъ свое дѣйствіе, хотя бы мы даже и не сознавали этого. Поверхностныя мысли и безпочвенныя грезы обладаютъ лишь незначительной силой вліянія на разстояніи, но всякая мысль, исходящая изъ сердца, есть какъ бы существо, одушевленное волей лица, пославшаго ее; она какъ бы носитъ въ себѣ фотографическій снимокъ лица, создавшаго ее, и, смотря по своимъ свойствамъ, несетъ съ собой всякому, подвергающемуся ея вліянію, или благословеніе или проклятіе. Такимъ образомъ люди своимъ хотѣніемъ и мышленіемъ создаютъ какъ ангеловъ, такъ бѣсовъ, и посылаютъ ихъ, какъ вѣрныхъ вѣстниковъ, къ тѣмъ, на кого направлены ихъ мысли и чувства. Такіе силы и образы вліяютъ на людей и нарушаютъ ихъ душевное спокойствіе. Человѣкъ, хотя и не видитъ ихъ, все же ощущаетъ ихъ вліяніе; но духовно пробужденный и ясновидящій человѣкъ можетъ также видѣть и распознавать подобныя мысленныя формы, потому что внѣшнее ихъ проявленіе соотвѣтствуетъ ихъ внутренней сущности. Благословеніе, посылаемое любящей матерью находящемуся въ разлукѣ съ ней ребенку, представляется въ видѣ существа неземной красоты, подобнаго ангелу-хранителю, оберегающему ребенка и внушающему ему добрыя мысли. Проклятіе угнетеннаго можетъ преслѣдовать угнетателя на всѣхъ его жизненныхъ путяхъ и прилѣпиться къ нему, словно злой духъ; оно можетъ даже довести человѣка до отчаянія и подтолкнуть на самоубійство.

Посланная вдаль интенсивная мысль можетъ не только вызвать появленіе образа, видимаго ясновидящему, а даже передать звуки голоса пославшаго мысль лица, подобно тому, какъ передается звукъ при разговорѣ по телефону. Болѣе того: при этомъ можетъ даже произойти нѣчто въ родѣ фотографированія на разстояніи, такъ что полная картина той обстановки, въ которой находится отсылающій мысль, передастся воспринимающему лицу и вызоветъ въ умѣ его соотвѣтствующее представленіе.

Мысль, отсылаемая человѣкомъ, представляетъ собой часть его самого. Когда мы мысленно переносимся въ какое-нибудь мѣсто, то часть нашей душевной силы уже находится тамъ. Поэтому постоянная погоня за „развлеченіями“, за тѣмъ, чтобы „разсѣяться“, ослабляетъ насъ, тогда какъ внутренняя собранность и сосредоточенность, наоборотъ, увеличиваютъ наши силы. Если человѣкъ, которому предстоитъ пройти пѣшкомъ большое

разстояніе, постоянно будетъ во время пути думать съ нетерпѣніемъ о томъ мѣстѣ, куда онъ спѣшитъ, то онъ гораздо раньше устанетъ, чѣмъ если онъ будетъ итти спокойно, не заботясь о томъ, далеко ли ему еще до мѣста назначенія. Въ первомъ случаѣ часть его душевнаго существа уже находится въ томъ мѣстѣ, куда онъ идетъ, и какъ бы съ трудомъ тащитъ за собой отставшую матеріальную его часть; во второмъ же случаѣ всѣ его силы собраны во едино. Возьмемъ другой примѣръ: мы заглядываемъ въ пропасть, бездна притягиваетъ насъ, и мы мысленно погружаемся въ нее; тогда и часть нашего существа, оставшаяся наверху и связанная съ тѣломъ, ослабляется, испытываетъ головокруженіе и устремляется въ пропасть вслѣдъ за ранѣе устремившейся туда частью. Подобныя же причины вызываютъ и симптомъ морской болѣзни, и вѣрнѣйшимъ средствомъ противъ подобнаго рода явленій слѣдуетъ признать внутреннюю собранность, непоколебимое рѣшеніе не утратить самосознанія, какъ выраженія единства нашей индивидуальности; съ такимъ твердымъ рѣшеніемъ не въ состояніи бываетъ справиться и гипнотизеръ. При всѣхъ явленіяхъ, подобныхъ вышеупомянутымъ, играютъ роль не только тѣ или иныя теченія въ мысленной атмосферѣ, но и наше „астральное тѣло“ или „тѣло сновидѣній“, состоящее изъ матеріи болѣе уплотненной, чѣмъ вещество мысли, но болѣе утонченной, чѣмъ вещество нашего видимаго тѣла. Это астральное тѣло находится въ тѣснѣйшей связи съ эфирнымъ тѣломъ („линга шарира“), являющимся носителемъ жизненной силы, и потому вполнѣ понятно, что чѣмъ болѣе наши мысли блуждаютъ вдали, чѣмъ болѣе мы живемъ, такъ сказать, внѣ себя, тѣмъ болѣе потокъ нашего мышленія тянетъ за собой астральную и эфирную матерію нашихъ тонкихъ тѣлъ и тѣмъ болѣе ослабляется наше физическое тѣло. Грубо-матеріальное, видимое тѣло не можетъ поспѣвать за полетомъ мысли, но астральныя и эфирныя вибраціи слѣдуютъ за ней. Когда во время сна освобождается астральное тѣло, то оно можетъ слѣдовать за мыслью, и потому, когда мы спимъ, мы можемъ посѣщать, пользуясь этимъ „тѣломъ сновидѣній“, отдаленныя мѣстности и даже сохранять воспоминаніе о видѣнномъ при возвращеніи въ физическое тѣло. Это тѣло сновидѣній можетъ также являться въ мѣстахъ, далеко отстоящихъ отъ мѣстонахожденія физическаго тѣла, въ видѣ, такъ называемаго, двойника *).

---

*) Въ видѣ иллюстраціи можно привести одинъ случай, подробно описанный Адольфомъ д'Асье (D'Assies) въ его сочиненіи „L'humanité posthume“. Одну даму,

Это можетъ произойти сознательно или безсознательно. Носителемъ нашего сознанія въ бодрственномъ состояніи является физическое тѣло, во время же сна сознаніе переносится въ тѣло астральное. Если мы способны, будучи въ бодрственномъ состояніи, перенести свое сознаніе въ астральное тѣло или въ еще болѣе утонченное тѣло мысли, то мы тѣмъ самымъ пріобрѣтаемъ способность духовно переноситься туда, куда устремляется наша мысль, получать тамъ воспріятія и производить тѣ или иныя дѣйствія. Степень ясности нашихъ воспріятій въ такомъ случаѣ будетъ зависѣть отъ степени развитія нашей духовной организаціи, подобно тому, какъ и то, какъ мы пользуемся своими внѣшними чувствами, находится въ зависимости отъ состоянія нашихъ тѣлесныхъ органовъ чувствъ.

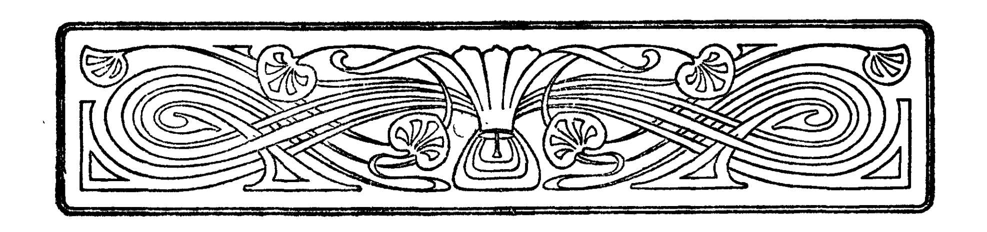
Но здѣсь невозможно останавливаться подробнѣе на этой интересной области естествознанія; необходимо лишь указать здѣсь, что всѣ мы по внутренней своей природѣ—существа духовныя, и что между живыми людьми существуетъ постоянное духовное общеніе. Въ большинствѣ случаевъ общеніе это происходитъ безсознательно, какъ бы во снѣ, потому что и сами мы еще живемъ словно во снѣ, будучи всецѣло поглощены впечатлѣніями внѣшняго міра, и въ насъ еще не пробудилось истинное духовное самосознаніе. Когда же оно пробудится, благодаря чему мы вступимъ въ высшую духовную сферу сознанія, ни мало не теряя при этомъ почвы подъ своими ногами, т. е. не отрываясь отъ міра матеріальнаго, то и это духовное общеніе сдѣлается сознательнымъ и разумнымъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Пер. **Д. Странденъ.**

живщую въ пансіонѣ, всѣ обитатели его не разъ видѣли одновременно въ двухъ различныхъ мѣстахъ. Такъ, напримѣръ, въ то время, какъ ея физическое тѣло находилось въ комнатѣ, ея двойникъ появлялся въ саду. Чѣмъ явственнѣе былъ виденъ этотъ двойникъ, тѣмъ болѣе ослабѣвалъ ея физическій организмъ, а вмѣстѣ съ исчезновеніемъ ея астральнаго тѣла возвращались къ ней вполнѣ ея физическія силы. Много подобныхъ примѣровъ можно найти также и въ жизнеописаніяхъ святыхъ. Все это кажется смѣшнымъ людямъ несвѣдущимъ, но все это вполнѣ понятно тому, кто знакомъ со сложнымъ составомъ человѣческаго существа.

Символизмъ и метафизика.

(Опытъ истолкованія прелюдіи Лоэнгрина*).

Ф. Варрена (Fr. Warrain *).

Нашъ умъ воспринимаетъ идеи, то логически связывая отвлеченныя понятія (словесныя или письменныя), то посредствомъ выраженныхъ, или воображаемыхъ, видимыхъ, или слышимыхъ опредѣленныхъ образовъ, чаще же всего идеи воспринимаются черезъ явленія.

Знаніе бываетъ то умозаключительное, точное, то интуитивное, основанное на вѣрѣ,—сущность идеи ускользаетъ отъ насъ, но мы непосредственно улавливаемъ ея результатъ. Для совершен-

---

Помѣщенный въ прошломъ номерѣ „Вѣстника Теософіи" очеркъ подъ заглавіемъ „Рихардъ Вагнеръ по Эдуарду Шюре и легенды о Святомъ Граалѣ" является предисловіемъ къ настоящему переводу статьи Франциска Варрена. Художественно-мистическое изложеніе Эдуардомъ Шюре прелюдіи Лоэнгрина можетъ быть сравниваемо съ изложеніемъ этой же прелюдіи Францискомъ Варреномъ; подробно разбираемое имъ музыкальное содержаніе ея въ связи съ тембрами и регистрами инструментовъ, съ высотами звуковъ и ея ритмическими рисунками ея мелодій, изображаетъ въ ярко-красочныхъ образахъ міросозерцаніе автора этой замѣчательной статьи.

Прим. переводчика,

*) Ф. Варренъ напоминаетъ намъ Леонардо де-Винчи. Онъ въ одно и то же время артистъ и ученый. Онъ выказалъ себя очень сильнымъ математикомъ въ двухъ цѣнныхъ сочиненіяхъ: „*Конкретный синтезъ*" и „*Пространство*". „*Конкретный синтезъ*" представляетъ изъ себя работу надъ природой жизни, съ приложеніемъ объясненія закона Вронскаго и сравненіемъ его съ Сефиротами. Эта работа теперь должна быть уже окончена авторомъ. „*Пространство*" погружаетъ насъ въ область метафизики, открывая намъ удивительныя философскія обозрѣнія, передъ которыми мысль останавливается въ изумленіи, пораженная столь глубокой, сверхчувственной наукой. Fr. Warrain кромѣ того напечаталъ нѣсколько статей въ „La Revue philosophique" по вопросамъ искусства.

Прим. ред. „Annales theosophiques" 1909 г. № 3.

наго знанія требовалось бы полное сляніе познанія и интуиціи; тогда познавать и чувствовать было бы одно и то же, душевныя движенія были бы совершенно понятны, а мысль чувствовалась бы какъ опредѣленная реальность. Такая полнота соотвѣтствуетъ воспріятію „Сущности“ (l'Essence), т. е. различаемаго единства, создавшагося необходимыми условіями, достаточными для того, чтобы опредѣлить извѣстный родъ существованія единства, состоящаго изъ конкретной идентичности дѣйствующей причины и ея конечнаго результата; но въ дѣйствительности „Сущность“ недоступна ни воображенію въ явленіи, ни пониманію, и стремленіе познать ее есть лишь стремленіе къ идеальной цѣли. Надѣясь достигнуть до нея, мы стараемся уловить вещи и пониманіемъ и интуитивно, мы стараемся понять и почувствовать ихъ.

Понять идею, почувствовать и передать ее какъ явленіе значитъ создавать символизмъ. Уловить ее въ явленіяхъ интуитивно и понять ее,—значитъ творить метафизику. Символизмъ и метафизика взаимно связаны интуиціей и познаваніемъ. Интуитивно уловить идею какъ явленіе воображаемое, или дѣйствительное, значитъ создавать произведеніе искусства. Понять же идею и выразить ее логически (путемъ разсужденій), значитъ преподать науку. Искусство и наука, по крайней мѣрѣ по сколько они отдѣлены отъ символизма и метафизики, не осуществляютъ связи между интуиціей и познаваніемъ, они даютъ менѣе полное понятіе о своемъ предметѣ, хотя этотъ предметъ и болѣе опредѣлененъ.

Символизмъ измѣряетъ идею, но идею, сдѣлавшуюся ясной человѣческому пониманію. Метафизическій принципъ достаточно ясно опредѣляетъ понятія, но въ мѣрѣ того, что человѣкъ постигаетъ изъ этихъ понятій.

Научный законъ безсознательно метафизиченъ: доводы его за предѣлами дѣйствительнаго знанія. Произведеніе искусства безсознательно символично, выраженная имъ идея превышаетъ наше пониманіе. Но, косвеннымъ путемъ, мы можемъ пытаться отыскивать метафизическую основу научныхъ законовъ и находить скрытый символизмъ въ произведеніяхъ искусства. Для этого, дѣлая метафизическіе выводы, мы не заботимся о ихъ дѣйствительномъ примѣненіи и мы развиваемъ символическія дѣйствія, не придавая имъ окончательнаго значенія. Мысль тогда работаетъ—казалось бы—въ пустую, но работа эта далеко не безплодна и въ дѣйствительности этотъ символизмъ, который не соотвѣтствуетъ никакой извѣстной намъ реальности, внезапно пробуждаетъ въ

насъ интуицію, приложимую къ научнымъ законамъ (напр. механическое объясненіе физическихъ явленій, геометрическое образованіе молекулярныхъ строеній и т. д.) и такимъ образомъ символизмъ придаетъ научному знанію интуитивную форму, которой ему не доставало. Независимая же метафизика внезапно даетъ выводы имѣющіе свое естественное, опредѣленное основаніе въ произведеніяхъ искусства и въ явленіяхъ природы. И тогда природа и искусство получаютъ раціональное значеніе самопроизвольной гармоніи, въ наукѣ и въ искусствѣ происходитъ взаимная смѣна интуиціи и познаванія, необходимая, чтобы придать каждой изъ этихъ степеней нашего знанія наивозможную полноту. Въ одной изъ своихъ работъ [1]) я пытался посредствомъ символики найти метафизическую связь и причину нѣкоторыхъ замѣчательныхъ геометрическихъ соотношеній, считающихся наукой за обыкновенные логическіе выводы, здѣсь же я стараюсь посредствомъ метафизики объяснить идею, выраженную интуитивно въ одномъ изъ прекраснѣйшихъ произведеній искусства, въ прелюдіи Лоэнгрина.

Оставляю избранную Вагнеромъ тему этой музыкальной страницы, легенду о Титурелѣ, получающемъ отъ ангеловъ Святой Грааль. Это сказаніе имѣетъ глубочайшій символическій смыслъ. Объясняя одинъ символъ другимъ, мы переходимъ отъ интуиціи музыкальной къ интуиціи слова; это не есть прямая цѣль работы, но простой примѣръ того, что идея выражается какъ и въ сказаніи, такъ и въ звукахъ музыки; примѣръ этотъ долженъ содѣйствовать нашему пониманію, хотя и помимо него мы можемъ приступить къ освѣщенію одной изъ прекраснѣйшихъ симфоній.

Въ своемъ двойномъ аспектѣ чистой идеи и чистой формы, сущность сначала простирается, неизмѣнная на всей высотѣ постижимаго, до высшаго единства [2]).

---

[1]) „Пространство“ F. Warrain 1907 г.

[2]) *La* мажорный аккордъ въ широкомъ расположеніи, въ положеніи квинты (т. е. въ состояніи проникновенія) лежитъ въ двухъ самыхъ высокихъ октавахъ; его исполняютъ *скрипки* (идея, постижимость, внятность). *Флейты* (движеніе точное, опредѣленное, по окружности круга). *Гобой* (точное движеніе проникновенія). Скрипки раздѣляются *на tutti* (идея цѣльности), занимаютъ основаніе аккорда (поле мысли) и *на solo*, которое звучитъ вверху, аккордомъ гармоническихъ тоновъ (неосязаемое единство въ идеѣ). *Solo* вступаютъ послѣдними и продолжаютъ звучать, когда *tutti* замолкаютъ. Это точка соприкосновенія съ безконечностью. *Tutti* флейтъ, гобоевъ и скрипокъ переплетаются. *Флейты* исполняютъ терцію и квинту (активность, совершающая связующую функцію). *Гобои* находятся въ тоникѣ и квинтѣ (дѣйствіе въ связи съ своей точкой опоры), *скрипки solo* парятъ надъ дѣйствіемъ.

Потомъ сущность проявляется во времени, какъ бы спускающимся полетомъ; внезапными порывами, сначала сдержанными, смягченными, замедленными, она разростается вокругъ своего основного глагола [1]), опредѣляющагося двумя коренными началами: причиной и дѣятельностью [2])*; затѣмъ, въ то время какъ полнота сущности остается въ высшихъ сферахъ, ея элементъ единства спускается до самыхъ нижнихъ ступеней этой области, какъ бы для того, чтобы оживить *Матерію*; потомъ быстро возвращается въ свою обитель по всѣмъ уже пройденнымъ ступенямъ, затѣмъ склоняется опять, оріентируясь въ менѣе высокой области, но уже замедлившись, запечатлѣвшись относительной раздѣльностью, потомъ устремившись еще разъ ввысь, какъ бы для того, чтобы очиститься, опять спускается, но уже во всей своей полнотѣ, сначала паря медленно и наконецъ быстро падая въ нѣдра чувственнаго [3]); тогда

---

[1]) Аккордъ замолкаетъ, мотивъ, исполняемый однѣми *скрипками tutti* въ октаву, смягчается. Мотивъ состоитъ изъ: 1) основной темы (выраженіе принципа) и изъ двухъ ритмическихъ восходящихъ элементовъ, одного хода, занимающаго 2/3 такта (соотношеніе контрастовъ) *maximum* и *minimum* послѣдовательныхъ и одновременныхъ) 2) изъ развитія мотива въ предложеніи, состоящаго изъ шести тактовъ, созидающихъ полноту ритма. Нисходящіе ритмическіе элементы, которые входятъ въ разработку, составляются задержаніемъ основной ноты. Ритмическій элементъ главной темы заключается въ предъемѣ, занимающемъ 1/16 такта (*единственный*, предшествующій вступленію). Характеръ этого пріема встрѣчается опять въ нисходящихъ движеніяхъ, которые повторяются; они подобны быстрому взмаху крыльевъ. При повтореніи мотива на нижнихъ октавахъ, предъемъ ограничивается до 1/4 такта, но это замедленіе ни разу не происходитъ въ главной темѣ, которая все время остается неприкосновенной. Нисходящіе ритмическіе элементы, которые входятъ въ разработку, состоятъ изъ содержанія верхней ноты и изъ хода тріолями, начинающагося съ синкопы (характеръ женственности, безпомощности).

[2]) Главная тема: (Mi↗la↘Mi↗fa diese↘mi) сначала подъемъ квинты, потомъ сексты отъ тоники (la) каждый разъ разрѣшается въ квинту. Здѣсь дѣятельность (квинта) ниже своего источника, она поднимается къ нему, чтобы пропитаться имъ; секста, идущая вверхъ, выражаетъ достиженіе цѣли; здѣсь, обращенная, она звучитъ внизу минорной терціей и выражаетъ снисхожденіе принципа дѣйствія по отношенію къ воспріимчивости. Развитіе мотива основано на этихъ трехъ интервалахъ. Въ немъ постепенно появляются и другія ступени: терція (связь основъ) появляется послѣднею.

*) Теорія Шарля Анри (Charles Henry): Psychophisique et Energitique и въ „хроматическомъ кругѣ".

[3]) *Переходъ ко второму повторенію мотива. Solo* внезапно переносятся въ унисонъ къ верхней части *tutti* на сексту (fa dies4) и поднимается арпеджіо шестнадцатыми, потомъ синкопами спускается на *Si* и восходитъ гаммою *Mi*, связаннымъ стокатто до первой тоники (La), признакъ впечатлѣнія непрерывности и приспособленія къ сосѣднему тону, къ которому направлена активность. Въ это время верхняя часть *tutti* образуетъ какъ бы верхнюю основу, тогда какъ осталь-

оживленный элементъ во всемъ расцвѣтѣ переливающихся чувствъ своихъ воспѣваетъ сущность и она проникается имъ съ пламенной любовью и воспринимаетъ его и „постижимое“ (l'intelligible), какъ бы радуясь возможности начертать форму, звучитъ надъ ней ликующими возгласами, радостно пролагая себѣ пути въ изгибахъ тайниковъ души [1]).

Тогда *чувство* повторяетъ глаголъ идеи, окрашивая его меланхоличною, пассивною нѣжностью; желаніе его, какъ бы недостаточно удовлетворенное, вопрошаетъ вновь и тогда идея, въ радости своей, снисходитъ и завершаетъ его; потомъ, въ тѣсной связи, чувство и идея спускаются въ тревожную область эмоцій [2]), и тогда глаголъ сущности воспринимается голосомъ инстинктовъ; его сопровождаетъ темный сонмъ глухихъ эмоцій, а вокругъ него переливается сентиментальная гармонія [3]) и какъ раньше, но съ болѣе глубокой радостью, сущность приспособляется къ этой новой средѣ: но матерія пробуждается и теперь это она сдержанно, но могущественно призываетъ идею и идея является къ ней и

ныя его части поддерживаютъ быстрымъ *tremolo* общій нижній уровень основы. Затѣмъ *Solo*, поднявшись на верхнюю сексту, соединяются съ общимъ *tutti*, которое спускается и входитъ въ новый тонъ, постепенно ускоряющимся ритмомъ образуя хроматическія ступени, въ которыхъ повторяется мотивъ.

[1]) Мотивъ перенесенъ въ тонъ первоначальной квинты (*Mi*) октавой ниже (выражающей какъ бы промежуточную площадь между двумя основными планами). Этотъ разъ мотивъ исполняется флейтами и деревянными духовыми (инструменты, характеръ которыхъ выражаетъ сознательное умиленіе, тогда какъ струнные инструменты скорѣе выражаютъ первоначальное чувство идеи). Теперь гармонія разнообразнѣе и богаче, и то, что идея теряетъ въ чистотѣ, она выигрываетъ въ колоритѣ. Въ это время струнные инструменты исполняютъ ходы въ этой средней области ниже первыхъ скрипокъ, которыя рисуютъ узоръ верхней октавы.

[2]) *Иммитація Мотива.* Тѣ же инструменты начинаютъ исполнять иммитацію той же темы, модулирующей въ *Ré* миноръ, окружая групетто скрипокъ: *гобой* продолжаетъ фразу, какъ бы въ видѣ вопроса, два раза обращеннаго къ скрипкамъ; въ это время остальные струнные съ легкостью продолжаютъ рисовать тему, увлекая ее все къ болѣе и болѣе низкимъ октавамъ; потомъ деревянные духовые присоединяются и спускаются со скрипками отъ *Mi* къ первоначальной тоникѣ *La*, для того, чтобы въ третій разъ повторить мотивъ.

[3]) *Мотивъ появляется вновь въ первоначальномъ тонѣ,* вырисовываясь въ *альтахъ* и *віолончеляхъ*, какъ бы потому, что здѣсь идеѣ нужно было очень точно запечатлѣться среди звуковъ волторнъ, которыя перенимаютъ мотивъ съ его основной гармоніей (звуки волторны несомнѣнно передаютъ голосъ глубокаго, смущеннаго невѣдѣнія), они окружены фаготами, которые какъ бы передаютъ глухіе отзвуки глубокихъ органическихъ свойствъ. Въ это время деревянные духовые трогательными прикосновеніями опредѣляютъ и вырисовываютъ свою область, а скрипки продолжаютъ создавать украшеніе надъ ними.

осѣняетъ ее [1]). Теперь, сосредоточивая вокругъ матеріи иррадіацію формъ, голосъ причины (le verbe principe) слышится въ сердцѣ энергіи матеріи и, звуча во всемъ своемъ могуществѣ, потрясая ее до основанія, онъ увлекаетъ ее. И идея, быстро вибрируя на всѣхъ планахъ, сверкаетъ молніей. Въ центрѣ высшаго сочетанія озаряется безпредѣльность. Завершеніе въ центрѣ матеріи важнѣйшей формы, страшно мощной и нѣжной, подтверждается ея голосами и всѣ оживотворенныя свойства вторятъ ей [2]). Затуманившаяся идея теперь опять спускается изъ своихъ неизъяснимыхъ высотъ, въ сопровожденіи гармоній души; она снисходительно замедляется въ модуляціяхъ голосовъ, противоположныхъ ея высотамъ, и, сладко нѣжась и изгибаясь въ нихъ, она вкушаетъ внутреннюю радость совершившагося объединенія. И тогда, когда матерія, успокоенная формой, засыпаетъ,—непорочная идея рождаетъ свой принципъ и исчезаетъ въ безконечности [3]).

---

[3]) *Повтореніе предыдущей иммитаціи инструментами;* вопрошающій призывъ переходитъ къ *тромбонамъ*, ихъ сопровождаетъ *туба*. *Фаготы* удваиваютъ волнообразные ходы струнныхъ инструментовъ, также какъ раньше флейты удваивали групетто скрипокъ.

[1]) На этотъ разъ мотивъ появляется въ *Ré*, т. е. въ тонѣ чистой кварты отъ основного (ступень, выражающая основное положеніе вещей; кромѣ того тонъ *Ré* есть центральный—тонъ уравновѣшенности), онъ исполняется трубами въ сопровожденіи тромбоновъ, тубы и звенящихъ, содрогающихся звуковъ тарелокъ (piatti). Всѣ деревянные духовые направляютъ модуляцію къ аккорду *Ré* и замолкаютъ. Скрипки сначала спускаются, потомъ поднимаются къ верхней квинтѣ, другіе же струнные вибрируютъ быстрымъ *tremolo* на всѣхъ планахъ; въ то же время, группа мѣдныхъ, послѣ повторенія главной темы, замѣняетъ развитіе мотива быстрымъ ходомъ вверхъ, къ основному тону. Скрипки разрываютъ всю среднюю зону ритмическимъ, трехдольнымъ арпеджіо, а умолкнувшіе деревянные появляются въ аккордѣ *La*. При сверкающихъ, блестящихъ звукахъ тарелокъ, среди дрожащихъ раскатовъ литавръ, заключеніе мотива выражается могущественными нисходящими повтореніями и всѣ инструменты объединяются на низкомъ и высокомъ регистрѣ, закрѣпляя дважды повторяемое запечатлѣніе этого мелодическаго завершенія. Струнные умолкли, скрипки покидаютъ терцію, какъ бы освобождаясь отъ этого сосредоточенія, и подымаются къ самой высокой тоникѣ.

[2]) И оттуда онѣ спокойно спускаются, задерживаясь на терціи (возстановленіе центральнаго равновѣсія), потомъ на ея октавахъ, и возвращаются, волнуясь вокругъ средней квинты, и слагаются тамъ въ групетто. Потомъ, въ послѣдній разъ онѣ, путемъ гаммы, постепено успокаивающейся на тонахъ совершеннаго трезвучія, возвращаются къ нижней тоникѣ. Флейты слѣдовали за ними, до групетто, деревянные духовые окружили ихъ своей гармоніей, мѣдные подчеркивали аккордъ квинтой и тоникой, кларнеты и фаготы одни сопровождаютъ послѣднюю инволюцію струнныхъ до тоники.

[3]) Одни мѣдные тихо берутъ первоначальный аккордъ, потомъ, какъ вначалѣ, имъ помогаютъ кларнеты; послѣ этого скрипки *tutti* повторяютъ первоначальную тему, какъ бы указывая на то, что новый циклъ готовъ начаться и тогда скрипки *solo* исполняютъ финальный аккордъ на самой высотѣ.

Совершенно естественно, самопроизвольно и постепенно, безъ предвзятой мысли, изъ эмоціональности ослѣпительныхъ звуковыхъ впечатлѣній и вызванныхъ ими чувствъ выдѣляется чистая идеальность, выражаемая этой несравненной прелюдіей. Схваченная сначала интуитивно, идея выясняется сама собой.

Звуки, ритмическія движенія, тембры складываются въ ясную рѣчь, обращающую сухія метафизическія понятія въ живыя слова, превращающія отвлеченныя схемы ума въ прекрасныя формы.

Мнѣ хотѣлось проникнуть въ основы этой самопроизвольной связи между интуиціей и познаваніемъ, анализируя стихійную связь звуковъ, ритмовъ и тембровъ, ибо символическое значеніе этихъ элементовъ можетъ быть довольно точно опредѣлено отчасти интуитивно, съ помощью легко повторяемыхъ опытовъ, и въ широкой степени путемъ логическихъ разсужденій, при помощи аритмологической методы (методы, которая, быть можетъ, когда-нибудь дастъ дѣйствительно научную основу такому способу толкованія). Конечно никакая передача посредствомъ понятій не можетъ сравниться съ полнотой передачи самого эстетическаго произведенія во всей совокупности его, богатство котораго превосходитъ всякія коментаріи; но чѣмъ больше мы освобождаемся отъ частнаго факта, чѣмъ больше мы выражаемся метафизическими терминами, тѣмъ болѣе мы приближаемся къ сверхчувственному значенію лучезарной красоты, излучающейся изъ прекрасной музыки.

Этотъ метафизическій способъ толкованія искусства является параллелью къ объясненію научныхъ законовъ посредствомъ математическаго символизма. Все это временные способы примѣняться къ той дѣйствительности, которая существуетъ за предѣлами нашей ментальной эволюціи тѣмъ не менѣе они дѣйствительно цѣнны тѣмъ, что посредствомъ ихъ связь съ этой дѣйствительностью устанавливается сама собой сразу, безъ предвзятой мысли. Объективная цѣнность всего измѣряется въ сущности согласованіемъ результатовъ, получаемыхъ путями противоположными познаванію.

Эти самопроизвольныя соотношенія указываютъ на степень равновѣсія мысли въ ея способахъ познаванія, которые, не расширяя области нашего знанія, увеличиваютъ ея дѣйствительную цѣнность.

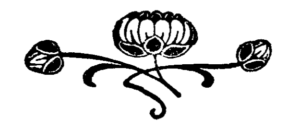
Возможность отыскать въ произведеніи искусства самопроизвольное метафизическое понятіе доказываетъ то, что оно отвѣ-

чаетъ извѣстному совершенному порядку физическихъ явленій, потому, что этимъ порядкомъ создается произведеніе искусства.

Находить въ эстетическихъ эмоціяхъ связь идей—означаетъ дѣлать сравненіе между ихъ раціональной цѣнностью и получаемыми впечатлѣніями, слѣдовательно сравнивать ихъ и съ произведеніемъ, создающимъ ихъ. Это значитъ подойти къ критеріуму опредѣленія вкуса, который Кантъ считалъ невозможнымъ опредѣлить.

Я не отрицаю несовершенства этого опыта, но извиненіемъ моей смѣлой попытки коснуться этого удивительнаго чуда человѣческой мысли (вкуса), служитъ горячее желаніе приподнять волшебную завѣсу, скрывающую его величавую прелесть.

Пер. **А. Унковская.**

Съ каждымъ выдыханіемъ Творца твореніе облекается во множество тѣлъ; съ каждымъ Твоимъ вдыханіемъ, все воплощенное возвращается въ Тебя.

Въ тѣлѣ духъ, въ духѣ правда.

Не важны ни каста, ни рожденіе; узнавайте гдѣ живетъ Правда. По дѣламъ человѣка опредѣляется его каста и рожденіе.

Въ полѣ Кармы человѣкъ жнетъ то, что посѣялъ.

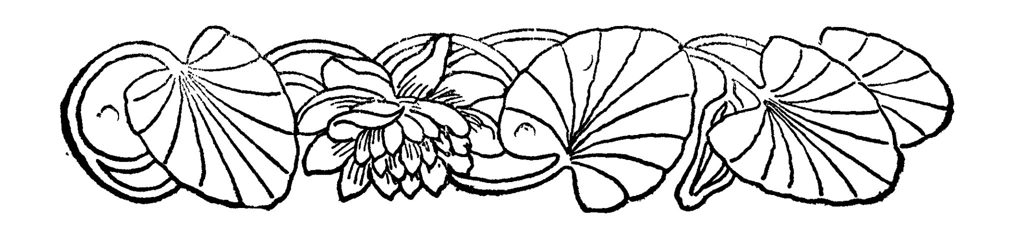
Не осуждай никого.

Подобно желѣзу, которое куется на наковальнѣ, чтобъ обрѣсти форму, темная Душа бросается въ различныя лона и должна странствовать, чтобы найти Путь Праведный.

Тотъ, кто не наводитъ страхъ на другихъ и не боится никого, того, Нанакъ, долженъ назвать Мудрецомъ.

О Нанакъ, познай истиннаго Гуру въ томъ, кто соединяетъ тебя со всѣмъ сущимъ.

(Изъ Св. Писаній Сикх'овъ; см. стр. 3).

Обозрѣніе Теософической Литературы.

„Adyar-Bulletin“ даетъ „Письмо Президента“, которое мы напечатали въ лѣтнемъ № „Вѣстника Теософіи“ и рѣчь А. Безантъ „О близкомъ будущемъ“.

Въ этой рѣчи А. Безантъ пламенно говоритъ о Мирѣ всего міра и зоветъ теософовъ къ работѣ пропаганды мира словомъ и дѣломъ. Она зоветъ также къ культурной дѣятельности, къ участію въ работѣ просвѣтительной и гуманитарной, во всѣхъ теченіяхъ, имѣющихъ цѣлью свѣтъ и объединеніе. Такой работой на благо всѣхъ мы подготовимся къ великой цивилизаціи грядущаго, нота которой будетъ любовь и содружная работа.

Статья Ч. Ледбитера „Сферы“ рисуетъ соотношеніе невидимыхъ міровъ. Астральный міръ проникаетъ собой весь физическій, но кромѣ того еще простирается значительно дальше, настолько, что во время полнолунія онъ соприкасается съ аурой луны. Ментальный планъ проникаетъ собой астральный и простирается настолько дальше его, насколько астральный превосходитъ физическій. Буддхическій планъ обнимаетъ собою всѣ планеты, такъ что всѣ буддхическія тѣла составляютъ какъ-бы одно; что касается до Нирваническаго плана, то онъ обнимаетъ собою всю солнечную систему.

„Theosophie Messenger“ (Американскій „Вѣстникъ Теософіи“) даетъ очеркъ Е. Северсъ о Св. Францискѣ Ассизкомъ, котораго авторъ опредѣляетъ какъ „практическаго мистика“. Выдающейся чертой этого подвижника была дѣятельная любовь къ міру: не о самоспасеніи мечталъ Св. Францискъ, а *о спасеніи всего міра.* Это настроеніе ярко отражается въ его поученіяхъ братьямъ. „Да будетъ съ любовью принятъ кто-бы ни пришелъ къ братьямъ, другъ или врагъ, воръ или разбойникъ“. Его послѣдователи въ гимнахъ воспѣвали благость и красоту Бога и, во время странствованій своихъ, пѣли какъ трубадуры. Они зарабатывали себѣ хлѣбъ физическимъ трудомъ и просили подаяніе только въ край-

ности. Они были бѣдны и всегда радостны. Когда однажды Св. Францискъ увидѣлъ мрачнаго монаха въ своей общинѣ, онъ сказалъ: „Другъ мой, если ты прогнѣвилъ Бога, то пойди къ себѣ въ келью и примирись съ нимъ, но выходи въ міръ свѣтлымъ, ибо не подобаетъ слугамъ Господа ходить передъ Нимъ съ мрачнымъ лицомъ".

Въ статьѣ Веллеръ-Ванъ-Гукъ „Симфонія Эволюціи" говорится о музыкѣ сферъ и о той великой симфоніи, которой непрестанно внимаютъ Логосъ и Его божественные сыны. Для насъ трудно слышать эти звуки небесъ среди диссонансовъ земли. Поэзія, искусства, мистика учатъ человѣка воспринимать гармонію вселенной и понимать Божественную симфонію эволюціи.

Въ статьѣ „Духовная утонченность" А. Babрингтонъ указываетъ на необходимость самой тонкой культуры всѣхъ нашихъ отношеній къ людямъ. Для человѣка, стремящагося къ духовной жизни, невозможны больше кулачная расправа, грубая брань, пьянство, посягательство на чужую собственность или свободу. Но настаетъ время, когда также невозможными дѣлаются и злыя мысли и чувства, и невинныя, но эгоистичныя привычки, какъ куреніе табака. Самая изысканная вѣжливость, самое тонкое вниманіе и рыцарское великодушіе дѣлаются категорическимъ императивомъ человѣка, достигшаго извѣстной ступени духовности. Красота и утонченность въ рѣчи и манерахъ вытекаютъ изъ полноты достигнутой гармоніи, ибо путь духовный есть путь чистоты и кротости (gentte purity). Эмерсонъ справедливо сказалъ: „Сила обхожденія (манеръ)—невыразима; она такъ же непобѣдима, какъ огонь. Истинный аристократизмъ не можетъ нигдѣ остаться скрытымъ, ни въ республикѣ демократической, ни въ королевствѣ. Никто не можетъ противиться его магическому вліянію"....

Чрезвычайно интересна статья: „Мысли о Теософической работѣ", В. Кирби. Авторъ начинаетъ извлеченіемъ изъ „Голоса Безмолвія": „Если ты не можешь быть солнцемъ, то будь скромной планетой". Онъ указываетъ, что каждый теософъ можетъ найти себѣ работу въ Т. Об-вѣ на пользу всѣмъ, если онъ только пойметъ, что наше назначеніе—быть не пассивными сочувствующими членами или академиками-учеными, а активными энтузіастами, вкладывающими всю свою душу въ дѣло любви. В. Кирби вспоминаетъ отвѣтъ Е. П. Блаватской на вопросъ: „Чѣмъ могутъ члены Т. Об-ва помочь теософической работѣ?" Она отвѣчаетъ: „Прежде всего, изученіемъ и пониманіемъ теософическихъ ученій, ибо надо понимать, чтобы стать способнымъ учить другихъ. Во-

вторыхъ, надо пользоваться каждымъ случаемъ для выясненія того, что такое Теософія, указывая на неправильное пониманіе ея и вызывая интересъ къ ея изученію. Въ-третьихъ, нужно помогать распространенію нашей литературы. Это можно дѣлать покупая и давая читать книги своимъ друзьямъ и знакомымъ и возбуждая въ нихъ такое же желаніе. Въ-четвертыхъ, слѣдуетъ защищать Т. Об-во отъ несправедливыхъ нападокъ и нареканій. Въ-пятыхъ (и это важнѣе всего)—мы помогаемъ движенію примѣромъ своей собственной жизни" *).

Никакое количество прочтенныхъ книгъ, никакія знанія не сдѣлаютъ изъ человѣка теософа, пока онъ не будетъ проявлять дѣятельную любовь. Право на гордое именованіе „теософа" дается лишь теософіей, которая живетъ въ немъ самомъ, въ его мысляхъ, чувствахъ, словахъ, стремленіяхъ и которая проявляется въ его ежедневной жизни. Каждый теософическій кружокъ долженъ быть динамической, а не статической силой, т. е. проводникомъ Свѣта. Чѣмъ больше кружокъ даетъ, тѣмъ больше онъ получаетъ, совершенно такъ же, какъ и каждый отдѣльный членъ. Слишкомъ часто члены бываютъ пассивны, потому что не знаютъ, съ чего начать, или потому что задаются слишкомъ широкими планами, но есть много простой и полезной работы въ сферѣ издательской, библіотечной, литературной, хозяйственной. Авторъ даетъ рядъ практическихъ совѣтовъ, напримѣръ— заходить въ книжныя лавки и библіотеки и тамъ требовать теософическія изданія, возбуждая къ нимъ интересъ въ публикѣ. Вечеромъ онъ рекомендуетъ каждому теософу, просматривая свой день, спрашивать себя: „что я сегодня сдѣлалъ для Теософіи?"

„Annales Théosophiques" даетъ три очерка: „Эмерсонъ и Теософическая мысль", Л. Ревель; „Карма", Селлон'а; „Эфирныя свойства матеріи", Т. Дарель.

Л. Ревель даетъ біографію Эмерсона и затѣмъ разбираетъ его сочиненія, расчленивъ ихъ по вопросамъ: путь души къ Богу или интуиція; эволюція; законъ перевоплощенія; законъ причинности или Карма; конечная цѣль. Во всѣхъ этихъ сферахъ Эмерсонъ высказывается какъ геніальный мистикъ, и пролагаетъ путь Теософіи. Говоря о цѣли бытія, великій поэтъ восклицаетъ: „Настанетъ день дней, великій день праздника жизни, когда внутреннія очи раскроются и познаютъ единство вещей и вездѣсущность и непреложность закона.... Тогда на насъ снисходитъ блажен-

*) Ключъ къ Теософіи.

ство и мы *видимъ*. Не столько оно въ насъ, сколько мы въ немъ. Если воздухъ доходитъ до нашихъ легкихъ, мы можемъ жить; если не доходитъ, мы умираемъ. Если свѣтъ достигаетъ нашихъ глазъ, мы видимъ; безъ него—мы ничего не видимъ. Если истина открывается нашему уму, онъ внезапно вырастаетъ до размѣра этой истины, какъ будто-бы достигъ иныхъ міровъ. Тогда умъ дѣлается подобенъ законодателю, онъ проникаетъ въ природу, онъ пророчествуетъ".

Въ статьѣ „Карма" законъ Кармы опредѣляется какъ „великій законъ, поддерживающій равновѣсіе, гармонію вселенной". Все, что нарушаетъ эту гармонію, снова направляется надлежащимъ образомъ, какихъ-бы страданій такое перемѣщеніе ни стоило. Силы природы служатъ Кармѣ.

Въ статьѣ „Эфирныя свойства матерій" Т. Дарель сопоставляетъ древнее ученіе Платона съ современнымъ монизмомъ, и указываетъ, что ихъ примиряетъ Теософическій синтезъ; здѣсь выясняется роль новыхъ состояній матеріи, которыя начинаетъ открывать наука.

„Lotus Bleu" (Revue Théosophique) даетъ статью С. Ледбитера „о предохранительныхъ скорлупахъ", продолженіе его очерка о VI расѣ и статью А. Безантъ: „Какъ слѣдуетъ представлять себѣ Учителей?". Въ этой статьѣ авторъ говоритъ о великомъ Сверхчеловѣчествѣ, которое во всѣ времена руководило и руководитъ эволюціей человѣчества.

„Theosophy in Scotland" даетъ очень интересный очеркъ о русской литературѣ по поводу недавно появившейся книги М. Барингъ о русскихъ писателяхъ. Авторъ указываетъ на особое мѣсто Россіи между Востокомъ и Западомъ и на вытекающую отсюда ея миссію объединенія. Она восприняла религіозную мысль великихъ религій Востока и находится подъ вліяніемъ христіанства; она такимъ образомъ — дитя разныхъ религіозно-философскихъ теченій, что сказывается на ея литературѣ, которая носитъ отпечатокъ удивительной глубины и ширины. Нота ея„—истинный реализмъ", столь-же далекій отъ туманнаго идеализма, сколько и отъ грубаго натурализма. Въ этомъ реализмѣ звучить глубокое довѣріе къ человѣку и самое нѣжное состраданіе къ его слабостямъ и страданіямъ".

Нѣмецкій журналъ „Isis" преобразился въ ежемѣсячный журналъ „Theosophie" *). Онъ даетъ рядъ статей А. Безантъ, Ч. Лед-

*) Leipzig, Dr. Hugo Vollrath, Theosophisches Verlaghaus, плата годовая 6 марокъ (т. е. 3 рубля).

битера, Ф. Гартмана, Ж. Шнейдера, Г. Микаел'а. Среди нихъ— статья Л. Толстого „Три вопроса". Очень интересна молитва, которую 2000 лѣтъ тому назадъ Верховный жрецъ при храмѣ Немрода въ Вавилонѣ произносилъ, повергаясь ницъ передъ восходящимъ солнцемъ, въ которомъ древніе видѣли символъ проявленнаго Бога, Логоса:

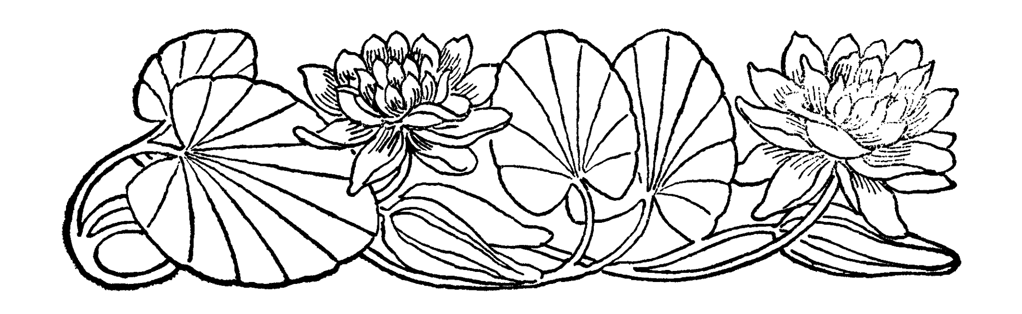
„Вѣчное, Всемогущее Существо, Ты еси Создатель всѣхъ вещей. Твоя природа не подвержена никакому нарушенію и разнится отъ всего смертнаго. Ты еси животворная Душа, высокая опора вселенной. Ты знаешь все сущее и долженъ быть всѣми познанъ. Ты еси Первоисточникъ всякаго бытія и изъ Тебя все произошло. Да будетъ каждый поклоняться Тебѣ! Да будутъ всюду молиться Тебѣ, Вездѣсущему! Безграничны Твоя Слава и Твое Могущество! Ты еси Отецъ всѣхъ живыхъ существъ, вѣчный Учитель міра, достойный нашего глубочайшаго поклоненія. Никто несравнимъ съ Тобою. Благоговѣйно привѣтствую Тебя и припадаю къ Твоимъ стопамъ. Призываю къ Твоему состраданію, Богъ достойный нашего поклоненія, ибо Ты обращаешься съ нами, какъ Отецъ со своимъ сыномъ, какъ другъ съ своимъ другомъ, какъ любящій съ предметомъ своей Любви!"

„Hindu College Magazine" даетъ рѣчь А. Безантъ „Въ защиту животныхъ", отчетъ о лѣтней дѣятельности лекторовъ и студентовъ „Hindu College" въ Бенаресѣ и очеркъ пандита П. К. Ладду объ Индуизмѣ. Заповѣди даны Ману въ его опредѣленіи Дхармы, закона души и вытекающаго изъ него долга. Дхарму можно познать, культивируя десять добродѣтелей: 1) довольство; 2) всепрощеніе; 3) господство надъ умомъ; 4) честность; 5) чистоту; 6) господство надъ органами чувствъ; 7) знаніе (искусствъ и наукъ); 8) духовное вѣдѣніе; 9) правду; 10) свободу отъ страстей. Стремленіе къ осуществленію этихъ качествъ съ надеждой на награду есть добродѣтель мірянина, скованнаго еще желаніями. Ихъ осуществленіе безъ всякой мысли о наградѣ дѣлаетъ человѣка духовнымъ и ведетъ его къ Пути высшей жизни.

Alba.

Все сотворенное можетъ совершить ошибку; только Творецъ не ошибается.

(Изъ Св. Писаній Сикх'овъ; см. стр. 3).

Теософія въ Испанскихъ странахъ.

На прошломъ Парижскомъ конгрессѣ Т. О. общее вниманіе и симпатіи были привлечены делегатомъ Испаніи, д-ромъ Маріо Розо де-Люна, заставившемъ своей горячей рѣчью и выразительной мимикой даже членовъ, не знавшихъ по-испански, понять смыслъ почти всего, что онъ говорилъ. Съ тѣхъ поръ этотъ выдающійся по образованію и таланту нашъ сочленъ посвятилъ много времени и труда Южной Америкѣ, гдѣ быстро растетъ Теософическое движеніе. Островъ Куба уже имѣетъ 28 вѣтвей и свою секцію, Южная Америка формируетъ свою, Центральная Америка пока примкнула къ Кубѣ и издаетъ въ Коста-Рикѣ замѣчательно-интересный журналъ „Virya“ (по имени кружка, редактирующаго его). Одинъ изъ членовъ Мексиканскихъ Кружковъ, Fernando Orosco y Berra, недавно издалъ брошюру, имѣющую цѣль утишить разногласія Спиритуалистовъ и Теософовъ между собою, брошюру, имѣвшую большой успѣхъ. Въ 1910 г. Ю. Америка пригласила на публичныя лекціи о Теософіи въ Буэносъ-Айресѣ д-ра Розо де-Люна. Мы сожалѣемъ, что неполное знаніе языка мѣшаетъ намъ передать in extenso эти чудныя лекціи. Попытаемся дать хоть нѣкоторое о нихъ понятіе.

Прибавимъ, что д-ръ де-Люна-докторъ правъ и licencié en sc. physico-chimiques, что онъ открылъ небольшую комету, названную Парижской Академіей Наукъ его именемъ, и что онъ корреспондентъ многихъ ученыхъ обществъ по философіи, исторіи, археологіи, гигіенѣ, химіи и физикѣ, какъ и по популярной астрономіи и по вопросамъ народнаго образованія.

Лекціямъ д-ра де-Люна предшествовало интервью съ прессой, гдѣ онъ горячо описалъ весь великій трудъ Елены Петровны

Блаватской и всю благодарность ей Теософическаго Общества „отъ Полюса до Полюса“.

Первая лекція называлась „Современное Евангеліе: Европейская мысль и Восточная философія, „Невидимое“ въ свѣтѣ науки“.

Указавъ на возможность великой будущности для юныхъ расъ Испанской Америки, *) д-ръ де-Люна изложилъ дилемму, представляющуюся современной мысли. Дилемму: слѣдовать лишь за ученіемъ европейской мысли, мало-по-малу поворачивающей къ теософическому пути, или сдѣлать шагъ далѣе, укоротивъ дорогу, и прямо уйти въ философію Востока... Физика уже возвѣстила, что всѣ феномены—лишь разныя градаціи колебаній въ единой матеріи, невѣсомой и тончайшей (subtil): въ космическомъ эфирѣ, проникающемъ всѣ вѣсомыя тѣла и обвивающемъ—наполняя его—весь міръ. Изо всей этой гаммы колебаній человѣкъ въ началѣ зналъ лишь свѣтъ съ вибраціями отъ 400 до 720 билліоновъ длины волнъ. Наимедленнѣйшія и наискорѣйшія ихъ колебанія составляютъ какъ бы „темный“ свѣтъ вокругъ крошечнаго островка „видимаго“ свѣта, это „видимое“ для насъ—лишь исключеніе всей массы вещей, реальностей, существъ, окружающихъ насъ, о которыхъ мы ничего не знаемъ... Д-ръ де-Люна цитируетъ научную фантазію В. Крукса (также нашего сочлена) о существѣ, имѣвшемъ бы глаза, видящіе лучами X, которому было бы недоступно понятіе о деревѣ, но доступно видѣть сокъ въ немъ, который онъ считалъ бы за „воду“, и не могъ бы постичь, отчего его рука не можетъ дотронуться до сока (мѣшало бы „невидимое“ дерево), считая фактъ за необъяснимое, „сверхъестественное“ явленіе. Какую научную революцію произвело бы для него открытіе топора... Какой ударъ для его „суевѣрій“, не менѣе чѣмъ сдѣлалъ радій для насъ...

Какія новыя условія „жизни“ открываются, если предположить существа, напр., могущія двигаться со скоростью $^1/_{10}$ секунды чрезъ пространство, обнимаемое нашимъ зрѣніемъ, или видящимъ при ультра-фіолетовыхъ лучахъ какъ муравьи... и т. д...

„Истина это уравненіе“. „Наша“ истина завтра можетъ превратиться въ болѣе обширную, измѣняющую ее, но не уничтожающую совсѣмъ...

Сдѣлавъ быстрый обзоръ современныхъ научныхъ открытій и теорій, лекторъ указалъ на то, что дарвинизмъ даетъ законъ эволюціи безсознательный, инертный, тогда какъ законъ „Кармы“

*) По оккультнымъ пророчествамъ Ю. Америка будетъ колыбелью 7-й расы.

восточной философіи—нѣчто живое, справедливое, законъ причины и послѣдствія... Онъ закончилъ опредѣленіемъ настоящаго оккультизма, какъ чистаго альтруизма, противовѣса стремленію „подчинить человѣчество человѣку“, этому зародышу всѣхъ тираній, страданій и золъ нашего міра.

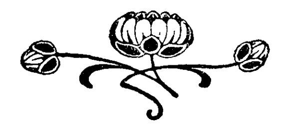
Вторая Конференція объ „Эволюціи и Астрономіи, Планета и человѣкъ“, чрезвычайно поэтична. За невозможностью цитировать ее, укажемъ лишь на изложеніе Царственнаго значенія Числа въ наукѣ міра, на „нить Аріадны“—цѣпь „экстра-Марсіанскихъ“ планетъ, ведущую въ бездны Космоса, на великій законъ гармоніи вѣчнаго движенія, „музыку сферъ“ Пиѳагора,—на „Веніаминово Солнце“, пламенемъ погруженныя въ его непосредственномъ сіяніи, Венеру, Меркурія (Вулкана?)—на градацію проявленій невѣдомаго флюида, Космоса, феноменами которыхъ являются свѣтъ, тепло, электричество, магнетизмъ, лучи X... и,—кто знаетъ,—вибраціи воли, мысли—намъ еще мало вѣдомыя... (Онъ говорилъ объ откровеніи, открытіи проф. Poincaré, объ отталкивающемъ дѣйствіи солнечнаго свѣта въ силу внѣшнихъ потенцій разстояній. Что произошло бы, если бы тональность вибрацій планетнаго эфира была въ обратномъ отношеніи къ разстоянію отъ почвы...). Невозможно и представить себѣ предстоящія открытія планетарной физики.!. И надъ дивными загадками взаимной жизни Земли и Луны въ лучахъ Солнца, загадками планетъ въ безконечности, сіяетъ то темнымъ заревомъ искупленія, то зарею воскресенія „Звѣзда Судьбы“, Карма.

Третья лекція о „Миѳѣ“, послѣ научнаго вступленія о фолклерѣ и преданіи, была возвышеннымъ объясненіемъ вѣчнаго миѳа посвященія, легенды о „рыцарѣ Лебедя“ въ ея испанской формѣ, о проникновенности искусства Вагнера, наконецъ, о древнихъ сказаніяхъ изъ „Тайной Доктрины“ и столь же древней мексиканской книгѣ-загадкѣ „Пополь-Ву“ (Popool-Vuh) Библіи американской расы Майи!.. Въ заключеніе лекторъ говорилъ о бѣдномъ героѣ Донъ-Кихотѣ „испанскомъ Зигфридѣ“: красота безсмертной повѣсти не въ немъ самомъ, а въ Идеалахъ Рыцарства, которому онъ такъ искренно служилъ со всѣми своими слабостями...

Когда то великіе завоеватели Испаніи и Португаліи шли безстрашно по неизвѣстности океановъ, подчиняя міръ Европейской мысли въ своемъ стремленіи къ сокровищамъ Востока, къ которому искали путь. За кровавыя дѣла ихъ Карма уже принесла благородной Испанской расѣ жатву пораженія и потери въ послѣдней войнѣ за Кубу. Нынѣ Испанецъ несетъ новую силу,

новый свѣтъ на помощь великой работѣ духа въ бывшихъ колоніяхъ Испаніи и Португаліи. И читая его слова, какъ бы слышишь вдали вѣковъ призывъ „Во имя св. Георгія! Испанія, Испанія“—и за ними, точно эхо потерянныхъ звуковъ Атлантиды, звуки древнихъ народныхъ напѣвовъ Португаліи, музыки міра особеннаго, темныхъ цвѣтовъ и „темнаго свѣта“, какъ тѣ первыя времена земли, когда впервые показался „изумрудный“ лучъ Свѣта и выплыла Ладья боговъ, тутъ, у береговъ Америки *)...

Niña.

Прежде всего надо отказаться отъ желанія, вражды и жадности. Слушай! размышлять объ имени Господа, это значитъ быть милосерднымъ ко всѣмъ.

Не медли дѣлать добро; медли дѣлать зло.

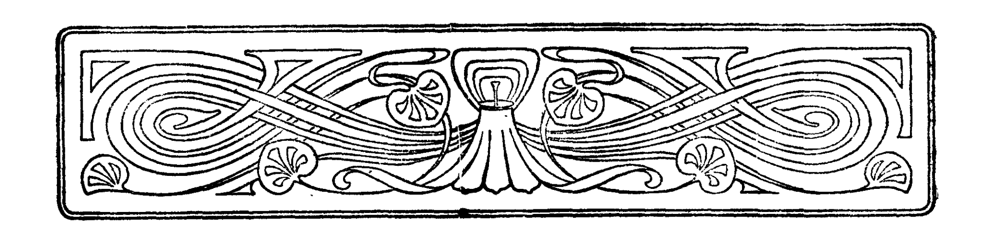
Иллюзія исчезла изъ сердца праведнаго: Индусы и Мусульмане равны въ его глазахъ.

Подобно тому, какъ рыба не можетъ жить безъ воды,
Какъ кукушка ждетъ капли дождя,
Какъ раненная лань бѣжитъ на зовъ,
Какъ черная пчела, упоенная цвѣткомъ, дѣлается его плѣнницей,
Такъ и святые любятъ Бога и радуются Ему.

(Изъ Св. Писаній Сикх’овъ; см. стр. 3).

---

*) Popol-Vuh.

Хроника Теософическаго движенія.

— Въ Шотландіи, гдѣ только что родилось молодое Національное Общество, происходитъ дѣятельная работа. Рядъ публичныхъ лекцій былъ организованъ въ городахъ, гдѣ еще нѣтъ теософическихъ центровъ. Лекціи привлекли многочисленную публику и образовалось нѣсколько новыхъ теософическихъ кружковъ.

— Въ Ирландіи начинается серьезная теософическая работа, одинъ центръ образуется за другимъ (всего уже ихъ 5), и можно ожидать, что и въ Ирландіи скоро родится свое Національное Общество.

— Хорошія вѣсти также приходятъ изъ Южной Африки, гдѣ образовалась въ этомъ году Секція Международнаго Теософическаго Общества. Особенно серьезно, повидимому, идетъ работа въ Каптоун'ѣ и въ Портъ-Елизабет'ѣ. Органомъ Африканской Секціи является ежемѣсячный журналъ: „The Seeker" („Ищущій"), редакторомъ котораго состоитъ г. Маршъ, предсѣдатель кружка Питермарицтбург'а, въ Натал'ѣ. Кромѣ буровъ и другихъ переселенцевъ изъ Европы, въ Южной Африкѣ много разныхъ національностей, начиная съ Индусовъ и кончая Каффрами и Готтентотами. Между Европейцами и туземными жителями существуетъ большая рознь и вражда. Теософія здѣсь имѣетъ широкое поле для своей объединяющей гуманитарной дѣятельности, и вліяніе ея уже начинаетъ сказываться.

— На островѣ Явѣ состоялся теософическій съѣздъ, имѣвшій большой успѣхъ. Онъ длился 3 дня. Было организовано нѣсколько лекцій на голландскомъ языкѣ и на мѣстномъ нарѣчіи для туземныхъ жителей. На островѣ Явѣ уже сгруппировалось около 350 теософовъ, изъ которыхъ треть составляютъ мѣстные Явайцы и Китайцы. На Конгрессѣ было рѣшено издавать теософическій журналъ „Теософія въ Южной Нидерландіи".

═ Въ Вейбурнѣ Лѣтніе Теософическіе Курсы (Theosophical Sommerschool) собрали около 90 участниковъ. Были представители Голландіи, Америки, Россіи, Франціи и Шотландіи. Небольшая мѣстная гостинница была переполнена пріѣзжими. Въ теченіе двухъ недѣль курсанты собирались на утреннія и вечернія лекціи и бесѣды. Днемъ устраивались экскурсіи въ живописныя окрестности этого прелестнаго мѣстечка. Особое время было посвящено изученію Тайной Доктрины Е. П. Блаватской. Среди сообщеній интересны были доклады о вновь образовавшихся союзахъ „Изида", „Международное Братство Работниковъ" и „Союзъ Св. Михаила". Союзъ „Изида" имѣетъ цѣлью очищеніе нравовъ и защиту материнства. Онъ посвящаетъ себя разработкѣ проблеммы пола и стремится подготовить молодежь къ браку, какъ къ великому таинству. Союзъ „Братство Работниковъ" *) провозглашаетъ святость труда и солидарность работниковъ. Союзъ „Св. Михаила" стремится внести красоту и пониманіе искусства въ жизнь бѣдняковъ и съ этой цѣлью учреждаетъ общедоступные клубы въ разныхъ частяхъ Лондона. Члены этого Союза мечтаютъ о томъ, чтобы покрыть всю Англію сѣтью просвѣтительныхъ кружковъ. Въ каждомъ такомъ клубѣ есть читальня, музыкальные инструменты и произведенія искусства.

═ Одновременно съ этими симпатичными начинаніями англійскихъ теософовъ нужно отмѣтить появленіе новаго журнала „The Path", редакторами котораго состоятъ г. Дэнлопъ и проф. Лезенби, организаторы лѣтнихъ курсовъ. Программа журнала совершенно теософическая, но объединяетъ онъ самыя разнообразныя духовныя теченія. Нота его—любовь и единеніе. Первый номеръ начинается съ привѣта, обращеннаго ко всѣмъ, ищущимъ свѣта, даже и къ врагамъ Теософическаго Общества: „Всѣмъ товарищамъ во всѣхъ странахъ и особенно членамъ Теософическаго Общества, участвующимъ въ разныхъ родственныхъ теченіяхъ, мы шлемъ братскій и радостный привѣтъ... T. S. (Теософическое Общество) значитъ также „Слуги" (The Servitors) и каждому члену Теософическаго Общества, который, по своему разумѣнію, исполняетъ свой долгъ по отношенію къ человѣку, работая въ родственныхъ движеніяхъ, мы, какъ члены Теософическаго Общества, шлемъ свою любовь и свои мысли въ глубокомъ убѣжденіи, что всѣ мы трудимся вмѣстѣ надъ однимъ общимъ дѣломъ и исполняемъ одну и ту же завѣщанную намъ задачу. Всякій расколъ

*) О союзахъ „Изида" и „Братство Работниковъ" будетъ со временемъ болѣе полное сообщеніе.

въ нашихъ рядахъ имѣетъ мѣсто лишь на внѣшнемъ планѣ. Единое Теософическое Общество пребываетъ вѣчно въ мірѣ подъ руководствомъ Учителей Мудрости, то появляясь, то исчезая съ поверхности вѣковъ. Кажущіяся несогласія стимулируютъ только мысль... Нашъ маленькій журналъ, не будучи официальнымъ органомъ, тѣмъ не менѣе является выраженіемъ дѣятельности Теософическаго Общества, Президентомъ котораго состоитъ нашъ любимый и глубоко чтимый товарищъ Анни Безантъ, но издатели пользуются этимъ случаемъ, чтобы выразить всѣмъ другимъ Теософическимъ Секціямъ и Обществамъ въ мірѣ свою искреннюю любовь и братскій интересъ. Мы будемъ рады сообщеніямъ товарищей всѣхъ секцій и обществъ и присылкѣ статей членовъ ихъ безъ различія расы, вѣроисповѣданія, пола, касты, цвѣта кожи или секціи. Да снизойдетъ миръ и любовь Учителей на наши сердца и умъ и да будетъ увѣнчана успѣхомъ во всѣхъ странахъ Энергія искренняго стремленія!“

Въ № 1 дается рядъ краткихъ, но содержательныхъ статей: Іога, Путь, Теософія для начинающихъ, Разоблаченная Изида, Новое пониманіе христіанскихъ ученій, Греческая Теософія, Христосъ, Теософія и соціальная проблема, Пробужденіе (стихи), Отдѣлъ для учащихся теософовъ и Дѣтскій Отдѣлъ *).

Тѣ же неутомимые дѣятели, г. Дэнлопъ и проф. Лезенби задумали основать Институтъ имени Блаватской **), нѣчто въ родѣ теософическаго университета, который будетъ подготовлять серьезныхъ работниковъ. На первомъ планѣ поставлено изученіе сочиненій Пиѳагора, Платона, Ямвлиха, Прокла, Юліана Императора, Корнелія Агриппы, Парацельзія, Генри Мора, Томаса Тайлора, Е. Блаватской и другихъ выдающихся мыслителей-мистиковъ. За скромную плату можно будетъ жить при институтѣ, пользуясь читальней, библіотекой и всѣми лекціями. Можно будетъ также получать письменныя указанія и состоять въ перепискѣ съ однимъ изъ лекторовъ. Открытіе института предполагается черезъ года два ***). Открыта подписка на фондъ этого учрежденія. Всѣ доходы института будутъ возвращаться въ этотъ фондъ. Плата же за лекціи, комнату и т. д. будетъ доведена до

*) Адресъ: The Lipika Press, Ashdale Warwick Drine, Hale, Cheshire; каждый номеръ стоитъ 6 пенсовъ (30 коп.), годовая плата $2^{1}/_{2}$ шиллинга, т. е. 1 руб. 50 к. съ пересылкою.

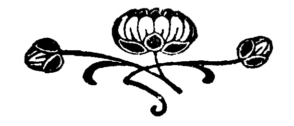
**) Hale, Cheshire.

***) Сейчасъ мы узнали, что крупное пожертвованіе сильно сократитъ этотъ срокъ и устроители надѣятся открыть институтъ Е. П. Блаватской еще въ настоящемъ году.

возможнаго минимума. Всѣ лекторы будутъ нести свой трудъ безплатно.

= Въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ Теософическая вѣтвь имени Гёте (Goethe—Zweig) открыла теософическое общежитіе на островѣ Ределгеймѣ (Schloss Auf der Insel) для желающихъ изучать Теософію. Древній средневѣковый замокъ окруженъ паркомъ и рѣкой Майномъ. Здѣсь находятся библіотека, читальня, общая гостиная, столовая и рядъ комнатъ для гостей. Объ условіяхъ можно узнать у Frl. M. Stenzel (Frankfurt a. M., Senckenbergstr., 16).

= Съ 15—28 августа состоялись Новые Лѣтніе Теософическіе Курсы имени Е. П. Блаватской въ Брайтонѣ, подъ предсѣдательствомъ г-жи И. Стэдъ. Какъ лекторы, выступали: г-жа И. Стэдъ, г-жа Лео, проф. Лезенби, г. Вайтъ, г-жа М. Шарпъ, г. И. Куперъ, г. и г-жа д'Азбекъ, г-жа Делэръ, г-жа Пинкгэмъ, г-жа М. Макъ-Карти и г. А. Гетти.

О сердце, люби Господа, какъ могутъ любить воду; его треплетъ вода, но лепестки его любви расцвѣтаютъ.

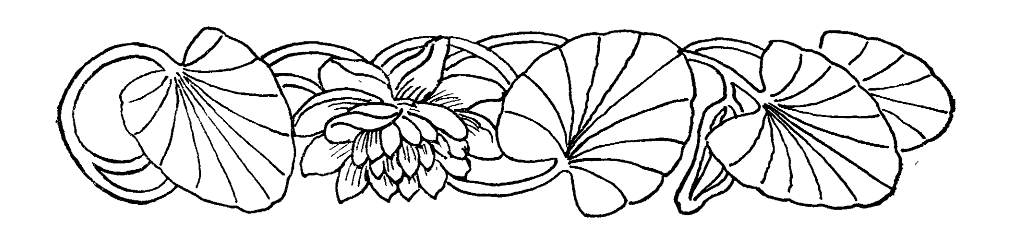
Съ тѣхъ поръ, какъ я позналъ сообщество добра, я забылъ всѣ различія; для меня нѣтъ болѣе ни врага, ни чужого съ тѣхъ поръ, какъ я помирился со всѣми.

Всѣ существа Ему принадлежатъ, Онъ принадлежитъ всѣмъ существамъ.

Тотъ Саніязи *), кто служитъ истинному Гуру, кто изъ души своей выбрасываетъ свое „я", кто не желаетъ ни убѣжища, ни пищи, беретъ что ему дается и не думаетъ о себѣ.

(Изъ Св. Писаній Сикх'овъ; см. стр. 3).

*) Святой, подвижникъ.

Изъ газетъ и журналовъ.

„Философская и жизненная задача Вл. Соловьева“ такъ озаглавленъ докладъ кн. Е. Н. Трубецкаго, прочитанный въ засѣданіи религіозно-философскаго общества, посвященномъ памяти Вл. Соловьева (въ Москвѣ).

Цѣлью докладчика являлось выясненіе вопроса, какъ формулировалась вышеуказанная задача Соловьева. Соловьевъ началъ свою литературную дѣятельность (говорилъ докладчикъ) съ проведенія той мысли, что философія—какъ стремленіе къ теоретическому познанію сущаго—кончила свое историческое существованіе. Философское отчаяніе и безвѣріе, это—признаніе отсутствія жизненныхъ силъ въ философіи. Позитивизмъ, это, въ сущности,—философское отчаяніе, отъ котораго прямой логическій переходъ къ мысли, что самое лучшее—прекращеніе жизни. Этого грустнаго вывода можно избѣжать лишь признаніемъ божественнаго міра съ его радостями и свѣтлой жизнью. И въ сочиненіяхъ Гартмана Соловьевъ узрѣлъ попытку Запада пріобщиться къ вѣрѣ Востока, въ которой онъ видитъ начатки осуществленія великой задачи синтеза,—примиреніе науки, философіи и религіи. Вопросъ о смыслѣ жизни Соловьевъ связываетъ съ вопросомъ о національной задачѣ Россіи, которая въ это время какъ разъ переживала необыкновенный подъемъ (освобожденіе Славянъ); казалось, что, отвлекаясь отъ эгоизма, Россія служитъ общечеловѣческому дѣлу: а въ этомъ универсальномъ служеніи человѣчеству и есть смыслъ жизни. Отрѣшеніе отъ узкаго національнаго эгоизма, презрѣніе къ будничной жизни, умѣнье понимать чужую психологію,—вотъ національныя черты Россіи, а потому передъ ней стоитъ задача: осуществленіе понятія о „всечеловѣкѣ“...

Въ журналѣ „Вопросы философіи и психологіи“ есть переводъ (А. Г. Рачинскаго) доклада, читаннаго Вл. Соловьевымъ въ 1888 году въ Парижѣ—„Русская идея“. Соловьевъ говоритъ, что отвѣта о смыслѣ существованія Россіи во всемірной исторіи надо искать въ вѣчныхъ истинахъ религіи. Ибо „идея націи есть не то, что она сама думаетъ о себѣ во времени, но то, что Богъ думаетъ о ней въ вѣчности“. Призваніе или та особая идея, которую мысль Бога полагаетъ для каждаго моральнаго существа—индивида или націи—и которая открывается сознанію этого существа какъ его верховный долгъ, проявляется какъ законъ жизни, когда долгъ выполненъ, и какъ законъ смерти, когда это не имѣло мѣста. Моральное существо никогда не можетъ освободиться отъ власти божественной идеи,—смысла его бытія,—но отъ него самого зависитъ носить его въ сердцѣ своемъ и въ судьбахъ своихъ, какъ благословеніе или какъ проклятіе. Но—„кому была когда-либо открыта мысль Бога о какой-либо націи, кто можетъ говорить народу о его долгѣ?... Общественное мнѣніе?“ Вотъ замѣчательный историческій фактъ: народъ (еврейскій), предназначенный даровать міру христіанство, выполнилъ эту миссію противъ своей воли и въ громадномъ большинствѣ своемъ въ теченіе 18 вѣковъ упорно отметаетъ божественную идею, которая была истиннымъ смысломъ его существованія. Съ точки зрѣнія евреевъ (по послѣдней книгѣ Библіи), отвергающихъ великую развязку своей національной исторіи, открытую въ Новомъ Завѣтѣ, пришлось бы признать, что сотвореніе неба и земли, патріархи, Моисей, чудеса Исхода, откровеніе на Синаѣ, гимны Давида, мудрость Соломона, вдохновеніе пророковъ—все это привело лишь въ концѣ концовъ къ манифесту языческаго царя, повелѣвающаго горсткѣ евреевъ выстроить второй Іерусалимскій храмъ, который былъ впослѣдствіи разрушенъ солдатами Тита! Не субъективный предразсудокъ христіанина, а памятникъ національной мысли самихъ евреевъ доказываетъ, что внѣ христіанства историческое дѣло Израиля потерпѣло крушеніе, и что слѣдовательно народъ можетъ при случаѣ не понять своего призванія. Въ этомъ контрастѣ величественнаго начала и жалкаго конца Соловьевъ видитъ нѣчто напоминающее судьбы Россіи, если разсматривать ихъ съ точки зрѣнія исключительно националистической, господствующей у насъ въ данное время... Сколь велико и прекрасно должно быть въ своемъ конечномъ осуществленіи національное дѣло, имѣвшее такихъ предшественниковъ, какъ Св. Владиміръ и Петръ Великій! (Въ нихъ Соловьевъ видитъ благородное и мудрое отреченіе отъ

слѣпого націонализма). Но истинное величіе Россіи—мертвая буква для нашихъ лже-патріотовъ, желающихъ навязать русскому народу историческую миссію на свой образецъ и въ предѣлахъ своего пониманія... Но въ его волѣ еще отказаться отъ этой политики эгоизма и національнаго отупѣнія, которая неизбѣжно приведетъ къ крушенію нашу историческую миссію. Въ Новомъ Завѣтѣ нѣтъ рѣчи о какой-либо отдѣльной національности и даже опредѣленно указывается, что никакой національный антагонизмъ не долженъ болѣе имѣть мѣста,—не слѣдуетъ ли вывести изъ этого, что въ первоначальной мысли Бога націи не существуютъ внѣ ихъ органическаго и живого единства,—внѣ человѣчества?.. До христіанства существовали лишь племена и націи, раздѣленныя или частично связанныя внѣшней силой, истинное единство человѣчества было лишь обѣтованіемъ, пророческой идеей. Но эта идея „стала плотью", когда абсолютный центръ всѣхъ существъ открылся во Христѣ... Оффиціальное учрежденіе, представителями котораго являются наше церковное управленіе и наша богословская школа, безспорно не являетъ собою живую часть истинной вселенской Церкви, основанной Христомъ... Соловьевъ приводитъ слова горячаго патріота и ревностнаго православнаго, который не можетъ быть заподозрѣнъ въ предвзятомъ нерасположеніи къ нашей національной церкви, И. С. Аксакова: „...Въ Россіи не свободна „только" русская совѣсть... Оттого и коснѣетъ религіозная мысль, оттого и водворяется мерзость запустѣнія на мѣстѣ святѣ, и мертвенность духа заступаетъ жизнь духа, и мечъ духовный—слово—ржавѣетъ, упраздненный мечомъ государственнымъ, и у ограды церковной стоятъ не грозные ангелы Божіи, охраняющіе ея входы и выходы, а жандармы и квартальные надзиратели, какъ орудія государственной власти,—эти стражи нашего русскаго душеспасенія, охранители догматовъ русской православной церкви, блюстители и руководители русской совѣсти... Духъ истины, духъ любви, духъ жизни, духъ свободы... въ его спасительномъ вѣяніи нуждается русская церковь!"... Чтобы удержать и проявить христіанскій характеръ Россіи, намъ нужно принести въ жертву истинному Богу нашъ національный эгоизмъ... и раньше, чѣмъ принести жертву къ алтарю, примириться съ братомъ, имѣющимъ что-либо противъ насъ... Здѣсь Соловьевъ говоритъ о гнусной системѣ руссификаціи, которая нападаетъ на національное существованіе, на самую душу польскаго народа... о системѣ гнета, примѣняемой не къ одной только Польшѣ... о политикѣ, пропитанной лживостью и лицемѣріемъ. Нельзя, говоритъ онъ, безна-

казанно написать на своемъ знамени свободу славянскихъ и другихъ народовъ, отнимая въ то же время національную свободу у поляковъ, религіозную свободу у уніатовъ и русскихъ раскольниковъ, гражданскія права у евреевъ... Истинная будущность человѣчества, надъ которой намъ надлежитъ потрудиться, есть „вселенское братство, исходящее изъ вселенскаго отчества чрезъ непрестанное моральное и соціальное сыновство“... Христіанская Россія, подражая самому Христу, должна подчинить власть государства (царственную власть Сына) авторитету вселенской церкви (священству Отца) и отвести подобающее мѣсто общественной свободѣ (дѣйствію Духа).

Въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“ была статья Д. Философова „по поводу смерти Джорджа Тирреля“, главы англійскихъ модернистовъ. Давая краткія біографическія данныя, Философовъ говоритъ, что Тиррель былъ прежде всего пророкъ-проповѣдникъ. Онъ родился въ 1861 году и принадлежалъ по рожденію къ англійской церкви. Въ 1879 году онъ перешелъ въ католичество и даже вступилъ въ орденъ іезуитовъ. Въ 1906 г. произошло его первое столкновеніе съ церковью, а въ 1907 г. Энциклика осудила его наравнѣ съ Луаза и Леруа, а затѣмъ онъ былъ и „запрещенъ къ служенію“, т. е. фактически лишенъ возможности священствовать. Но никакія дисциплинарныя наказанія не могли поколебать его идей, а главное, лишить его ощущенія внутренней связи съ церковью. Передъ смертью онъ пожелалъ церковнаго напутствія и получилъ отпущеніе грѣховъ, но Епископъ не разрѣшилъ погребенія по католическому обряду.

Послѣ біографическаго очерка, Философовъ касается характерныхъ признаковъ самаго ученія. Во первыхъ: признаніе религіозной и догматической эволюціи. Не касаясь „существа“ откровенія, модернисты утверждаютъ, что пониманіе и толкованіе,— форма—можетъ и должна мѣняться сообразно развитію культуры и религіознаго сознанія.... То, что церковь, опираясь на преданіе, мѣняла догматику, развивала ее, показываетъ ея силу, а не слабость... Все значеніе „святыхъ“ въ томъ и состояло, что каждый изъ нихъ прибавлялъ какую нибудь новую черту въ пониманіи и осуществленіи церковныхъ идеаловъ... Подлинная церковь— это живой развивающійся организмъ, который все болѣе и болѣе постигаетъ заложенную въ немъ абсолютную правду. Вторая характерная черта модернизма—его симпатія къ активной, творческой, автономно-волящей личности. Не разумъ, интеллектъ,— краеугольный камень религіи, а „воля“. Религія, вѣра покоится

на волѣ къ дѣйствiю. Догматъ, по мнѣнiю Леруа, ничто иное, какъ болѣе или менѣе удачно выраженное, „правило поведенiя“. Съ точки зрѣнiя рацiональной—догматы непрiемлемы. Для вѣрующей же воли они какъ бы вѣхи на религiозномъ пути, показывающiя границу между дѣйствiемъ и созерцанiемъ. Но самая важная и интересная черта модернизма—это его отношенiе къ современной культурѣ и знанiю. Модернизмъ не столько новое католическое теченiе, сколько показатель того религiознаго броженiя, которое происходитъ въ современныхъ умахъ, новая попытка соединенiя знанiя съ вѣрой. Модернисты стремятся къ „возрожденiю“, а не къ реставрацiи, они смотрятъ впередъ, а не назадъ.

Они полагаютъ, что возрожденiе христiанства стоитъ въ тѣсной связи съ основной переработкой христiанской метафизики, въ отказѣ отъ схоластической традицiи, въ коренной перемѣнѣ отношенiя церкви къ мiру. Кризисъ, переживаемый современной философiей, свидѣтельствуетъ, что накопившiйся вѣками слой предубѣжденiй противъ всякой религiи и несовмѣстимости религiи со знанiемъ и культурой, начинаетъ разрыхляться. Чувствуется необходимость заново пересмотрѣть идейную карту современной культуры и подготовить почву для дальнѣйшаго культурнаго творчества. Тяжба модернистовъ съ церковью и мiромъ — не литературный споръ интеллигентовъ, не богословскiя препирательства церковниковъ, а начало борьбы за примиренiе вѣры со знанiемъ, Бога съ мiромъ.

Въ журналѣ „Вѣсы“ въ статьѣ „О радости прощенiя“ Розановъ говоритъ о „христiанахъ“. „Гдѣ новая тварь, сотворенная Iисусомъ? Гдѣ то совершенно новое, что Онъ принесъ на землю?“— спрашиваетъ Розановъ. Это—„люди, у которыхъ сила кротости одолѣла силу окружающей ихъ тьмы“—отвѣчаетъ онъ, „одолѣла горечь жизни, трудности, страданiя, болѣзни, потери близкихъ, лукавство, предательство, обиды, несправедливость... И они, всѣ израненные жизнью, несутъ свѣтлое лицо впередъ, и нѣтъ въ душѣ ихъ ни гнѣва, ни ярости ни на людей, ни на жизнь. Это—христiане!! Какъ они относятся къ имперiи? — Царство „не отъ мiра сего“ не замѣчаетъ „мiра сего“, и проходитъ мимо имперiи по истинѣ такъ, какъ въ легендахъ о старинныхъ замкахъ „тѣнь“ или „духъ“ проходятъ мимо стѣнъ, оружiя, и не сопротивляясь имъ, и не повреждаясь ими.... Христiанинъ проститъ тюрьму, не уйдетъ отъ висѣлицы; онъ безъ гнѣва будетъ смотрѣть на обстановку казни, на „попа“ при этомъ, на жандармовъ, на врача, думая: „всѣ въ судьбѣ своей, и изъ своего мундира не выскочишь!!,...

Царство кроткихъ, по истинѣ, не нуждается ни въ законахъ, ни въ судѣ, ни въ судьяхъ: не нуждается и въ государствѣ, иначе, какъ въ службѣ и работѣ... Потенціально въ нихъ умерло государство, и они относятся къ нему, какъ къ не ихней, а какъ къ временной вещи... Царство кроткихъ упраздняетъ государство кроткимъ способомъ, тѣмъ, что кроткихъ становится все больше, а людей гнѣва остается все меньше. Но пока послѣдніе есть— „матеріалъ“ для государства есть, и оно не умерло и до этого времени не умретъ. Нельзя вообще умереть тому, въ чемъ есть естественная потребность, на что есть „спросъ“; „судьба“ государства въ смыслѣ длительности зависитъ отъ „судьбы“ гнѣва на землѣ.

Въ статьѣ „Искусство и міросозерцаніе“ Розенфельда (въ журналѣ „Театръ и Искусство“) проводится та мысль, что поэзія и искусство неразрывно связаны съ философіей и наукой. Борьба и смѣна различныхъ школъ соотвѣтствуютъ различнымъ фазамъ „общаго міросозерцанія“. Позитивизму соотвѣтствовалъ натурализмъ. Но позитивистическое міросозерцаніе, установивъ относительность всякаго знанія и неразрѣшимость основныхъ, вѣчныхъ, „проклятыхъ“ вопросовъ, не могло удовлетворить умы. Тогда устремились на изученіе эмоціональныхъ сторонъ нашей психики,— и въ искусствѣ провозглашается „школа импрессіонизма“. Жизнь души, темная, загадочная и необъятная замѣнила внѣшній сюжетъ... Въ доморощенныхъ философствованіяхъ „новой школы“ есть очень много нелѣпаго, вычурнаго, неприличнаго, а то просто невѣжественнаго, но нельзя отрицать и того, что порой въ нихъ раздаются искреннія нотки, и что въ нащупываніяхъ и исканіяхъ новыхъ путей есть много правдиваго и цѣннаго; что философы художники, какъ Ибсенъ, Метерлинкъ, Андреевъ и Сологубъ, цѣнны, главнымъ образомъ, тѣмъ, что они заставляютъ насъ почувствовать тѣ вѣчные, проклятые вопросы, о которыхъ философы только разсуждаютъ.—Творчество Андреева ведетъ читателя по темнымъ изгибамъ души и загадочнымъ проваламъ жизни и пытается проникнуть въ „тайну смерти“, въ „загадку времени“, прозрѣть „призрачность міра и быта“. Въ этомъ же задача и Сологуба; онъ рисуетъ намъ наши внутреннія переживанія и смутныя мистическія соприкосновенія „другихъ міровъ“... надъ явью, надъ „передоновщиной“ онъ воздвигаетъ свою „творческую легенду“; но призракъ смерти, такъ мучительно пугающій Андреева, вызываетъ у Сологуба дивныя пѣсни: онъ поетъ радость освобожденія.

Въ журналѣ „Вопросы философіи и психологіи“ (книга 102) интересна статья Н. А. Бердяева „Вѣра и знаніе“. Бердяевъ на-

чинаетъ съ того, что „отрицаніе вѣры и исключительное утвержденіе знанія становится анахронизмомъ“, между тѣмъ, какъ недавно еще производила впечатлѣніе анахронизма даже сама постановка этого вѣковѣчнаго спора знанія и вѣры, какъ уже рѣшеннаго въ сторону побѣды знанія. Теперь же споръ вновь обостряется, и наша эпоха стоитъ подъ знакомъ богоисканія. Прежде всего должно быть психологически признано, что знаніе не можетъ уничтожить и замѣнить вѣру; люди, отрицающіе вѣру своимъ сознаніемъ, вѣрятъ въ свою очередь въ разныя вещи, часто столь же невидимыя, какъ и объекты подлинно религіозной вѣры, напримѣръ: соціализмъ, прогрессъ, наука... Богъ подмѣняется ограниченными и относительными вещами, но само психологическое состояніе вѣры остается въ прежней силѣ. У каждой живой души есть не только научное, но и метафизическое и миѳологическое отношеніе къ міру. И нынѣ кризисъ совершается не только въ верхахъ философской мысли, но и въ низахъ положительной науки. Естествознаніе отрицаетъ само существованіе матеріи, расшатываются основы дарвинизма, витализмъ побѣждаетъ механизмъ... Для людей научнаго сознанія становится ясно, что наука не компетентна въ рѣшеніи вопроса о вѣрѣ, откровеніи, чудѣ... Вѣра въ идею науки,—единой и всеразрѣшающей,—падаетъ: „науки нѣтъ, есть только науки“. Требованіе „научной“ вѣры, замѣны вѣры знаніемъ есть „отказъ отъ свободы“, отъ свободнаго избранія, отъ вольнаго подвига; требованіе это унижаетъ человѣка, а не возвышаетъ его. Теперь господствуетъ третій—(1-й—верховенство знанія, отрицаніе вѣры; 2-й—верховенство вѣры, отрицаніе знанія)—дуалистическій типъ рѣшенія вопроса о взаимоотношеніи знанія и вѣры. Современное либеральное сознаніе не отрицаетъ вѣры, но видитъ въ вѣрѣ произвольное, субъективное, необязательное прибавленіе душевной жизни и только знанію придаетъ объективное и общеобязательное значеніе... Богосознаніе замѣнилось богоизобрѣтеніемъ... Но это распространенное ученіе о противоположности знанія и вѣры требуетъ пересмотра. „Вѣра“—по классическому и вѣрному опредѣленію—„есть обличеніе вещей невидимыхъ“, знаніе же можетъ быть опредѣлено, какъ обличеніе вещей видимыхъ. Конечно, слово „видимый“ и „невидимый“ надо понимать не въ смыслѣ зрительнаго, внѣшняго воспріятія, а въ смыслѣ принудительной данности или отсутствія принудительной данности. „Знаніе — принудительно, вѣра — свободна“. Черезъ знаніе міръ видимыхъ вещей насильственно входитъ въ человѣка, а не есть актъ его волевого избранія, и школа Виндельбандта и

Риккерта—замѣчаетъ Бердяевъ — ошибочно усматриваетъ въ познаніи свободное избраніе и тѣмъ этизируетъ гносеологію.—Затѣмъ, Бердяевъ разбираетъ 3 направленія гносеологическихъ ученій: эмпиризмъ, раціонализмъ и критицизмъ. Эмпиризмъ видитъ источникъ и оправданіе знанія въ опытѣ. Но опытъ эмпирика — говоритъ Бердяевъ — подозрительно раціонализированъ: откуда напримѣръ, его увѣренность, что чудесное никогда не было и не будетъ дано въ опытѣ? Ясно, что эмпиризмъ—признаетъ только опытъ въ раціональныхъ предѣлахъ, а къ иному относится, какъ къ мистикѣ. И въ послѣднее время начинается движеніе противъ господства этого раціонализированнаго опыта за возстановленіе въ правахъ первичнаго, живого, безпредѣльнаго опыта, въ которомъ можетъ быть дано не только „раціональное", но и „мистическое" (напримѣръ эмпиризмъ Лосскаго и американскаго психолога Джемса).—Значитъ, эмпиризмъ неизбѣжно разлагается на раціонализмъ и мистицизмъ. Критицизмъ же, который претендуетъ преодолѣть дефекты эмпиризма и раціонализма, является самъ такой же формой раціонализма; его теорія познанія неопровержимо показала невозможность обосновать себя на психологіи или метафизикѣ, поскольку психологія и метафизика являются уже знаніемъ... Каждая теорія познанія имѣетъ онтологическій базисъ, т.-е. утверждается на той истинѣ, что познаніе есть часть жизни, данной до раціоналистическаго разсѣченія на субъектъ и объектъ... Въ дискурсивномъ мышленіи, въ плохой безконечности котораго протекаетъ все знаніе, нѣтъ непосредственной данности бытія. Безъ дискурсивнаго мышленія мы не можемъ познавать, но нельзя искать въ немъ же и основъ знанія. Чрезъ него познаніе восходитъ къ интуиціи, упирается въ элементарную вѣру, въ обличеніе уже невидимой вещи. Въ таинственной глубинѣ бытія, до времени, предмірно, актомъ нашей умопостигаемой воли совершили мы — говоритъ Бердяевъ — избраніе этого міра, опредѣлили себя къ бытію въ данной дѣйствительности, связались съ этимъ міромъ тысячами нитей... Отъ міра же иного воля наша отвернулась, вѣра въ иной міръ или слаба, или совсѣмъ отсутствуетъ, поэтому то мы и не знаемъ иного міра... Намъ нужно совершить переизбраніе, т. е. отречься отъ старой любви къ данной дѣйствительности, сбросить съ себя ветхаго человѣка и родиться къ новой жизни въ иной дѣйствительности... Задача, передъ которой нынѣ стоитъ гносеологія, есть возстановленія „бытія" въ его правахъ (возвратъ къ „мистическому реализму") и раскрытіе „путей" къ бытію. Апостолъ Павелъ гово-

ритъ: „Будь безумнымъ (т. е. откажись отъ малаго разума), чтобы быть мудрымъ“, и еще: „Мудрость міра (т. е. торжество малаго разума) сего, есть безуміе передъ Богомъ“. Въ естественныхъ откровеніяхъ философіи и теософіи человѣкъ прикасается къ міровому, вселенскому Разуму и лишь религіозные философы окончательно возвышаются надъ „мудростью міра сего“. Значитъ: „настоящими эмпириками и раціоналистами... должны быть признаны мистики и святые“. Наука говоритъ, что по законамъ природы — чудо невозможно, но — о силахъ сверхприродныхъ, о вещахъ невидимыхъ, раскрывающихся для вѣры, наука ничего не можетъ сказать ни положительнаго, ни отрицательнаго, а „чудо— есть побѣда благодатныхъ, сверхприродныхъ силъ надъ тѣми природными силами, которыя обязательно дѣйствуютъ планомѣрно, а не отмѣна закономѣрности въ порядкѣ природы“. (Воскресеніе Христа и есть такое чудо). Многіе чувствуютъ, но не многіе лишь сознаютъ, что за дефектами нашего познанія, за его болѣзнью и ограниченностью скрывается „вина“,—вина нашей умопостигаемой воли передъ Смысломъ міра; вина коренится въ дурномъ направленіи воли, въ любви къ данной ограниченной дѣйствительности. Побѣда чудеснаго надъ порядкомъ природы — есть побѣда разума и Смысла. Научному же пониманію міра въ категоріи причинности открывается въ мірѣ только закономѣрность и необходимость. Но причинность, понимаемая изнутри — есть творческій актъ живого существа, а необходимость рождается отъ злоупотребленія свободой... Наука вѣрно учитъ о законахъ природы, но можно учить о невозможности чудеснаго, можно отрицать иные міры. Нѣтъ ни высшихъ, ни низшихъ истинъ—всѣ равны. Религіозный гнозисъ лишь превращаетъ частную научную истину въ истину полную и цѣльную, въ истину, какъ путь жизни. Но онъ достигается лишь внутреннимъ подвигомъ самоотреченія, который и допускаетъ къ высшимъ реальностямъ; созерцаніе общихъ идей, какъ реальностей, дается лишь побѣдой надъ ограниченной чувственностью и разсудочностью, благодатнымъ расширеніемъ опыта... Кончаетъ свою статью Бердяевъ утвержденіемъ, что въ русской философіи совершается переходъ отъ отвлеченнаго идеализма къ идеализму конкретному, который имѣетъ свое питаніе въ мистическомъ опытѣ и возсоединяетъ знаніе съ вѣрой, философію съ религіей. И наука, и философія должны подчиниться свѣту религіозной вѣры не для упраздненія своихъ истинъ, а для просвѣтленія этихъ истинъ въ полнотѣ знанія и жизни.

Н. Т.

Письма къ читателямъ.

Переживаніе наиболѣе приспособленнаго есть законъ эволюціи *животнаго;* самопожертвованье есть законъ эволюціи *человѣка.*

Проф. Гексли.

Въ первой половинѣ Іюля прошлаго года (1909) улицы Лондона, идущія отъ Темзы мимо Чарингъ-Кроссъ и Трафальгаръ-сквэръ до самаго Хайдъ-парка, на разстояніи болѣе трехъ верстъ, представляли изъ себя совершенно необыкновенное зрѣлище: по ней двигалась забавно оригинальная процессія друзей животныхъ, которые митингомъ въ Хайдъ-паркѣ заканчивали свой международный конгрессъ. Въ этой процессіи участвовали представители всѣхъ странъ съ своими знаменами, кромѣ Россіи *), и не менѣе ста различныхъ союзовъ, не имѣющихъ прямого отношенія къ защитѣ животныхъ, но пожелавшихъ выразить свое сочувствіе конгрессу. Особенность этой необыкновенной процессіи состояла въ томъ, что въ ней участвовали и герои конгресса, въ видѣ лошадей, ословъ, кошекъ, собакъ, кроликовъ и т. д. Задолго до начала конгресса, по всему Лондону были вывѣшены объявленія о томъ, что всѣмъ сочувствующимъ защитѣ животныхъ предлагается принять участіе въ процессіи, а у кого есть домашнія животныя, захватить и ихъ съ собой. Благодаря этому, со всѣхъ концовъ Лондона, въ томъ числѣ и изъ трущобъ, повыползли обыватели съ своими четвероногими друзьями, и нельзя сказать, чтобы эта часть процессіи отличалась красотой: здѣсь виднѣлись и оборванцы и нищія старушонки, которые несли на рукахъ или держали за веревочку такихъ же бѣдняковъ, какъ и они сами, съ

*) Въ процессіи участвовали два русскихъ теософа, но въ виду правила, установленнаго конгрессомъ, по которому требовалось не менѣе пяти представителей для того, чтобы нести національное знамя, русское знамя отсутствовало на конгрессѣ.

взъерошенной шерстью и слезящимися глазами и все же трогательно разукрашенныхъ пестрыми бантиками. Но было много и красивыхъ подробностей: людская процессія прерывалась отъ времени до времени нарядными колесницами, разубранными цвѣтами, на которыхъ красовались то разные звѣрки, то хорошенькая дѣвочка въ костюмахъ феи съ котенкомъ на рукахъ, то изъ-за зеленыхъ вѣтокъ выглядывала рыженькая бѣлка, надъ которой развѣвалось шотландское знамя съ такой надписью: *Кто говоритъ о любви, но не являетъ милосердія къ беззащитнымъ тварямъ, тотъ не знаетъ любви.* Очень интересна была огромная ломовая лошадь въ чепчикѣ и въ цвѣтахъ, которую съ гордостью велъ въ поводу ея хозяинъ. Тутъ же участвовалъ и союзъ дѣтей „Dog's Friends“ (друзья собакъ), сотни мальчиковъ съ своими пріятелями всевозможныхъ породъ и размѣровъ; были тутъ и простыя дворняжки, но онѣ терялись въ толпѣ мопсовъ, которые, оказывается, занимаютъ первое мѣсто въ сердцахъ англійскихъ мальчиковъ.

Не менѣе разнообразны были и представители двуногой породы: ученые, доктора, члены парламента, свѣтскія дамы, трущобные хулиганы, всѣхъ соединило въ одну дружную толпу доброе чувство къ „беззащитнымъ тварямъ“. Очень выразительны были картины и надписи на развѣвавшихся поверхъ процессіи знаменахъ. Одно изъ нихъ было даже изъято изъ употребленія по распоряженію блюстителей порядка, которые опасались, какъ бы оно не вызвало волненія на улицахъ. На этомъ знамени были изображены два увеличенные фотографическіе снимки собаки, *до* вивисекціи и *послѣ* нея. На одной сторонѣ знамени виднѣлась здоровая сильная собака, а на другой—измученный призракъ, съ такой печатью страданія на всемъ исхудаломъ тѣлѣ, что на нее страшно было смотрѣть.

Улицы, по которымъ двигалась процессія, были переполнены народомъ: со всѣхъ сторонъ раздавались смѣхъ и остроты надъ четвероногими демонстрантами и даже корректные полисмэны, выстроенные по обѣимъ сторонамъ, чтобы охранять процессію, съ трудомъ удерживались отъ веселыхъ улыбокъ. Всѣ звѣри имѣли видъ смышленный и полный достоинства, словно они хорошо понимали, къ чему все это клонитъ; одна изъ собакъ несла въ зубахъ копилку съ надписью: „на помощь страдающимъ животнымъ“ и вѣжливо пріостанавливалась, когда туда бросали деньги.

Когда процессія вошла въ Хайдъ-паркъ, не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ его огромная лужайка превратилась въ

живописный лагерь, окруженный, какъ заборомъ, воткнутыми въ землю знаменами; всѣ, и люди, и звѣри, усѣлись на траву, откуда-то появились чашки съ водой, изъ которыхъ четвероногіе участники процессіи принялись усердно лакать; на подъѣхавшія повозки-платформы взобрались ораторы, и понеслись горячія рѣчи противъ убійства животныхъ и противъ вивисекціи, при чемъ доводы ораторовъ опирались не только на нравственныя чувства, но и на научныя изслѣдованія.

Подобные конгрессы имѣютъ значеніе общественныхъ показателей: здѣсь уже не протестъ единичныхъ личностей, здѣсь сказывается пробужденіе общественнаго сознанія. Народъ, который начинаетъ задумываться надъ своимъ отношеніемъ къ живымъ тварямъ, вступаетъ уже на высшую ступень сознанія. Было время, когда люди поѣдали своихъ ближнихъ и находили это вполнѣ естественнымъ. Это время осталось далеко позади, и грѣховность людоѣдства не вызываетъ болѣе ни въ комъ сомнѣнія. Но до сознанія грѣховности убійства животныхъ мы еще не доросли, и только немногіе опередившіе остальныхъ начинаютъ протестовать противъ грубаго эгоизма, съ которымъ человѣкъ относится къ „беззащитнымъ тварямъ“. А между тѣмъ, пока мы не создадимъ и въ этой области жизни новыхъ нравственныхъ нормъ, отвѣчающихъ не грубымъ инстинктамъ нашей низшей звѣриной природы, а растущей потребности стать дѣйствительно человѣчными,—до тѣхъ поръ мы останемся по существу варварами, сколько бы не утончалась наша внѣшняя культура. Нечего закрывать глаза на то, что наша человѣчность остается вообще подъ большимъ сомнѣніемъ, разъ наши законы терпятъ организованныя бойни, гдѣ цѣлые гекатомбы жизней *) приносятся въ жертву нашимъ похотямъ и гдѣ создается низшій типъ человѣка, пропитанный испареньями крови и дѣлающій за насъ то жестокое и грязное дѣло, которое почти ни у кого изъ насъ не хватило бы силы сдѣлать самому.

И чѣмъ оправдываются эти преступленія противъ чужой жизни? Тѣмъ, что природа „жестока“, что убійства разлиты въ ней какъ обычное явленіе, и что не одинъ человѣкъ, а и всѣ твари занимаются истребленіемъ другъ друга. Но если это даже и такъ,—а согласиться съ этимъ можно лишь съ большими оговорками, потому что всѣ тигры и пантеры, вмѣстѣ взятые, лишь невинные младенцы въ сравненіи съ кровожадностью человѣка,—

*) Въ Чикаго, гдѣ на бойняхъ ведется статистика, убивается *ежечасно* 2.400 жертвъ.

животныя дѣлаютъ это такъ же стихійно, какъ растетъ трава, они не сознаютъ, что это дурно, и потому не отвѣчаютъ за свои убійства. Но положеніе совершенно мѣняется, когда дѣло идетъ о человѣкѣ, одаренномъ сознаніемъ и совѣстью. Передъ нимъ вся природа съ ея безчисленными дарами, которыми онъ можетъ питаться безгрѣшно, и если онъ предпочитаетъ убійства и нанесеніе страданія, онъ *долженъ отвѣчать за это.* Цѣлыя стада разводятся имъ искусственно для того, чтобы прирученныхъ животныхъ, лишенныхъ всѣхъ средствъ самозащиты, убивать для удовлетворенія своихъ вкусовыхъ ощущеній. Да, я утверждаю, что здѣсь вопросъ идетъ не о необходимости поддержать свое существованіе, а о вкусовыхъ ощущеніяхъ. Вѣдь мы знаемъ, что цѣлые народы обходятся безъ животной пищи, и что съ каждымъ днемъ во всѣхъ странахъ міра возрастаетъ число вегетаріанцевъ, которые бросаютъ мясную пищу и не только не страдаютъ отъ этого, но испытываютъ явную пользу для своего здоровья.

Наше сознаніе полно предразсудковъ и суевѣрій. Переходя на новую ступень развитія, мы еще долго живемъ по инерціи тѣмъ, что осталось позади, пережитками варварства, которые мы въ дѣйствительности уже переросли. Къ такимъ пережиткамъ относится и питаніе убитыми животными, и глубоко правъ былъ Л. Н. Толстой, когда сказалъ: „мясоядeніе есть пережитокъ варварства, и переходъ къ растительной пищѣ есть самое первое и естественное послѣдствіе просвѣщенія“.

Кромѣ того, питаніе мясомъ убитыхъ животныхъ поддерживается нашимъ глубокимъ невѣжествомъ относительно тѣхъ тонкихъ процессовъ жизни, которые совершаются въ невидимой лабораторіи нашего физическаго организма. Мы совсѣмъ не считаемся съ нуменальной стороной того, что мы вводимъ въ свой организмъ, а между тѣмъ матеріалъ, изъ котораго мы строимъ его, не кирпичи, а живая субстанція, проникнутая опредѣленными психическими свойствами, которыя не поддаются ни взвѣшиванію, ни химическому анализу.

Мы совершенно не задумываемся надъ тѣмъ вліяніямъ, какое наше безжалостное отношеніе къ поѣдаемымъ нами животнымъ можетъ имѣть на качество матеріала, изъ котораго мы строимъ наше физическое тѣло. А между тѣмъ, все наше физическое благосостояніе въ непосредственной зависимости отъ дурнаго или хорошаго характера нашихъ отношеній къ *міру внѣ насъ.* Благодаря глубокому невѣдѣнію со стороны матеріалистической науки тѣхъ процессовъ жизни, которые творятся подъ

внѣшнимъ покровомъ явленій, она не только допустила, но и санкціонировала три рода преступленій противъ животныхъ: отнятіе у нихъ жизни *для питанія нашего тѣла*, привитіе здоровому животному болѣзней *для поддержанія нашего здоровья* и жестокія мучительства надъ его организмомъ *для развитія науки*. Всѣ эти преступленія, какъ и все грѣховное, могутъ дать только дурные результаты, и съ развитіемъ просвѣщенія они будутъ осуждены и изгнаны изъ того новаго строя жизни, къ которому мы медленно, но неизбѣжно подвигаемся. Но даже и въ наше время, на Западѣ, особенно въ Англіи, возникъ цѣлый походъ авторитетныхъ медиковъ и ученыхъ противъ нашего грѣховнаго отношенія къ животнымъ. Не мало просвѣщенныхъ докторовъ пришли уже къ убѣжденію, что море крови, которое ежегодно проливается ради питанія человѣчества, идетъ ему не на пользу, *а во вредъ*: оно усиливаетъ животныя страсти, вызываетъ наклонность къ алкоголизму и создаетъ цѣлый рядъ заболѣваній. Передовая медицина доказываетъ, что тамъ, гдѣ мясное питаніе вытѣсняетъ все болѣе изъ народнаго обихода растительную пищу,— растутъ заболѣванія и особенно три бича современныхъ клиникъ: воспаленіе червообразнаго отростка, чахотка и ракъ *), которые всѣ три въ непосредственной связи съ обильной мясной пищей и почти совсѣмъ отсутствуютъ у вегетаріанцевъ. Рядомъ съ этими выводами медицинской науки, растетъ число ученыхъ, которые доказываютъ, что оспопрививаніе и другія предохранительныя прививки вносятъ въ организмъ нашихъ дѣтей столько заражающихъ ядовъ, что весьма сомнительная польза этихъ прививокъ сводится къ отрицательной величинѣ. Они утверждаютъ, что улучшеніе гигіеническихъ условій является несравненно болѣе вѣрнымъ предохранительнымъ средствомъ противъ заразныхъ заболѣваній, чѣмъ всевозможныя прививки. Не менѣе поколеблена вѣра и въ пользу вивисекціи. Изъ лагеря ученыхъ все чаще раздаются голоса противъ безцѣльныхъ мученій, которымъ беззащитныхъ животныхъ подвергаютъ въ ученыхъ застѣнкахъ. Все чаще встрѣчается и въ передовой литературѣ, и среди наиболѣе благородныхъ представителей науки осужденіе нашему безжалостному отношенію къ животнымъ какъ съ точки зрѣнія гигіены,

---

*) По статистическому отчету за 1909 годъ министерства народнаго здравія въ Новой Зеландіи, оказывается, что страна эта подверглась настоящему народному бѣдствію въ видѣ повальныхъ заболѣваній ракомъ. Объясняется это дешевизной баранины, которую Ново-Зеландцы ѣдятъ три раза въ день вмѣсто хлѣба, который имъ обходится дороже мяса.

такъ и съ точки зрѣнія усовершенствованія человѣческаго типа и усиленія нравственнаго чувства. Изъ этого можно заключить, что наше сознаніе дѣйствительно переходитъ на высшую ступень, но необходимо, чтобы это выросшее сознаніе проникло въ жизнь, чтобы оно вызвало коренныя реформы во всѣхъ подробностяхъ нашего обихода и подняло весь нравственный кодексъ нашего поведенія.

Но есть въ этихъ вопросахъ еще одна сторона, совершенно чуждая западному сознанію, сторона оккультная, относительно которой мнѣ и хотѣлось бы дать нѣсколько указаній моимъ читателямъ. Если допустить хотя бы какъ гипотезу, что за видимымъ физическимъ міромъ существуютъ міры невидимые, а за проявленіями физическаго организма кроется невидимая жизнь сознанія, сохраняющаяся послѣ смерти, въ такомъ случаѣ необходимо поставить вопросъ: куда же дѣвается „жизнь-сознаніе" тѣхъ безчисленныхъ существъ, которыя ежеминутно—порознь и цѣлыми массами—убиваются человѣкомъ? И имѣетъ ли какое-либо отношеніе сознаніе убитыхъ къ убиваемымъ? Наука молчитъ на этотъ вопросъ, этика европейскихъ народовъ—какъ и во всемъ остальномъ—довольствуется компромиссами, или же ссылается на Библію, на проблематическаго пасхальнаго агнца, и т. д. Совсѣмъ иначе говоритъ этика древняго Востока или современный теософъ. Онъ утверждаетъ, что *жизнь едина* и *законъ единъ* для всей вселенной, видимой и невидимой, и что нарушая законъ здѣсь, на землѣ, мы *неизбѣжно* создаемъ тяжелыя послѣдствія въ невидимыхъ мірахъ, которыя можно считать нуменальной стороной міра видимаго; и послѣдствія эти, въ свою очередь, отражаются на земной жизни и приносятъ съ собой благо или бѣдствія съ такой же математической точностью и неизбѣжностью, съ какой ударяющееся о каменную стѣну твердое тѣло отскакиваетъ назадъ.

Одной изъ самыхъ укоренившихся идей современнаго сознанія является право собственности. Это „священное право" относятъ къ вещамъ, домамъ, землямъ, и здѣсь оно ограждается закономъ и нравственнымъ чувствомъ. Но какъ только вопросъ касается величайшаго изъ всѣхъ правъ, права живого существа на жизнь, тутъ на нравственное сознаніе современнаго человѣка набрасывается покровъ, сотканный изъ слѣпого эгоизма, и покровъ этотъ заставляетъ человѣка воображать, что весь міръ созданъ для однѣхъ его потребностей, что всѣ окружающія его существа, сходныя съ нимъ по организаціи и по способности радоваться и

страдать, существуютъ только ради него, и ихъ жизнь, столь схожая съ его собственной жизнью, не имѣетъ ни своей собственной эволюціи, ни своей собственной цѣли.

Видѣлъ ли кто-нибудь изъ моихъ читателей, питающихся мясомъ, выраженіе ужаса въ глазахъ той курицы, которой дворникъ или поваръ перерѣзываетъ горло? И многіе ли отваживались, какъ Л. Н. Толстой, сходить на общественную бойню и наблюдать надъ психическимъ состояніемъ тѣхъ животныхъ, надъ которыми заносится ножъ убійцы? Кто видѣлъ эти картины, тотъ знаетъ, что въ эти минуты отъ животнаго отдѣляется напряженная сила, которую можно назвать ужасомъ и предсмертной тоской. Куда же дѣвается эта сила и во что преобразуется она? Мы прекрасно знаемъ, несмотря на все наше невѣжество въ области душевныхъ переживаній, что любовь вызываетъ любовь, а ненависть порождаетъ ненависть, и что эти невидимыя силы создаютъ совершенно реальную связь между любящими и ненавидящими. Но мы видимъ только обрывокъ этихъ взаимодѣйствій, выразившійся здѣсь на земномъ планѣ; остальная игра тѣхъ же самыхъ взаимодѣйствій ускользаетъ отъ наблюденій нашего трехмѣрнаго разума. Но она продолжается въ четвертомъ измѣреніи, въ неуловимыхъ для огромнаго большинства мірахъ съ такой же логикой и реальностью, съ какой опредѣленныя послѣдствія слѣдуютъ за причинами, которыя мы можемъ видѣть и осязать здѣсь, на землѣ. Я сказалъ „огромное большинство“ потому, что даже и въ наше время появляются люди съ раскрывшимся внутреннимъ зрѣніемъ, которое даетъ имъ возможность производить наблюденія въ области невидимыхъ міровъ. И то, что они тамъ видятъ и что разсказываютъ, совершенно логично и вполнѣ соотвѣтствуетъ закону причинности, который дѣйствуетъ и у насъ, на землѣ.

Допустивъ, что кромѣ нашего осязаемаго міра существуютъ невидимые міры, гдѣ жизнь-сознаніе продолжается, когда физическая оболочка убита, слѣдуетъ сдѣлать еще одинъ шагъ впередъ и спросить себя: какъ отражаются въ этихъ мірахъ страданія убиваемыхъ нами животныхъ? Чѣмъ выражается этотъ трепетъ ужаса и предсмертной тоски безчисленныхъ жертвъ, жизненный опытъ которыхъ прерывается человѣкомъ снова и снова недоконченный? Куда устремляется неудовлетворенная жажда жизни, всѣ обрѣзанныя нити ощущеній, всѣ уничтоженныя возможности? Не естественно ли предположить, что весь потусторонній міръ переполненъ вибраціями страха и ненависти къ чело-

вѣку? И не получаютъ ли характеръ полной вѣроятности разсказы ясновидящихъ о томъ, какія угрожающія, ужасъ наводящія явленія несутся на встрѣчу душѣ злого человѣка, вступающаго въ потусторонній міръ?

Отчего происходитъ страхъ смерти? Оккультистъ знаетъ, что этотъ страхъ—опытъ души, которая въ бреду, въ болѣзни или во снѣ, освобождаясь изъ своего физическаго тѣла, переносилась въ астральный міръ и видѣла, съ какой жуткой реальностью астральныя формы убитыхъ и замученныхъ животныхъ набрасываются на своихъ умершихъ мучителей. Между убійцей и его жертвой возникаетъ невидимая для насъ, но чрезвычайно сильная магнетическая связь, которая выражается въ потустороннемъ мірѣ тѣмъ, что убитый привлекается къ виновнику своей насильственной смерти, всюду слѣдуетъ за нимъ до тѣхъ поръ, пока не закончится очистительный періодъ перешедшей въ загробный міръ души. Можно себѣ представить, какъ пріятно пребываніе въ этомъ мірѣ ученаго вивисектора, за которымъ упорно гонится стая стонущихъ и воющихъ отъ боли истерзанныхъ жертвъ его научныхъ опытовъ... И напрасно стали бы мы оправдывать себя тѣмъ, что намъ невѣдомы эти невидимыя нити жизни, что мы ничего не знаемъ о переживаніяхъ убиваемаго животнаго. Нѣтъ, каждый изъ насъ видѣлъ хотя бы мимолетно, какія отчаянныя усилія оно дѣлаетъ, чтобы сохранить свое право на жизнь. И каждый знаетъ, что грѣховность убійства сказывается въ глубинѣ нашей совѣсти совершенно отчетливо, и когда жертвой является человѣкъ, мы ужасаемся и не колеблясь осуждаемъ убійцу.

Но эта отчетливость появилась вмѣстѣ съ эволюціей нашего нравственнаго сознанія: было время, когда человѣкъ убивалъ своего собственнаго брата съ легкимъ сердцемъ. Въ настоящее время мы достигли той ступени, на которой убійство человѣка карается и закономъ и мученіями совѣсти, но на убійство и мучительство животныхъ все еще дается разрѣшеніе и собственной грубостью и судомъ общественной нравственности. Несомнѣнно, что и эта ступень останется позади насъ, какъ остались позади вѣка людоѣдства, и настанутъ времена милосерднаго отношенія къ беззащитнымъ тварямъ. Тогда измѣнятся и условія въ потустороннихъ мірахъ, вибраціи этихъ міровъ не будутъ отражаться тяжелыми вліяніями на нашъ земной міръ, и люди перестанутъ бояться смерти. Развѣ мы не знаемъ, что и въ наше время кроткіе и любящіе умираютъ безъ всякаго страха.

Современное человѣчество начинаетъ уже приближаться къ той ступени своей эволюціи, когда его движеніе впередъ требуетъ яснаго сознанія *единства жизни* и осуществленія на дѣлѣ *закона любви и милосердія.* И отдѣльный человѣкъ, и цѣлый народъ, сознательно нарушающій законъ любви, работаетъ надъ своимъ угасаніемъ, ибо будущее за сильными въ любви, а не въ кулачномъ правѣ, за побѣдившими свою низшую звѣриную природу, а не за рабами ея. Вотъ почему истинный теософъ такъ горячо протестуетъ противъ боенъ и противъ вивисекціи: во имя чего бы не совершалась жестокость, она всегда влечетъ за собой соотвѣтствующее возмездіе.

Тонкое чувство чести было во всѣ времена признакомъ благороднаго происхожденія. Это чувство законное, но оно искажено узкимъ пониманіемъ рыцарской формулы: *noblesse oblige* (благородство обязываетъ). Истинная человѣчность требуетъ расширенія этой формулы на весь Божій міръ, на всѣхъ, зависящихъ отъ великодушія человѣка. И несомнѣнно придетъ время, когда растущая совѣсть *заставитъ* человѣка осудить всѣ хищническія поползновенія въ томъ мірѣ, гдѣ онъ фактически является властелиномъ и законодателемъ. И тогда онъ начнетъ строить новую культуру, основанную не на жестокости, а на любви, которая одна въ состояніи принести человѣчеству и физическое здоровье, и истинное благополучіе.

Другъ читателя.

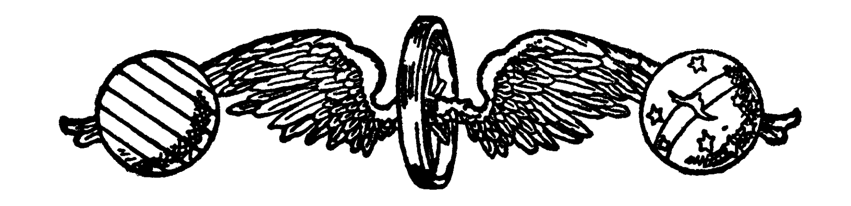
О мать, велика моя радость: я нашелъ истиннаго Гуру.

Да будетъ благословенъ истинный Гуру, знающій Господа и заставившаго насъ полюбить друга и врага!

Размышляй въ благовонный утренній часъ о великихъ свойствахъ Истиннаго Слова!

Сколько бы не мыли водой свое тѣло, о братъ, оно все же нечисто; окунемся въ глубокія воды высшаго вѣдѣнія, о братъ, да очиститъ оно и тѣло, и духъ!

(Изъ Св. Писаній Сикх'овъ; см. стр. 3).

Отдѣлъ духовныхъ исканій.

Слово, сказанное на молитвенномъ собраніи духовныхъ христіанъ, въ просторѣчіи молоканъ, въ 1910 году, 29 февраля.

Дорогіе братья и сестры! можетъ-ли кто-нибудь изъ насъ сказать въ суемудріи своемъ: „это мое пониманіе истинно". Нѣтъ дорогіе братья и сестры, каждаго пониманіе есть только пониманіе его. Онъ не можетъ сказать въ тщеславной гордости своей: мое пониманіе обязательно для всѣхъ. Есть для всѣхъ обязательное непониманіе, а жизнь—путь къ достиженію истины. Могу-ли я, въ ничтожной бренности быстропроходящаго существованія своего, сказать брату своему или сестрѣ своей: идите за мной. Нѣтъ дорогіе братья, чувство смиренія и благоговѣйнаго уваженія къ старшему брату нашему Іисусу изъ Назарета, не позволяетъ сказать мнѣ высомѣрной фразы такой. Все что я имѣю въ духовномъ мірѣ своемъ, въ душевныхъ способностяхъ своихъ,—развѣ оно мое, развѣ я создалъ самъ себя. Вы вошли въ трудъ другихъ, другихъ трудъ создалъ меня.

Дорогіе сестры и братья, дорогіе люди, живущіе со мною, жившіе до меня. Я созданъ не всей совокупностью дѣлъ прежде жившихъ, не во всякій трудъ вошелъ я; я созданъ тѣми дѣлами, я вошелъ въ трудъ тѣхъ, которые работаютъ, трудясь, сознательно или безсознательно—по разумѣнію или по существу своему, движимы были въ дѣятельности своей духомъ Всемогущаго, Творящаго Желанія. И этому Всемогущему, Творящему желанію обязанъ я духовной личностью своей. И когда я смотрю на маленькую ничтожную личность свою въ огромномъ пространствѣ, міра когда я ощущаю быстропроходящее существованіе свое и безконечные протекшіе вѣка жизни и еще болѣе безконечные вѣка

жизни въ будущемъ, какъ ничтожнымъ кажусь я въ собственныхъ глазахъ своихъ, какъ безцѣнна жизнь моя. И вотъ, когда я обращаюсь къ Великому Учителю и Брату нашему, какимъ чувствомъ неземной любви проникаюсь я къ нему, показавшему мнѣ смыслъ жизни, показавшему мнѣ свѣтъ истины двумя словами: вы дѣти Божіи. Дополнилъ эти слова другими: будьте совершенны, какъ Отецъ вашъ Небесный. И здѣсь у васъ на собраніяхъ, когда просятъ и предлагаютъ говорить мнѣ, всѣ усилія воли моей, всѣ силы маленькихъ способностей моихъ употребляю я на то, чтобъ дать людямъ понять всю высоту ученія Іисуса изъ Назарета, Старшаго Брата нашего, и его міровое значеніе. Не исчерпывается это значеніе тѣмъ временемъ, когда онъ училъ, не исчерпывается это значеніе и нашимъ временемъ—въ нашемъ настоящемъ; какъ не исчерпается оно никакимъ настоящимъ, въ тѣхъ безконечныхъ будущихъ вѣкахъ, которые предстоитъ пережить живущему. И хочу я, милые братья и сестры, чтобы въ сердцахъ вашихъ и въ сердцѣ моемъ возгорѣла та пламенная творческая любовь, какая руководила Старшимъ Братомъ нашимъ и Великимъ Учителемъ нашимъ, когда онъ добровольною Голгоѳою замѣнилъ ветхозавѣтную жертву. Когда онъ сказалъ: не жертвы хочу, а милости. Дорогіе братья и сестры, не жертвой должны мы считать служеніе наше Всемогущему; мы должны какъ милости просить, чтобъ принялъ Онъ служеніе наше, чтобъ оно вошло въ жизнь вѣчную. Всѣ слова, которыя приходится говорить мнѣ, слова не мои. Чувства — переживанія, когда я говорю слова эти — чувства эти, переживанія эти—мои. Они мои, но ихъ не было-бы у меня, если-бы я душою своею, просвѣтленною духомъ ученія Іисуса изъ Назарета, не вошелъ въ Великій Трудъ Его. Великая Голгоѳа—это сущность христіанства. Она воспитываетъ души наши, она дѣлаетъ насъ способными быть Сынами Божіими. Когда, въ затрудненіяхъ нашей вещественной жизни, кто-нибудь указываетъ намъ путь и выходъ, и путь и выходъ дѣйствительно облегчаютъ затрудненія наши, въ частныхъ условіяхъ жизни нашей—мы благодаримъ указавшихъ. Старшій Братъ Нашъ не только указалъ путь, не только научилъ жизнью своею, но и въ концѣ нашего пути поставилъ такую высокую цѣль, съ такимъ яркимъ свѣтомъ, что какъ-бы ни уклонился я отъ пути, въ какую-бы глубокую не упалъ пропасть, высота маяка и сила свѣта проникнетъ туда и покажетъ мнѣ, какъ направить шаги свои, чтобы опять встать на дорогу, ведущую къ познанію истины жизненнымъ путемъ и опять приближать возможность достиженія совершенства и здѣсь на землѣ. Итакъ, дорогіе братья и сестры, будемъ помнить всегда, что мы дѣти Божіи, что мы должны возрастать въ полный возрастъ Христа, Сына Божія; возра-

стать дѣлами нашими. Будемъ, дорогіе братья и сестры, какъ путеводящую звѣзду къ дѣятельности нашей на сонъ грядущій, уставшіе отъ труда въ суетѣ мірской или пробудившіеся съ лучами солнца для труда, будемъ всегда повторять въ душѣ своей: да святится Имя Твое, да пріидетъ Царство Твое и будетъ воля Твоя и здѣсь на землѣ, какъ въ недосягаемой высотѣ небесъ. Аминь. И это пусть будетъ руководствомъ въ жизни нашей.

Даниловъ.

Кто дѣлаетъ добро—отъ Бога, а дѣлающій зло не видѣлъ Бога.
(III Соб. Посл. Ап. Іоанна Богослова).

Неужели Богъ есть Богъ Іудеевъ только, а не язычниковъ? Конечно и язычниковъ.
(I Посл. къ Римл. Ап. Павла).

Не *тотъ* Іудей, кто таковъ по наружности, и не то обрѣзаніе, которое наружно, на плоти; но тотъ Іудей, кто внутренно *таковъ*, и *то* обрѣзаніе, *которое* въ сердцѣ, по духу, а не по буквѣ; ему и похвала не отъ людей, а отъ Бога.
(Тамъ же).

Если мы умерли со Христомъ, то вѣруемъ, что и жить будемъ съ Нимъ.
(Тамъ же).

Если Христосъ въ Васъ, то тѣло мертво для грѣха, но духъ живъ для праведности.
(Тамъ же).

Всѣ, водимые Духомъ Божіимъ, суть сыны Божіи, потому что вы не приняли духа рабства, чтобы опять жить въ страхѣ, но приняли Духа усыновленія, которымъ взываемъ: Авва, Отче!
(Тамъ же).

Jmpressions d'âme par Jeanne de Vietinghoff, Paris 1909. Librairie Fischbacher

---

Авторъ недавно появившейся въ Парижѣ книги подъ заглавіемъ „Впечатлѣнія души“,—уроженка Бельгіи. Даровитая соотечественница Метерлинка видимо находится подъ сильнымъ вліяніемъ своего учителя; она удачно восприняла его пріемы творчества и вся ея книга, состоящая изъ крошечныхъ главъ, представляетъ собою рядъ глубоко духовныхъ мыслей, выраженныхъ въ краткихъ предложеніяхъ. Всѣ помнятъ, конечно, знаменитое „Молчаніе“ Метерлинка; несмотря на громкую славу этого произведенія, баронесса Фитингофъ не побоялась взять ту же тему для одной изъ своихъ главъ и надо признаться, что эта глава отмѣчена большой силой и выразительностью. „Когда торжествующее счастье наполняетъ тебѣ душу, чтобы не спугнуть его, храни молчаніе; когда приближающаяся смерть откроетъ предъ тобою завѣсу вѣчности,—безмолствуй, чтобы услышать зовъ Отца. Ибо знай, что все не сказанное здѣсь, записано тамъ Господомъ, въ Его Божественной книгѣ“, и т. д.

Мы слышали, что баронесса Фитингофъ недавно заинтересовалась Теософіей. Слѣдующія изреченія ясно свидѣтельствуютъ о томъ, что сознательно или безсознательно она дѣйствительно близко подошла къ основамъ этого ученія.

„Поскольку мы хозяева своей воли и своихъ мыслей, мы являемся творцами своей судьбы; ибо рано или поздно, то, чего мы желали или о чемъ думали, становится дѣйствительностью. Человѣкъ свободно выбираетъ себѣ идеалъ, извѣстное направленіе въ жизни; но затѣмъ онъ безсознательно ищетъ ту среду, тѣ обстоятельства, тѣ способы, которые могутъ привести къ осуществленію этого идеала...“. Улыбка привлекаетъ улыбку. Если я восторгаюсь красивымъ, великимъ, правдивымъ, быть можетъ, я пройду мимо маленькихъ, ничтожныхъ явленій, не за-

мѣчая ихъ, и только красивому, великому и правдивому дамъ доступъ въ свою жизнь". „Если дозволено сказать, что красота природы пребываетъ въ насъ, то можно съ одинаковымъ правомъ сказать, что величіе или узость, богатство или скудость нашей судьбы таятся въ насъ самихъ". „Мы должны культивировать въ душѣ постоянную готовность къ жертвѣ, добровольное и заранѣе данное согласіе на каждое возможное лишеніе". „Счастье пребываетъ на днѣ страданія, богатство обрѣтается упражненіемъ въ бѣдности, любовь—въ опустошеніи сердца, владѣніе—въ жертвѣ". „Отъ насъ часто ошибочно требуютъ отреченія отъ нашего *Я*, не отличая низшее *я*, которое дѣйствительно должно быть принесено въ жертву, отъ высшаго *Я*, которое надо оберегать подъ страхомъ самоубійства. Слѣдовательно, стать свободнымъ не значитъ отречься отъ своей личности, а отъ зла, которое препятствуетъ развитію этой высшей личности". „Почти всѣ мы испытываемъ непреодолимую потребность остановить нашъ выборъ на какомъ-нибудь одномъ существѣ, которому мы могли бы отдать себя всецѣло, требуя въ то же время и отъ него полнаго отвѣтнаго дара; однако въ жизни надо научиться питаться крохами, принимать отъ каждаго то, что онъ можетъ дать и давать каждому то, что онъ проситъ. Это есть путь къ обогащенію себя и другихъ". „Когда мы изнемогаемъ, не слѣдуетъ уступать естественной потребности искать опоры, просить и брать; именно въ это то время и слѣдуетъ развить въ себѣ настроеніе, стремящееся поддержать, отвѣчать и давать, ибо каждое эгоистическое движеніе умаляетъ, великодушіе—обогащаетъ". Если я имѣю вѣру въ кого-нибудь, то я перестаю его судить, даже если его поступки кажутся мнѣ неправильными, его слова ложными, его мысли безумными, все же я не сомнѣваюсь въ немъ, потому что я знаю, что онъ на пути истины; истины, быть можетъ, разнящейся отъ моей, но все же Истины".

Такимъ образомъ, талантливая книга послѣдовательницы одного изъ тончайшихъ психологовъ нашего времени, сумѣвшаго съ такой нѣжностью и красотой воспроизвести образъ прозрѣвшей и растущей души, можетъ стать на ряду съ изящнѣйшими произведеніями современной литературы. Въ часы сомнѣній, борьбы и одиночества возьмите эту книгу и ея душистая, сладкая влага вольется вамъ въ душу успокоительной и чистой струей. Все въ ней призывъ къ Богу, все въ ней зоветъ къ борьбѣ съ низшими началами человѣка, все въ ней исканіе вѣчной родины, неувядающихъ цвѣтовъ, неугасающаго свѣта. Изъ уголковъ обнаженной передъ читателемъ души вѣетъ достигнутой прохладой послѣ мучительныхъ и страстныхъ скитаній среди знойнаго дня, покоемъ и радостью усталаго путника, узрѣвшаго среди пустыни таинственный и желанный родникъ.

Пожелаемъ автору „Впечатлѣній души“ успѣшной творческой работы на литературномъ пути, на которомъ человѣчество взрастило столько нездоровыхъ цвѣтовъ, оскверняющихъ воображеніе картинами земныхъ вожделѣній. Радостно ликуемъ при каждомъ призывѣ къ свѣту, чистой и тонкой струей пробивающаго себѣ путь среди душной, полной дурмана атмосферы сорныхъ и ядовитыхъ травъ, которыми полно современное литературное творчество.

Для полноты замѣтки, мы позволимъ себѣ привести цѣликомъ двѣ главы изъ названной книги: „L'harmonie finale“ и „Prendre et donner“.

Конечная гармонія.

Въ отдаленномъ кварталѣ Рима жилъ знаменитый художникъ. Его мастерская пользовалась извѣстностью; въ ней собирались ежедневно многочисленные ученики; преисполненные усердія и жажды знанія, они внимали мудрымъ совѣтамъ учителя.

Однажды онъ получилъ заказъ на расписное стекло для большого храма. Работа была продолжительна, трудна, но обѣщала стать чудесной и увѣнчать и безъ того уже великую славу учителя.

Онъ выбралъ среди своихъ учениковъ самаго юнаго, своего любимца, даровитостью превосходящаго всѣхъ остальныхъ.

„Пойди сюда,—сказалъ онъ,—ты будешь мнѣ помогать; каждый день ты будешь расписывать маленькій кусочекъ стекла, а я буду его исправлять. Ты будешь исполнять мои указанія точно и вложишь въ свой трудъ всю свою любовь, талантъ, умѣнье и старанье; когда всѣ куски стекла будутъ готовы, я поведу тебя въ соборъ и мы вмѣстѣ будемъ любоваться нашей общей работой!

Ученикъ обѣщалъ и принялся за трудъ. Одинъ день ему приходилось изображать часть ландшафта, нѣсколько деревьевъ, кусочки неба или только солнечный свѣтъ и воздухъ; другой разъ—человѣческій ликъ, орошенный слезами, руку, кисть; затѣмъ—несущуюся птицу, плывущее облако. Иногда все должно было быть голубымъ, иногда сѣрымъ; то были худшіе дни. Смыслъ работы оставался тайной для молодого художника; его вчерашній трудъ не согласовался съ тонами сегодняшняго и онъ тщетно старался найти связь, хотя бы между двумя стеклами этой нелѣпой работы.

Ему случалось говорить со вздохомъ: „О радость осуществленной мечты, гдѣ ты?“.

Быть въ состояніи, какъ другіе, создавать великія вещи на большомъ полотнѣ, воспроизводить все, что носишь въ душѣ, что видишь въ жизни, свой идеалъ! Совершить цѣльную работу и имѣть возможность послѣ долгаго трудового дня созерцать законченную картину!

Между тѣмъ, насталъ конецъ его работы. Учитель однажды пришелъ къ нему и взялъ его за руку.

„Иди“, сказалъ онъ, „и смотри“.

Было ясное весеннее утро. Молча шли учитель и ученикъ по большому городу и остановились наконецъ передъ вратами величественнаго храма. Учитель вошелъ, за нимъ ученикъ. Ослѣпленный солнечнымъ свѣтомъ, взоръ юноши сперва не могъ ничего различить, кромѣ смѣшанныхъ формъ и красокъ, пятнами выступавшихъ на фонѣ темныхъ сводовъ. Но вдругъ его зрѣніе прояснилось, и юноша, упавъ на колѣни, съ протянутыми руками и дрожащими губами воскликнулъ въ экстазѣ:

„Мои стекла, мой идеалъ! Вся моя жизнь! Я, значитъ, не напрасно трудился; то, о чемъ я мечталъ, о учитель, ты осуществлялъ моей смиренной кистью!

Дѣйствительно, великолѣпная картина выступала въ глубинѣ собора; въ соединенныхъ кускахъ стекла сіяли творчество ученика и вся слава учителя!

Получать и давать.

Однажды человѣкъ усталъ отъ слезъ; посмотрѣвъ вокругъ себя и увидавъ по близости счастье, онъ протянулъ руку, чтобы имъ завладѣть... То былъ цвѣтокъ, но едва отдѣленный отъ стебля, онъ завялъ въ рукѣ, сорвавшей его.

Тогда онъ замѣтилъ лучъ солнца и поднялъ глаза, чтобы уловить его свѣтъ, но свѣтъ погасъ за облакомъ.

Онъ взялъ арфу и провелъ по ней рукой, но она издала скрипящій звукъ.

Вечеромъ человѣкъ опять заплакалъ.

Но онъ продолжалъ искать счастье и на слѣдующій день.

На дорогѣ онъ встрѣтилъ плачущее дитя; чтобы его утѣшить, онъ взялъ цвѣтокъ и протянулъ его ребенку. И запахъ цвѣтка сладостно опьянилъ его.

Встрѣтилась ему женщина въ лохмотьяхъ; онъ повелъ ее къ солнцу и самъ согрѣлся въ его лучахъ.

Навстрѣчу ему шли юноши, распѣвая пѣсни; онъ сталъ вторить имъ на своей арфѣ и звуки тѣ его убаюкали.

Вечеромъ того дня человѣкъ улыбался.

М. К.

Электрофотосфены и энергографія. Dr. Med. Погорѣльскій. Спб., 1899 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Цѣлымъ рядомъ научно поставленныхъ опытовъ д-ръ Погорѣльскій доказываетъ, что всѣ тѣла природы и всѣ виды матеріи обладаютъ извѣстнымъ количествомъ *физіологической* энергіи, которую они вѣчно эманируютъ (излучаютъ) изъ себя. Энергія эта подчинена закону полярности и, будучи введена въ организмъ другого человѣка, вызываетъ въ немъ соотвѣтственныя измѣненія вплоть до полнаго исцѣленія отъ разнаго рода недуговъ. Работа интересна для всѣхъ интересующихся цѣлебнымъ магнетизмомъ.

Цивилизація, ея причина и излеченіе. Эд. Карпентеръ. Изданіе И. Ф. Наживина. Цѣна 80 к. Складъ при книжномъ магазинѣ „Трудъ“ (Спб., Невскій, 60).

Хорошія книги рѣдки. Поэтому съ особеннымъ удовольствіемъ слѣдуетъ отмѣтить книгу Эд. Карпентера какъ серьезный трудъ на благо всего человѣчества. Сильными, увѣренными штрихами очерчиваетъ авторъ относительность нашихъ познаній, условность обычныхъ кодексовъ закона и морали, и призываетъ къ возстановленію нарушеннаго единства нашей природы съ перестройкой личной и общественной жизни. Но не то важно, что Эд. Карпентеръ пишетъ; важно то, что онъ самъ провелъ свои взгляды въ жизнь и на собственномъ опытѣ доказалъ ихъ жизненность и цѣнность. Дѣйствительно, цивилизація—это болѣзнь нашего вѣка, и чѣмъ скорѣе мы сбросимъ съ себя ея вериги, тѣмъ ближе мы будемъ къ „новому небу и новой землѣ, въ нихъ же правда живетъ“.

К. Кудрявцевъ.

Редакторъ-Издательница **А. А. Каменская.**